

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 4 (129)
2025

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
Издательство ЛГПУ
291011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2,
т/ф +7 857-2-58-03-20

№ 4 (129) • 2025 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 4(129) • 2025

Сборник научных трудов

Луганск
Издательство ЛГПУ
2025

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В38

(12+)

Учредитель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.
Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Дата регистрации: 18.11.2024. Серия ПИ № ФС77-88705

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор
Заместитель главного редактора
Соболева И. А. – кандидат филологических наук, доцент
Выпускающий редактор
Калинина Г. Г. – директор Издательства ЛГПУ
Редактор серии
Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Водяницкая А. А.	– доктор филологических наук, доцент
Дубровская Т. В.	– доктор филологических наук, профессор
Иванова Н. П.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кузина М. А.	– доктор филологических наук, доцент
Марфина Ж. В.	– доктор филологических наук, доцент
Меркулова М. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Петрова И. М.	– доктор филологических наук, доцент
Попова Л. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Присянникова О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Скляр Н. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч.
В38 тр. Серия «Филологические науки». № 4(129) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып.
ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск :
Издательство ЛГПУ, 2025. – 180 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(распоряжение Минобрнауки России от 01 октября 2024 г. № 368-р)*

Индексируется библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 5 от 26 ноября 2025 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Л. Н. Юбилейный дискурс: синергия объединения пространства и времени.....	5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Марфина Ж. В., Соболева И. А. Риторизация учебно-образовательного процесса: реалии, проблемы, перспективы.....	12
Олизько Н. С. Медиадискурс университетской цифровой среды как фактор академической самоорганизации (на примере ЧелГУ и ЮУрГУ).....	20
Бутова А. В. К лингвистическому определению понятий «торговая марка», «название продукта», «название компании».....	28
Дубинина В. А. Интертекстуальность в цифровом дискурсе.....	35
Зайцева А. В. Текст как инструмент повышения уровня культуры речи и формирования профессиональной языковой личности педагога.....	41
Луннова М. Г., Сергушкина С. С. Языковые особенности комментариев к информационным постам в Интернете (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	47
Пастухов А. Г. Категория «реактивности» в системе дифференциальных свойств медиатекста.....	54
Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности мультимодального контента Telegram-канала Казанского федерального университета.....	66
Шинкаренко Я. В. Лексика, обозначающая предметы быта в летописях Киевской Руси.....	73

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Кезина С. В. Культурная значимость именника русских князей в «Слове о полку Игореве».....	78
Авдийчук Е. Н. Сакральная лексика как категория выражения индивидуального стиля писателя (на материале произведений Светланы Тишкиной).....	84
Гладков А. И. Поэтика абсурда в раннем творчестве Гарольда Пинтера: основные мотивы и стилистика.....	93
Кашкан Т. А. Электронная гипертекстовая литература США (на материале творчества Джуди Маллой).....	101
Конькова М. Ю. Синтез документальности и вымысла в балладах Ю. И. Визбора.....	106
Передерий С. Н., Горбова Н. В. Просторечия в американской литературе середины XX века: анализ социостилистических особенностей.....	113

Шляхова Г. И. Лексика ментальной сферы в поэтических текстах Игоря-Северянина: фигуры противоречия.....	122

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Абросимова Н. А., Липченко А. Д. Оценка качества машинного перевода и перевода, выполненного с помощью больших языковых моделей (на материале медицинского академического текста).....	129

Белютина Ю. А. Ритуализация политического нарратива (на примере инаугурационных речей Д. Трампа).....	138

Быкова А. В. Актуальные вопросы реализации однокоренных синонимов в технической литературе.....	146

Жулева М. И. Особенности номинаций организаций сферы цветочного бизнеса (на примере эргонимов г. Оренбурга).....	152

Колядин А. В. Проксемы как источники лингвокультурной информации в контексте иноязычного образования (на материале статей журналов «Вокруг света» и «Russian Traveler»).....	159

Чумак-Жунь Т. В. Фильмонимы как особая группа имён собственных: аспекты перевода.....	167

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	173

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	175

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Лара Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Юбилейный дискурс: синергия объединения пространства и времени

Этимология так или иначе предопределяет путь развития семантики слова, и реконструкция первичного значения оказывает влияние на восприятие семантического объема слова, в который по мере развития могут входить гносеологические, этнологические, культурные, психологические показатели. У всех народов юбилей – это годовщина жизни, деятельности какого-либо лица, учреждения, события. Латинское слово «*jubilaus*» – торжество, празднество, радостное восклицание, ликование. Остался ли юбилей радостным восклицанием везде и всегда? Ответ на этот вопрос нужно искать в современных дискурсивных практиках с их динамической структурой и меняющимся набором интенций. Расширение семантики слова, приобретение дополнительной коннотации (как мелиоративной, так и пейоративной) происходят в коммуникативных действиях, фиксирующих последовательность развития значений и формирование речевых созначений.

Возможна ли квалификация юбилейного дискурса как институционального? Положительный ответ не вызывает сомнений. Институализируется то, что социально значимо и утверждено традицией. Юбилей – одна из категорий личностного и общественного бытия, о юбилеях помнят, о них говорят и оценивают по многим показателям как во время проведения юбилея, так и после юбилея.

К числу признанных в дискурсологии положений относится понимание дискурса в двух аспектах: коммуникативно-прагматическом и когнитивно-ментальном. В интегральной модели юбилейного дискурса совмещаются два пласта: один связан с решением конкретных задач организации юбилея, другой – ориентирует на актуализацию духовных ценностей, которые в конечном итоге определяют смысл юбилейного мероприятия. Оба пласта значимы, но в разных юбилеях они имеют разное наполнение и, соответственно, разное ранжирование на шкале иерархии ценностей.

Дискурс персонального поздравительного юбилея представляет собой по большей части сценарно-постановочный перформанс, содержание которого зависит как от социального статуса юбиляра, так и от его

бюджетных возможностей. Набор клише при этом неизбежен (достаточно посмотреть в Сети обучающие программы, предлагающие сценарии проведения таких юбилеев). Но и в этом случае, по наблюдениям психологов, после юбилея происходит трансформация ментального потенциала личности: переосмысление ценностных установок, коррекция поведения, культивирование новых качеств. Из этого следует вывод о том, что любой юбилей – это получение какого-то нового знания через понимание юбилея как ценностного события.

Общественный юбилей, в отличие от личного, имеет значение для групп людей, объединенных разными видами социальной общности: профессиональной, культурно-образовательной, этнической, конфессиональной и многих других. Каждая группа консолидируется на основе общих интересов и культивирует нормы и традиции, поддерживающие совместность.

В иерархии ценностей наука занимает значимое место. С наукой ассоциируются ценность разума, ценность нового знания и в конечном итоге цивилизационные ценности. Типология юбилеев, связанных с наукой, включает юбилей ведущих институтов, исследовательских центров, кафедр, научных направлений и научных школ, персоналий научной деятельности. Остановлюсь на дискурсе юбилейного научного мероприятия «Межрегиональный научный семинар “Дискурсология-2025”», которое состоялось 25 и 26 сентября в Гуманитарно-педагогической академии – филиале Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте и было посвящено 10-летию образования Ялтинского дискурсологического кружка (ЯДК). Значима квалификация юбилейного научного мероприятия как межрегионального. Объединились два региона: Крым (Гуманитарно-педагогическая академия) и Донбасс (Луганский государственный педагогический университет). У этих образовательных учреждений – общая судьба, связанная с возвращением в отчий дом, в Россию, и общие проблемы переходного периода. Наука всегда объединяет и всегда обогащает.

Немного предъюбилейной истории. Ялтинский дискурсологический кружок возник в 2015 году на фронтирной территории – зоне взаимодействия, в которой дискурс пространства постепенно, но неуклонно наполнялся новым социокультурным содержанием. На территории фронта формируются новые концепты, а прежние получают дополнительные признаки. Выбор дискурсологии, с одной стороны, соответствовал интересам и научному опыту автора настоящей статьи, с другой (и это главное) – определялся неисчерпаемым резервом дискурсологии в описании разворачивающегося в новых условиях исследования дискурсивной картины мира, которая наполнялась новыми таксонами.

«Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» – название первой и последующих конференций, отвечающих установке на междисциплинарный подход к решению задач дискурсологии. Образовался круг ученых, исследования которых соответствовали такой установке: О. Ф. Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, руководитель научной

школы «Методология дискурс-анализа в гуманитарных и социально-политических науках»; Н. И. Клушина, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов (под эгидой ЮНЕСКО); Л. В. Селезнева, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Возникло желание закрепить совместность через образование Ялтинского дискурсологического кружка. Слово «кружок» привлекло не только своей «интимностью» (в сравнении с более привычными номинациями научных собраний – конференция, форум, симпозиум и под.), но и понятной инициаторам аллюзией, отсылающей к Пражскому лингвистическому кружку, участники которого развивали научный подход к языку через внимание к его структуре и функциям в реальном применении, исследовали отношения между языком и действительностью. В 2016 году, на Четвертой международной конференции «Стилистика сегодня и завтра», которая проходила на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, состоялось расширенное заседание участников Ялтинского дискурсологического кружка, на котором был утвержден закрепленный в Манифесте статус этого научного сообщества. Круг учредителей ЯДК расширился за счет Белгородского национального исследовательского университета, Орловского государственного университета искусств и культуры, Луганского государственного педагогического университета. Возник и утвердился междисциплинарный научный проект. На заседаниях ЯДК прозвучали доклады более 200 участников; были определены параметры дискурсологии как науки, формирующей знания о мире через аксиологическую интерпретацию событий и репрезентирующих их текстов; выявлены свойства множества дискурсов и дискурсивных практик. Работу ЯДК можно отнести к актуальной памяти, которая хранится до тех пор, пока в этом есть необходимость. А необходимость обмена исследовательским опытом между разными регионами РФ через обсуждение проблем дискурсологии как развивающейся области гуманитарного знания очевидна.

Вернусь к юбилейному мероприятию 2025 года. 10 лет для науки – мало или много? Смотря для какой науки, какого социального и информационно-технического времени. Для научного мероприятия по дискурсологии – это уже полноценный юбилей. Дискурсология – наука о познании социального мира в его проявленности через коммуникации, культурные тексты, язык во всей его мощи. Социальный мир находится в турбулентном состоянии, и дискурсивные изменения в условиях конвергентности и мультимедийности перманентны: наблюдается активное взаимодействие дискурсов, открываются новые каналы связи, формируются новые жанры и форматы, в которых происходит трансформация концепта «языковая личность» и утверждение этого концепта как дискурсивного.

Высокая степень личной вовлеченности в организацию юбилейного научного мероприятия дала основание для «распаковки» файлов юбилейного дискурса. Ассоциативное сознание установило далекие связи между

метафорической семантикой слова «распаковка», примененного для описания ментально-психологических действий, необходимых для интерпретации текстов (А. Ричардс, У. Эко), и возможностью систематизации дискурсных форм юбилейного научного мероприятия, в котором обнаружились нелинейные корреляционные связи организационно-прагматического и когнитивно-ментального пластов.

В современных условиях юбилей всё чаще представляет собой медийно-сетевое событие. Расширение информационного поля и контекстуальное усиление меняет масштаб юбилея, информация о котором в сочетании с транслируемыми в социальных сетях оценками повышает имиджевый статус организаторов и участников юбилея. Программа научного семинара была размещена в социальной сети «ВКонтакте» и привлекла внимание нескольких десятков пользователей, часть из которых подала заявку на участие в мероприятии. Медийно-презентационная часть, предваряющая начало мероприятия, должна была создать атмосферу «торжества и празднества» (эти признаки входят в дефиницию юбилея). Высокопрофессиональный концерт студентов Гуманитарно-педагогической академии и портфолио «10 лет по дискурсивному маршруту», а также приветственные выступления представителей двух вузов – организаторов мероприятия создали благоприятную эмоциональную обстановку для перехода к собственно научной части юбилея.

Дискурс научного юбилея организуется коллективно. И здесь уместно обратиться к понятию синергии. Синергия (от греч. *συνεργία* – сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество; соработничество, согласованное действие) усиливает эффект взаимодействия двух или более факторов. В нашем случае усиливающий эффект взаимодействия обеспечивался участием докладчиков из 30 научных и образовательных учреждений, их вкладом в рассмотрение предложенных в информационном письме проблем. Дискурсология не предполагает жесткого тематического ограничения, и все-таки существует онтологический набор признаков дискурса, на которые ориентируется каждый участник научного мероприятия: междисциплинарный статус, процессуальность (развертывание речи на пути к смыслу), диалогичность (как явная, так и скрытая, проявляющая социальное измерение дискурса – кто, о чем, когда, почему). Программа научного мероприятия ориентировала на тема-рематическую когерентность и на возможность через движение от модуля к модулю «управлять» смыслами. Модуль в нашем случае представлял собой концептуально-информационную единицу, тематическая самостоятельность которой имеет относительный характер: модуль 1 – «Дискурс как коммуникативно-когнитивное событие определенного социально-культурного времени», модуль 2 – «Цифровой дискурс как новая коммуникативная среда. Текст и медиатекст». В таком векторно направленном движении создавались возможности для конструктивного диалога – дискуссионного обмена идеями, мнениями, достигнутыми результатами.

В комплексе рассмотренных в докладах проблем активизировалось аксиологическое измерение дискурса через описание механизмов значимости предмета речи, включения экзистенциальных оценок, описание стратегических и тактических действий в новых коммуникативных

условиях. Обозначились новые «топосы дискурсологической мысли» на пути к реализации максимальной цели дискурсологии – обоснования дискурсивной формы миропребывания. Доклады: «Стилистика в эру искусственного интеллекта» (Н. И. Клушина), ««Аксиологический дискурс» генеративных чат-ботов» (Е. А. Кожемякин), «Актуальные дискурсивные практики в медиа: тематическая, жанровая и прагматистическая специфика формата трукрайм» (Е. Г. Малышева и О. С. Рогалева), «Дискурс-анализ цифровых игр» (А. В. Николаева, Е. А. Силанов) и др. – свидетельствуют о непрерывном наблюдении исследователей за состоянием изменчивой когнитивно-коммуникативной среды.

Синергию можно усмотреть в дополнении и углублении описания институциональных дискурсов в новых условиях: «Результат как прекопстракт делового дискурса» (Л. В. Селезнева), «Статус и роль в деловом, официальном и профессиональном дискурсе» (Е. П. Буторина), «Вербальная атака как инструмент дискредитации конкурентов в рекламном дискурсе» (О. В. Новоселова), «Православные венчальные проповеди в религиозном дискурсе» (Т. В. Ицкович), «Топонимы как маркеры дискурса фронта» (Т. А. Островская), «Ризоматический подход к формированию дискурсивной компетенции обучающихся» (Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова).

Риторика юбилейного дискурса традиционно основывается на положительной оценочности, сопровождаемой повышенной эмоциональностью. Классические риторические приемы убеждения: этос, пафос, логос – в юбилейном дискурсе взаимосвязаны и поддерживают друг друга. В официальной части научного мероприятия оценочные предикаты представлены в ритуальных приветствиях участников мероприятия и в некоторых докладах в виде благодарности за приглашение. Для докладчика важна другая иллокуция – достойно представить материал своего исследования. В целом риторика юбилея отражает тенденцию к демократизации сферы научной коммуникации через переплетение письменных и устных форм речи.

Остановлюсь на значимости ментального плана в организации юбилейного дискурса. Репрезентантами ментального плана являются два концепта: концепт памяти и концепт ностальгии. Эти концепты находятся в корреляционных отношениях (замечу, что определение корреляционных отношений крайне значимо для дискурсологии: корреляция «текст – дискурс», «дискурс – речевой акт», «текст – дискурс – картина мира» находится в поле внимания дискурсологов, стилистов, когнитивистов). Нейросеть Алиса интегрировала информацию о корреляции двух названных концептов, отметила, что память носит реконструктивный характер: каждый раз, когда человек что-то вспоминает, он фактически «пересобирает» событие заново, включая в него современные интерпретации, желания и психологическую защиту. Ностальгия отличается от памяти тем, что является не знанием о прошлом, а эмоциональным переживанием прошлого. Вот здесь и возникло недоверие к информации искусственного интеллекта: и память, и ностальгия, по нашему мнению, – концепты внутреннего мира, и оба связаны с эмоциональными переживаниями.

Коллективный юбилей проявляет уникальный механизм памяти, поскольку предоставляет возможность вспоминать события прошлого в

контексте настоящего и одновременно планировать будущее. Коллективная память участников и организаторов ЯДК – память о времени надежды, об ушедших коллегах, о событиях, которые вдохновляли, давали творческий импульс и мотивировали на активную научную деятельность.

Ностальгия способствует восстановлению связи с важными для человека событиями («запечатленное время», по А. Тарковскому). И память, и ностальгия связаны как со временем, так и с пространством. Пространство в неклассической философии оценивается как упорядоченная форма ощущений. Юбилейный дискурс представляет собой комплекс ощущений, и в формировании этого синергетически заряженного комплекса ведущая роль принадлежит базовым концептам юбилея – памяти и ностальгии.

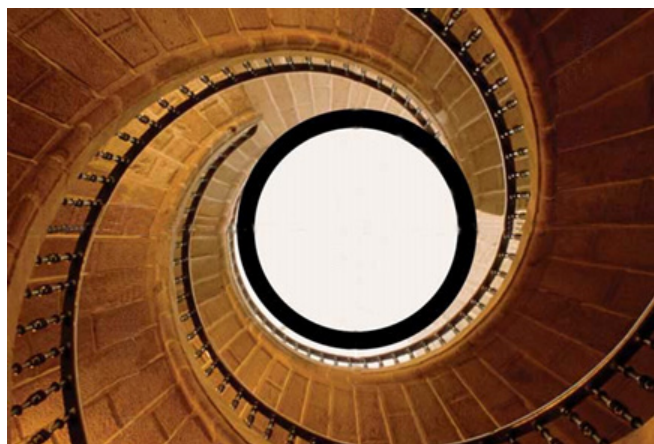
Постъюбилейная оценка составляет значимую часть юбилейного дискурса. Этот вид оценки связан с аксиологией впечатления, ценностная модальность которого сопоставляется с искренностью. Несколько отзывов. «Конференция была очень интересной. Я внимательно все доклады слушала. Все дают какие-то импульсы» (Н. И. Клушина). «Много смыслов, много идей, хочется обсуждать, мотивировать, создавать» (Г. Ю. Богданович). «Большое спасибо за возможность выступить с докладом, за внимание к нему и за высокую оценку! Очень ценю наше сотрудничество и надеюсь, что будет ещё много встреч!» (Е. А. Кожемякин). «Доклады были очень мощными. Да и молодёжь подтянулась неплохая. Она подаёт весьма перспективные сигналы» (А. Г. Пастухов).

Реконструкция процесса организации и проведения конкретного научного мероприятия дала основание для итоговых характеристик юбилейного дискурса, основная установка которого – трансляция научного знания в контексте прошлого опыта с проекцией на настоящее положение вещей и на будущее дискурсологии. Выявились маркёры синергии: совместность в продвижении научного знания (объединительная роль юбилея, рост интеллектуальной энергии); аксиология сообщества (интеграция индивидуального в общее); аксиологическая заданность всех форм работы (ценностное ранжирование презентационно-научных действий); соотнесенность юбилейного дискурса с памятью, подкрепленной эмоциями ностальгии (интимизация общения через коллективную память). Такого типа юбилей можно квалифицировать как последовательно развивающийся процесс накопления знаний о людях, мнениях, концепциях и т. д.

«Распаковка» файлов юбилея подтвердила институциональность юбилейного дискурса. В то же время появились основания для квалификации этого типа дискурса как институционально не устойчивого. Устойчивая институциональность не предполагает эмоционально-психологической активности участников дискурса, а юбилейный дискурс без такой активности превращается в формальное стандартное мероприятие.

В видеоприветствии ялтинскому научному мероприятию автор социолингвистической и прагматингвистической типологий дискурса и языковой личности В. И. Карасик сказал: «Сделано много, но еще больше предстоит сделать». И добавлю еще одно высказывание выдающегося ученого на конференции в Тверском университете: «Последовательное расширение науки о языке происходит в условиях дискурса и дискурсивных практик».

Научное время континуально, научное пространство безгранично. Юбилей – это смысловое единство вчера, сегодня, завтра. Юбилейный дискурс не может не иметь перспективы. Закрывается на одной территории, продолжается на других. Следующее заседание ЯДК состоится в Ярославском государственном педагогическом университете имени К. Д. Ушинского в мае 2026 года. Эмблема ЯДК в виде спирали, воплощающей идею одухотворенности и бесконечности круга, сохраняет надежду на продолжение регионального (и не только) сотрудничества.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК [378. 091. 33:808.5] – 028.16. – 028.17

Марфина Жанна Викторовна,
д-р филол. наук, доцент,
ректор ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kafruslang@lgpu.org

Соболева Ирина Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой русского
языкознания и коммуникативных
технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kafruslang@lgpu.org

Риторизация учебно-образовательного процесса: реалии, проблемы, перспективы

В статье рассматривается проблема риторизации учебного процесса, которая имеет особую социальную значимость на современном этапе, поскольку способствует развитию коммуникативной компетенции и является одним из способов гуманизации образования.

Ключевые слова: *риторизация учебного процесса, риторический анализ, виды языковых компетенций, коммуникативная (риторическая) компетенция, коммуникативная ситуация, сильная языковая личность*

В первой половине XXI века практическая филология развивается под активным влиянием процессов возрождения и активного распространения риторики как одной из древнейших наук на земле. Существенный вклад в формирование и эволюцию отечественной неориторики принадлежит В. И. Аннушкину, А. К. Михальской, Т. А. Ладыженской, Е. Н. Зарецкой, Л. Н. Синельниковой, Е. А. Ворожбитовой и многим другим ученым. При этом количество дискуссионных вопросов в этой области знания пока значительно превышает число уже решённых проблем. Ренессанс риторики в русскоязычном социуме, востребованность риторизации учебно-образовательного процесса свидетельствуют о том, что обращение к риторике не является кратковременной модой, а отражает реальный социальный запрос.

Основу теоретико-методологической базы процесса риторизации современного образования составляют концепции педагогической риторики А. К. Михальской, Н. А. Ипполитовой, Т. А. Ладыженской, В. И. Аннушкина, С. А. Минеевой и др. Особое значение, на наш взгляд, представляют идея «речевого идеала» А. К. Михальской; образовательная программа «Живое слово», направленная на развитие когнитивных способностей личности, В. И. Аннушкина; гуманистическая модель

обучения С. А. Минеевой; типология коммуникативных компетенций Л. Н. Синельниковой и другие научные подходы.

В отличие от грамматики, сосредоточенной на изучении абстрактной языковой системы, риторика рассматривает законы и принципы речевой деятельности в различных коммуникативно-речевых ситуациях, включая как формы и жанры публичного говорения, так и многообразие видов межличностной коммуникации. Рост интереса к риторике закономерен: современное общество переживает кризис риторической культуры, а престиж и значимость правильности речи, соблюдения норм речевого этикета заметно снизились в семейной, профессиональной, медийной, цифровой и других видах коммуникации. По-прежнему отсутствуют единые образовательные стандарты изучения риторики в различных образовательных структурах.

Современное общество всё чаще сталкивается с трудностями речевого самовыражения, а также с отсутствием устойчивой мотивации к осмысленному анализу качества коммуникации. Эти явления отражают не только пробелы в культуре речи, но и более глубокие ценностные, воспитательные и моральные проблемы, имеющие значительный социальный резонанс. Сегодняшний социум стремится найти эффективные способы конструктивного взаимодействия, которые бы обеспечили взаимопонимание и уважительный диалог между людьми.

Как донести мысль так, чтобы она была воспринята ясно и убедительно? Каким образом передать собственные чувства так, чтобы они нашли отклик у слушателей? Как выстроить баланс между содержанием речи и её эмоциональной составляющей? Каким образом сделать публичное выступление доступным и увлекательным для разношёрстной аудитории, различающейся по уровню образования и интересам? И, наконец, что необходимо для того, чтобы быть услышанным? Подобные вопросы раскрывают неисчерпаемый эвристический потенциал риторики, которая, занимая особое место на стыке гуманитарных наук, тесно взаимодействует с лингвистикой, философией, психологией, логикой и этикой, что подтверждает её междисциплинарный статус.

Для учителя-словесника риторика ценна не только как инструмент анализа использования языка и его выразительных ресурсов, но и как средство развития когнитивных навыков, формирования способности мыслить и облекать мысль в слова. Одной из ключевых задач современной школы становится риторизация образовательного процесса, рассматриваемая как путь к формированию риторических знаний и культуры речи у учеников. В данном контексте речь идёт о разработке универсального учебно-методического алгоритма, обеспечивающего овладение риторическими умениями [6, с. 5].

Минеева С. А. подчёркивает, что риторизация образовательной деятельности сегодня является важнейшим инструментом гуманизации образования, при котором сам процесс обучения строится как «диалог с текстами и личностями» [4, с. 131–134]. Однако педагогическая практика свидетельствует о том, что полноценный процесс интеграции риторики в школьное образование пока не реализован в полном объеме: содержание школьных образовательных программ недостаточно мотивирует учащихся

к освоению системы риторических знаний. Более того, в текущей школьной программе отсутствует межпредметный синтез риторических знаний и умений, риторическая проблематика не нашла прочного места в содержании программы учебного предмета «Русский язык».

В Луганском государственном педагогическом университете накоплен значительный опыт преподавания курса риторики как для студентов-филологов, так и для студентов, магистрантов и аспирантов других направлений подготовки. Начиная с 2022 года, аспиранты, обучающиеся в ЛГПУ, изучают курс «Классическая риторика. Искусство публичного выступления», а с 2025 года в учебные планы бакалавриата всех направлений подготовки включен курс «Педагогическая риторика». Знания будущих педагогов в этой области помогут осознать роль слова в деятельности учителя, понять, что профессиональная деятельность учителя составляет общение с учениками в урочное и внеурочное время, задуматься над идеей А. К. Михальской о том, что деятельность педагога является «зоной повышенной речевой ответственности» [6].

Однако в современной школьной программе риторика системно не представлена. Об этом говорят наши студенты, поступающие в вуз со школьной скамьи. Хотя всем вроде очевидно, что теоретические знания о грамматике и структуре языка должны органично сочетаться с коммуникативно-речевыми компетенциями. Такой вектор обучения в средней общеобразовательной школе выстроен достаточно давно. Современному школьнику необходимо не просто владеть теорией, но и уметь применять эти знания в устной и письменной речи, а также в ситуациях живого общения. И научное сообщество, и практикующие учителя уже осознают, что формирование гармоничной языковой личности невозможно без тесной связи между структурным знанием языка и развитием коммуникативной культуры личности.

Освоение риторических знаний, особенно в условиях недавней так называемой «демократизации» языка или же своеобразно понимаемой некоторыми свободой в обращении с ним, представляет собой длительный и кропотливый образовательный процесс, в основе которого лежит системный подход к владению словом, к эффективному и результативному общению.

Можно надеяться на то, что современный педагог постепенно преодолел состояние неуверенности, порой нежелания, в необходимости анализировать и оценивать речевое поведение своих учеников, пришёл к правильному, диалектическому пониманию явления, называемого «открытостью языка, свободой выбора языкового самовыражения, языковым вкусом эпохи и т. д.», и осознал высокую степень ответственности за уровень коммуникативно-речевой культуры современного социума.

Неориторика призвана отвечать на вызовы современности. Именно школа должна стать пространством, где обучающиеся осваивают не только умение анализировать речевые действия других, но и сами овладевают навыками публичных выступлений, построения диалога, участия в дискуссиях, коммуникативного взаимодействия в социальных сетях и других современных формах коммуникации. Задача эта сложная, но крайне важная: школьников старших классов необходимо привлекать к поиску

ответов на сложные и неоднозначные вопросы: «Кто для тебя риторический идеал?», «Кого ты считаешь антиритором или риторическим безумцем и почему?»; предложить поразмышлять над содержанием определения «гармонизирующее общение» (А. К. Михальская) и прийти к осознанию важности объединяющего общения, ставящего своей задачей обеспечение взаимопонимания и гармонизации отношений между людьми в противовес конфронтационной и манипулирующей коммуникации.

Педагогическая практика В. И. Аннушкина убедительно демонстрирует, что продуманное и целенаправленное проведение дискуссий на подобные темы обладает высокой ценностью и вызывает устойчивый интерес: такие обсуждения формируют у участников обсуждения осознанную систему оценки речевых моделей поведения и способствуют пониманию ключевой роли риторики и слова в целом в современном социокультурном пространстве [1, с. 174–186]. Замечательная серия передач «Живое слово», записанная на телеканале «Культура» и сохранившаяся в Интернете, где В. И. Аннушкин общедоступно и эмоционально размышляет на эти сложные темы, безусловно, поможет учителю увлечь риторикой своих учеников, ставить цели и находить способы их решения в поиске риторического самосовершенствования.

Критерии успешного освоения риторики могут варьироваться в зависимости от целей и задач обучения, однако в обобщённом виде их суть отражает широко известная формула: молодой человек должен уметь адекватно ориентироваться в любой коммуникативной ситуации и подбирать соответствующую ей стратегию речевого поведения, то есть демонстрировать «адекватность речевого поведения». Практический опыт преподавания риторики показывает, что продуктивным оказывается обсуждение вопросов, связанных с реальными коммуникативными трудностями. Например: «Как вы понимаете словосочетание “неадекватное речевое поведение”?», «Случалось ли вам сталкиваться с примерами риторической неадекватности в повседневном общении или наблюдать коммуникативные провалы в теледебатах, рекламных роликах, выступлениях политиков, общественных деятелей и т. п.?». Как правило, подобные беседы выявляют, что почти каждый их участник способен привести из своего дискурсивного опыта конкретные примеры риторической несостоятельности и оценить их с позиций речевой культуры.

К сожалению, действующие школьные учебники и пособия пока не в полной мере обеспечивают возможность анализа текста с риторической точки зрения. Эффективное обучение риторике требует привлечения разнообразного и актуального материала: текстов современного медиадискурса, образцов живой разговорной речи, новых жанров деловой письменности (например, резюме), а также различных форм цифровой коммуникации. Последние особенно интересны для риторического анализа, поскольку они выходят за рамки линейных языковых связей и развивают способность к восприятию тонких речевых нюансов, распознаванию нестандартных коммуникативных стратегий и оценке их результативности. Работа с таким материалом позволяет не только формировать представление об эффективной и грамотной коммуникации, но и выявлять признаки её нарушений. Анализ текстов различной жанровой и стилистической

принадлежности способствует развитию языкового чутья и эстетического восприятия речи, формируя «представления о прекрасном..., сложившиеся исторически в данной культуре» [5, с. 379].

В современных условиях перед школой стоит особенно ответственная задача – воспитание полноценной языковой личности, готовой к взаимодействию в различных коммуникативных контекстах и обладающей широким спектром компетенций, связанных с владением языком. Л. Н. Синельникова предлагает развёрнутую типологию языковых компетенций, которая подчёркивает важность не только теоретического знания, но и его практического применения: «... языковая компетенция (знания об устройстве языка, владение его нормами); лингвистическая компетенция (знания о самой науке, ведущих ученых, о сущностных характеристиках языка, его уровнях и интегративных связях между ними); текстовая компетенция (комплекс знаний о тексте как форме и средстве коммуникации, знание законов текстопорождения и правил интерпретации этих законов); социолингвистическая компетенция (объективное отношение к социальной дифференциации языка, к активизации определенных подсистем национального языка в современной языковой ситуации); социокультурная компетенция (учет специфики общения и речевого поведения в разных сегментах общества); межкультурная компетенция (толерантное отношение к формам и результатам взаимодействия разных культур); речевая компетенция (владение разными видами речевой деятельности на основе базовых понятий и категорий языкознания); коммуникативная компетенция (умение применить знания особенностей устной и письменной речи в различных коммуникативных ситуациях, учитывая фактор «адресата речи»); риторическая компетенция как органическая часть речевой и коммуникативной компетенции (основывается на богатейшей общечеловеческой и национальной риторической культуре, сущностные признаки которой не должны быть потеряны в современном коммуникативном пространстве)» [8, с. 2–5].

Современная реальность формирует не только перечень компетенций, необходимых для становления «развитой (сильной) языковой личности», но и задаёт своеобразный ориентир профессионального развития педагога-словесника. Сегодняшняя образовательная среда очерчивает важнейшие «точки роста», позволяющие интегрировать в учебный процесс новейшие знания и методические подходы к преподаванию языка, а также развивать навыки эффективного общения.

Лингводидактика, являясь ключевым направлением теории обучения языку, закономерно должна включать рекомендации по формированию риторической компетенции. Эта компетенция предполагает целенаправленное развитие умения строить содержательное, эмоционально окрашенное и убедительное высказывание как в устной, так и в письменной речи.

Риторическая компетентность – это непрерывное «подтверждение индивидуальности», акцентирующее уникальность говорящего. Возможности риторики в контексте самопрезентации практически неисчерпаемы, что напрямую связывает её с феноменом языковой личности. Широко употребляемое и неоднозначно трактуемое понятие «языковая личность»

наполняется риторическим содержанием: оно предполагает не только владение языковой системой, всеми формами речевого выражения (жанрами, стилями, регистрами, подсистемами и пр.), устной и письменной речью, но и знанием риторических стратегий и инструментов их эффективного применения.

Педагог, осознающий ценность риторизации образовательного процесса, сам должен быть полноценной языковой личностью: творческой в речемыслительной деятельности, обладающей развитым языковым сознанием, способной к гибкой стилистической адаптации и риторическому креативу в организации коммуникативного взаимодействия. Такой учитель умеет находить интеллектуальные акценты в дискурсе, строить эмоционально комфортное общение с адресатом речи, сочетая способности грамотного оратора и внимательного, уважительного слушателя. Сильная языковая личность владеет всеми значимыми социальными формами речевой коммуникации и успешно реализует их на практике.

Таким образом, успешное внедрение лингводидактических подходов, включая процесс риторизации образования, предполагает, что современный педагог должен соответствовать модели сильной языковой личности.

Риторизация учебного процесса может быть реализована лишь при условии системного риторического воспитания и формирования у обучающихся риторического мышления. Это требует, на наш взгляд, не только продуманной организации обучения, но и выстраивания последовательной системы педагогических шагов.

В первую очередь, важно создать единое интеллектуально-речевое пространство для педагога и учеников, наполненное эмоциональной вовлечённостью и интересом к «живому» языку. Значительную роль здесь играет способность учителя наглядно демонстрировать сам процесс осмысления предмета речи, показывая различные пути вербализации мысли, её вариативное оформление с использованием богатства стилистических ресурсов и риторических инструментов. Личностный рост школьника как речевой индивидуальности во многом определяется умением педагога вдохновлять, удивлять, приводить выразительные примеры, аргументировать убедительно и дозированно использовать эмоциональность в речи. Важно, чтобы учитель регулярно подчеркивал ценность языкового поведения. Так, например, подобные реплики, как «Мне интересно наблюдать за жизнью слова...», «Меня удивила композиция этого предложения...», «Я прочитал этот текст и обратил внимание на...», являются не просто комментариями, а своеобразными дискурсивными маркерами (где дискурс трактуется как речевое событие), подчеркивающими индивидуальный стиль педагога и его внимательное отношение к функционирующему языку. Такая методика развивает у учеников наблюдательность по отношению к слову, учит видеть его текстовые реализации и способствует формированию языковой компетенции и чуткости к языковым нюансам.

Вторым важным условием риторизации образовательного процесса является преемственность педагогических стратегий и выстраивание единой коммуникативной культуры в коллективе учителей. Речь идёт о создании особой атмосферы, в которой педагоги не только демонстрируют приверженность языковым и этикетным нормам, но и активно культивируют уважительный, доброжелательный стиль общения – как в профессиональном

взаимодействии между коллегами, так и в диалоге с учащимися. Такая позитивная образовательная среда становится основой для органичного внедрения риторических принципов на системном уровне.

Третьим важным направлением выступает отказ от фрагментарного, «уровневого» подхода к преподаванию языка, при котором фонетика, грамматика, лексика, стилистика и культура речи рассматриваются как автономные, слабо связанные между собой области языкознания. Современная филология и лингвистика демонстрируют явную тенденцию к междисциплинарности, что подтверждается активным развитием таких отраслей, как лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение и других смежных дисциплин. Риторика по своей сути изначально интегративна: она предполагает целостное восприятие языковой системы, знание норм речевого поведения (включая осознанное их нарушение), а также понимание того, что коммуникативные модели зависят от психологических характеристик личности, культурного кода участников общения и усвоенных ими норм речевого взаимодействия – как публичного, так и межличностного. Эти особенности риторики делают возможным органичное объединение различных филологических дисциплин в рамках образовательного процесса. Даже если не рассматривать полную конвергенцию наук о языке, становится очевидной необходимость системного объединения риторики со стилистикой, культурой речи, текстологией и литературоведением, поскольку каждая из этих областей несет в себе значительный риторический потенциал и выразительные возможности.

Внедрение риторических принципов в процесс обучения сегодня закономерно рассматривается как одна из приоритетных задач современного образования. Учитель-словесник оказывается в непростых условиях: традиции коммуникативной культуры в значительной мере утрачены, а новые нормы общения формируются на фоне социальных, политических и технологических трансформаций. Современная коммуникационная среда развивается стремительно и требует от педагога постоянной адаптации. При этом исторический опыт убедительно показывает, что прогресс общества определяется не только экономическими факторами, политической стабильностью или правовыми гарантиями, но и уровнем образованности и культурного развития граждан. Культура человека, безусловно, во многом отражает его отношение к слову и степень ответственности за собственные речевые поступки.

Список литературы

1. **Аннушкин, В. И.** Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции : учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 88 с. – ISBN 978-5-9765-1805-6.
2. **Аннушкин, В. И.** Язык и жизнь : книга о русском языке, речи, слове / В. И. Аннушкин. – Изд. 2-е. – Москва : Русская школа, 2010. – 320 с. – ISBN 978-5-91696-011-2.
3. **Зарецкая, Е. Н.** Риторика : теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – 3-е изд., испр. – Москва : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации : Дело, 2001. – 480 с. – ISBN 5-7749-0114-9.

4. **Минеева, С. А.** Риторика диалога : теоретические основания и модели / С. А. Минеева. – Москва : Флинта, 2010. – 444 с.
5. **Минеева, С. А.** Проблемы и трудности риторизации / С. А. Минеева // Риторика диалога в становлении научно-гуманистической системы образования : проблемы исследования и преподавания : материалы XI науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 нояб. 2002 г.) / под ред. С. А. Минеевой. – Пермь, 2002. – С. 131–134.
6. **Михальская, А. К.** Основы риторики : мысль и слово / А. К. Михальская. – Москва : Просвещение : Моск. учебники, 1996. – 416 с.
7. **Рыданова, И. И.** Основы педагогики общения / И. И. Рыданова. – Минск : Беларуская наука, 1998. – 319 с.
8. **Синельникова, Л. Н.** Искусство, ставящее человека на самую высокую ступень почта / Л. Н. Синельникова // Русская словесность в школах Украины. – 2012. – № 1. – С. 2–5.
9. **Тихонов, С. Е.** Риторика, риторизация и общение в школе: осмысление и воплощение в период модернизации образования : монография / С. Е. Тихонов. – Москва : Прометей, 2005 (Тип. МПГУ). – 271 с. : табл. – ISBN 5-7042-1471-1.

**Marfina Zh.V.,
Soboleva I. A.**

Rhetoricization of the Educational Process: Realities, Problems, Perspectives

The article deals with the process of rhetorization of the educational process which has a special social significance at the present stage, since it contributes to solving the problem of the development of communicative competence and is one of the ways of humanization of education.

Key words: *rhetorization of the educational process, rhetorical analysis, types of language competences, communicative (rhetorical) competence, communicative situation*

Олизько Наталья Сергеевна,
д-р филол. наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
olizko@yandex.ru

Медиадискурс университетской цифровой среды как фактор академической самоорганизации (на примере ЧелГУ и ЮУрГУ)

В статье исследуется роль медиадискурса в формировании когнитивных стратегий самоорганизации студентов в условиях цифровой трансформации высшего образования. На материале эмпирического исследования, проведенного в 2025 году в Челябинском государственном университете (ЧелГУ) и Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ), рассматривается влияние различных типов цифровых образовательных ресурсов на развитие академической автономии обучающихся.

Ключевые слова: медиадискурс, цифровая образовательная среда, академическая автономия, когнитивные стратегии, ЧелГУ, ЮУрГУ

Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета 2025 г.

Современная образовательная экосистема переживает период фундаментальной трансформации, обусловленной процессами цифровизации и медиатизации академических практик. В данном контексте медиадискурс приобретает статус ключевого фактора, определяющего не только формы образовательной коммуникации, но и когнитивные механизмы усвоения знаний и формирования профессиональных компетенций.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

1. Социокультурная теория дискурса [5; 6].
2. Концепции цифровой педагогики [7; 10].
3. Теория медиатизации образования [4; 8].
4. Когнитивные теории обучения [9].
5. Медиаязык цифровых технологий [2; 3].

В рамках данного исследования медиадискурс понимается как сложная поликодово-семиотическая система, включающая вербальные компоненты (лекционные материалы, методические указания), аудиовизуальные элементы (видеолекции, подкасты, инфографика) и интерактивные форматы (чат-боты, мобильные приложения, симуляторы).

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления трансформационных процессов в высшем образовании, где цифровые технологии перестают быть вспомогательным инструментом, становясь важнейшим фактором формирования:

- когнитивных стратегий обучения;
- академических компетенций;
- профессиональных навыков;
- социально-коммуникативных моделей поведения.

Основная гипотеза исследования предполагает, что эффективность медиадискурса как инструмента формирования самоорганизации определяется комплексом взаимосвязанных факторов:

- степенью интерактивности и мультимодальности;
- возможностями персонализации образовательной траектории;
- уровнем интеграции в повседневные учебные практики;
- соответствием когнитивным особенностям цифрового поколения;
- институциональной поддержкой со стороны вуза.

Исследование базируется на комплексной методологической платформе, сочетающей количественное социологическое исследование, качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы) и контент-анализ цифровых образовательных платформ. Инструментарий исследования включает анкету из 45 вопросов (закрытые, шкальные, открытые), гайд полуструктурированного интервью (15 вопросов), протокол контент-анализа цифровых платформ и методики оценки использования образовательных ресурсов.

Для наглядности приведем примеры используемого инструментария.

1. Анкета из 45 вопросов (закрытые, шкальные, открытые)

- Закрытый вопрос:

«Какие платформы вы используете для обучения? (Выберите все подходящие)».

☐ Moodle (ЧелГУ) ☐ ЮУрГУ Digital ☐ YouTube-лекции ☐ Подкасты вуза

☐ Другое (укажите) _____

- Шкальный вопрос (Likert 5 баллов):

1) *«Насколько вам удобен интерфейс мобильного приложения вашего вуза?»*

1 (совсем не удобен) – 5 (очень удобен)

2) *«Часто ли вы используете напоминания из образовательных приложений?»*

Никогда ☐ Редко ☐ Иногда ☐ Часто ☐ Постоянно

- Открытый вопрос:

«Опишите, как цифровые ресурсы помогают вам планировать учебный процесс».

2. Гайд полуструктурированного интервью (15 вопросов)

Тема 1. Опыт взаимодействия с медиаресурсами

• *«Приведите пример, когда цифровой ресурс помог вам эффективно организовать обучение».*

• *«Что вас раздражает в текущих платформах вуза?»*

Тема 2. Когнитивные стратегии

• *«Как вы запоминаете информацию из видеолекций vs текстовых материалов?»*

• *«Используете ли вы дополнительные инструменты (например, Notion для конспектов)?»*

Тема 3. Предложения по улучшению

- «Какие функции вы добавили бы в вузовское приложение?»

3. Протокол контент-анализа цифровых платформ

Параметры анализа:

1. *Типы контента*: лекции, тесты, форумы.

2. *Интерактивность*: наличие чатов, автоматической проверки заданий.

3. *Лингвистические маркеры*:

- Частотность императивов («выполните», «сдайте до...»).

- Использование модальных глаголов («должны», «следует»).

Пример для ЧелГУ (Moodle):

«Загрузите эссе до 15.05» (императив + дедлайн) → фиксация как «директивный стиль».

4. Методика оценки использования образовательных ресурсов

Метрики:

1. *Активность*:

- Среднее время входа в систему/неделю.

- Количество выполненных заданий.

2. *Академические результаты*:

- Корреляция между использованием чат-бота и своевременной сдачей работ.

3. *Качественные показатели*:

- Анализ форумов: частота вопросов от студентов.

Выборка исследования составила 140 респондентов, включая 120 студентов и 20 преподавателей Челябинского государственного университета (ЧелГУ) и Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ), сбалансированно распределенных между вузами (по 60 студентов и 10 преподавателей от каждого университета). Гендерный состав репрезентирует современную образовательную среду: 68% женщин и 32% мужчин, при этом возрастная структура студенчества отражает типичный контингент бакалавриата – 85% респондентов в возрасте 17–21 года и 15% в возрасте 22–25 лет. Выборка охватывает основные направления подготовки: социальные (40%), технические (35%) и гуманитарные (25%) науки, а также все уровни бакалаврской программы (1–4 курсы), что обеспечивает репрезентативность данных для анализа специфики медиадискурса в разнообразных академических контекстах.

Основные этапы проведения исследования:

1. Подготовительный этап (январь – март 2025)

На подготовительном этапе разработана комплексная теоретическая модель, интегрирующая подходы критического дискурс-анализа [6], медиалингвистики [2; 3] и цифровой педагогики [10]. Модель включает три уровня анализа: анализ лингвистических особенностей текстов, анализ жанровых характеристик медиаресурсов и анализ институционального контекста. Например, для анализа директивности использовалась детализированная схема категоризации: сильные императивы («обязательно выполните к сроку»), слабые императивы («рекомендуется изучить») и косвенные директивы («стоит обратить внимание на»).

Проведена апробация инструментария на пилотной выборке (20 студентов), которая выявила необходимость доработки методик. Так, вопрос об удобстве интерфейса был преобразован из бинарного формата в 5-балльную шкалу Ликерта после того, как 30% респондентов затруднились с однозначным ответом. Формирование репрезентативной выборки осуществлялось методом стратифицированного отбора с квотированием по курсам (равномерное распределение по 1–4 курсам), направлению подготовки (40% социальные, 35% технические, 25% гуманитарные науки) и полу (сохранение естественного соотношения 68% женщин и 32% мужчин).

2. Основной этап (апрель – май 2025)

Сбор количественных данных проводился через онлайн-анкетирование с использованием 45-вопросной анкеты, включавшей различные типы заданий. Например, вопрос о частоте использования мобильных приложений содержал варианты ответов от «ежедневно» до «никогда» с возможностью качественного пояснения. Было собрано 120 заполненных анкет студентов и 20 анкет преподавателей.

Параллельно проводились полуструктурированные интервью (15 вопросов) с преподавателями, где затрагивались темы трансформации методических материалов при переходе в цифровой формат. Организованы 4 фокус-группы со студентами (по 8 человек), в ходе которых участники совместно проектировали идеальный интерфейс образовательного приложения. Фиксация цифровых практик включала сбор скриншотов интерфейсов образовательных платформ, анализ логов использования (с обезличиванием данных) и хронометраж активности. Например, установлено, что пик активности в Moodle приходится на вечерние часы (20:00–23:00).

3. Аналитический этап (июнь – июль 2025)

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением методов дескриптивной статистики, корреляционного и факторного анализа. Обнаружена значимая положительная корреляция ($r=0.72$, $p<0.01$) между использованием чат-бота и своевременной сдачей заданий. Качественный анализ включает тематическое кодирование интервью по методу Брауна и Кларка, что позволяет выявить повторяющиеся паттерны, такие как «цифровой стресс преподавателей» при адаптации к новым форматам.

Верификация гипотез подтверждает влияние лингвистических особенностей медиадискурса на самоорганизацию: императивные конструкции увеличивают соблюдение дедлайнов на 25% по сравнению с нейтральными формулировками. На основе полученных результатов разработаны практические рекомендации для вузов, включающие внедрение системы автоматических напоминаний с мягкими формулировками («Не забудьте, что дедлайн приближается») вместо жестких императивов, создание интерактивных обучающих модулей и оптимизацию визуального дизайна платформ.

Результаты исследования демонстрируют выраженную дихотомию в структуре медиадискурса между двумя университетами, отражающую различные институциональные стратегии цифровизации образования. Традиционная модель медиадискурса ЧелГУ характеризуется преобладанием пассивных форм образовательного контента. Лекционные

записи (65% пользователей) и PDF-материалы (58%) составляют основу цифровой образовательной среды, что свидетельствует о воспроизводстве традиционной лекционно-семинарской системы в цифровом формате. Электронная библиотека (47%) используется практически половиной студентов, однако интерактивные форматы существенно менее популярны: форумы (32%) и вебинары (28%) занимают периферийное положение. Такая структура потребления отражает, с одной стороны, осторожный подход к цифровой трансформации, а с другой – недостаточную развитость инфраструктуры для интерактивных форматов. Лингвистический анализ показывает, что данные ресурсы характеризуются преобладанием монологических, императивных конструкций («просмотрите», «изучите», «запомните»), что ограничивает возможности для формирования диалогических образовательных практик.

В ЮУрГУ наблюдается принципиально иная картина, отражающая активную интеграцию инновационных форматов. Мобильное приложение (78% пользователей) выступает ключевым элементом образовательной экосистемы, обеспечивая не только доступ к контенту, но и функции планирования и уведомлений. Высокая популярность интерактивных вебинаров (62%) и геймифицированных тестов (53%) указывает на смещение в сторону активных методов обучения. Особого внимания заслуживает наличие нишевых, но значимых форматов: чат-боты (42%) обеспечивают персональную поддержку, а VR-симуляторы (15%), несмотря на относительно невысокий процент использования, представляют собой перспективное направление для развития практико-ориентированного обучения. Лингвистический анализ демонстрирует большую вариативность дискурсивных стратегий: наряду с императивами используются побудительные («предлагаем обсудить»), мотивационные («попробуйте решить») и коллаборативные («давайте совместно разработаем») конструкции.

Рассмотрим влияние медиаресурсов на процессы самоорганизации студентов ЧелГУ и ЮУрГУ. Приведем сравнительные показатели эффективности по 5-балльной шкале (Табл. 1):

Таблица 1

Показатели эффективности процессов самоорганизации студентов

Параметр	ЧелГУ	ЮУрГУ	Разница
Тайм-менеджмент	3.8	4.5	+18 %
Учебная мотивация	3.5	4.3	+23 %
Контроль прогресса	3.2	4.2	+31 %
Вовлеченность	3.4	4.1	+21 %
Качество усвоения	3.6	4.0	+11 %

Результаты исследования демонстрируют системное преимущество инновационной модели медиадискурса ЮУрГУ по всем ключевым параметрам самоорганизации. Наиболее значительный разрыв наблюдается в «контроле прогресса» (+31 %), что напрямую связано с внедрением в ЮУрГУ автоматизированных систем аналитики, предоставляющих студентам

детальную обратную связь в режиме реального времени. Например, интегрированные в мобильное приложение дашборды отображают персональные показатели освоения материала, прогнозируют рейтинг и формируют персонифицированные рекомендации. В ЧелГУ аналогичная функция реализована фрагментарно через электронный дневник, что объясняет более низкие показатели.

«Тайм-менеджмент» (+18 %) в ЮУрГУ обеспечен синхронизацией всех ресурсов с календарями студентов и продуманной системой уведомлений. Важно отметить, что вместо жестких напоминаний («сдать до 18:00») используются мягкие формулировки («не забудьте, что завтра дедлайн»), снижающие когнитивное сопротивление. В ЧелГУ уведомления носят эпизодический характер и не интегрированы в единую систему.

«Учебная мотивация» (+23%) и «вовлеченность» (+21%) в ЮУрГУ стимулируются за счет геймификации (бейджи, рейтинги) и интерактивных форматов, таких как VR-симуляторы для инженерных специальностей. Качественный анализ показал, что даже минимальные элементы игры – например, баллы за просмотр лекции – повышают регулярность активности на 15–20%. В ЧелГУ мотивационный компонент реализован преимущественно через традиционную систему оценок.

«Качество усвоения» (+11%), хотя и демонстрирует меньший разрыв, статистически значимо ($p < 0.05$) выше в ЮУрГУ. Это связано с адаптивностью ресурсов: чат-боты предоставляют пояснения в зависимости от успеваемости, а интерактивные тесты подстраивают сложность вопросов. В ЧелГУ контент унифицирован для всех студентов.

Интересные данные получены в результате опроса преподавателей. 65% преподавателей отмечают рост самостоятельности студентов, что проявляется в уменьшении организационных вопросов («Где материал?», «Когда дедлайн?») и более качественной подготовке к занятиям благодаря интерактивным материалам. 45% фиксируют проблемы цифровой компетентности, включающие трудности создания интерактивного контента (например, монтаж видео) и непонимание аналитики использования ресурсов. 30% испытывают трудности адаптации к новым форматам, что связано с необходимостью дублировать контент в традиционном и цифровом форматах и отсутствием времени на освоение новых платформ.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы. Интерактивные форматы, реализованные в ЮУрГУ, демонстрируют устойчивое преимущество (20–30%) по ключевым параметрам самоорганизации. Это обусловлено следующими факторами:

1. Персонализация контента: алгоритмы адаптивного обучения в мобильном приложении ЮУрГУ анализируют прогресс студентов и предлагают индивидуальные траектории. Например, студенты, испытывающие трудности с определенной темой, автоматически получают дополнительные материалы и упражнения.

2. Гибкость использования: облачные технологии позволяют синхронизировать прогресс между устройствами. Студент может начать работу на компьютере в университете и продолжить в мобильном приложении дома.

3. Обратная связь в реальном времени: чат-боты и автоматизированные системы проверки заданий обеспечивают мгновенную реакцию. В ЧелГУ обратная связь часто запаздывает на 24–48 часов, что снижает эффективность обучения.

4. Геймификация элементов: система баллов, бейджей и рейтингов в ЮУрГУ повышает вовлеченность. Например, студенты получают дополнительные баллы за регулярность выполнения заданий.

Исследование выявило значительный разрыв между студентами и преподавателями в отношении цифровых компетенций. 65% преподавателей испытывают трудности с созданием интерактивного контента (VR-симуляторы, интерактивные тесты), тогда как 90% студентов свободно используют эти форматы. Преподаватели часто дублируют традиционные лекции в цифровой среде без адаптации (длинные видео без интерактивных элементов), студенты предпочитают микрообучение (короткие видео до 10 минут с квизами). Кроме того, наблюдается конфликт между систематическим подходом преподавателей (последовательное изучение) и клиповым мышлением студентов (нелинейное потребление информации).

В рамках проведенного исследования установлено, что эффективность медиадискурса напрямую зависит от институциональной поддержки:

1. Техническая инфраструктура: ЮУрГУ инвестировал в облачные сервисы и мобильные решения, тогда как ЧелГУ использует устаревшие локальные системы. Например, скорость загрузки материалов в ЮУрГУ в 3 раза выше.

2. Методическая поддержка: в ЮУрГУ действует центр цифровой педагогики, который проводит регулярные тренинги для преподавателей (например, по созданию интерактивных материалов). В ЧелГУ такая поддержка носит эпизодический характер.

3. Система мотивации преподавателей: в ЮУрГУ внедрены стимулирующие надбавки за разработку цифровых курсов, что увеличило количество интерактивных материалов на 40% за год. В ЧелГУ аналогичные инициативы носят добровольный характер.

Таким образом, преимущество инновационной модели ЮУрГУ обусловлено системным подходом, объединяющим технологические, методические и мотивационные компоненты. Устранение поколенческого разрыва требует целенаправленной работы по развитию цифровых компетенций преподавателей и адаптации контента под когнитивные стили студентов.

Проведенное исследование выявило ряд перспективных направлений для дальнейшего научного поиска, которые позволят углубить понимание трансформации образовательных практик в условиях цифровизации. Настоящее исследование зафиксировало начальный этап внедрения AI-технологий (чат-боты, адаптивные системы), однако их потенциал раскрыт не полностью. Перспективным представляется изучение генеративного ИИ в создании персонализированных образовательных траекторий. Ключевые вопросы для изучения: каким образом AI-тьюторы могут усилить когнитивные функции самоорганизации; какие этические и дидактические риски возникают при делегировании функций оценки и обратной связи искусственному интеллекту; как изменится роль преподавателя в условиях

автоматизации рутинных операций. Особый интерес представляет анализ лингвистических особенностей AI-генеративного контента и его влияния на академическое письмо и критическое мышление студентов.

Список литературы

1. **Воронцов, А. В.** Медиадискурс в цифровом образовании / А. В. Воронцов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3(45). – С. 56–72.
2. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 264 с. – ISBN 978-5-9765-0273-4.
3. **Клушина, Н. И.** Медиадискурс в цифровую эпоху: лингвокогнитивный аспект / Н. И. Клушина. – Москва : Флинта, 2016. – 200 с.
4. **Couldry, N.** Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice / N. Couldry. – Cambridge : Polity Press, 2012. – 242 p. – ISBN-13 978-0-7456-3520-8.
5. **Dijk T. A. van.** Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach / Teun A. van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 400 p.
6. **Fairclough, N.** Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. – London : Routledge, 2003. – 270 p. – ISBN 0-415-25892-8.
7. **Jones, R.** Digital Discourse: Language in the New Media / R. Jones. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 342 p.
8. **Kress, G.** Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. – London : Routledge, 2010. – 212 p. – ISBN-13 978-0-415-32061-0.
9. **Mayer, R. E.** Multimedia Learning / R. E. Mayer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 320 p. – ISBN-13 978-0-521-73535-3.
10. **Siemens, G.** Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age / G. Siemens // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2005. – Vol. 2, № 1. – P. 9.

Olizko N. S.

Media Discourse of the University Digital Environment as a Factor of Academic Self-Organization (Case of CSU and SUSU)

The article examines the role of media discourse in shaping cognitive strategies for student self-organization within the context of the digital transformation of higher education. Based on empirical research conducted in 2025 at Chelyabinsk State University (CSU) and South Ural State University (SUSU), the study analyzes the impact of various types of digital educational resources on the development of student academic autonomy.

Key words: media discourse, digital educational environment, academic autonomy, cognitive strategies, Chelyabinsk State University (CSU), South Ural State University (SUSU)

Бутова Анна Владимировна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков
по техническим направлениям
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова»
annb.79@mail.ru

К лингвистическому определению понятий «торговая марка», «название продукта», «название компании»

Статья посвящена лингвистическому описанию таких коммерческих понятий, как: «название компании», «торговая марка», «название продукта». Цель исследования – определить лингвистический статус данных терминов. Актуальность работы обусловлена тем, что необходимо провести чёткое разграничение между такими понятиями, как «торговая марка», «наименование товара» и «наименование компании». Новизна исследования заключается в анализе языковых механизмов и закономерностей, которые лежат в основе формирования и восприятия брендов, названий товаров и компаний.

В статье рассматриваются коммерческие названия как языковые единицы с осложненной семантикой. Восприятие продукта или услуги напрямую зависит от тех ассоциаций и эмоций, которые возникают у потребителя. В данном процессе название бренда играет первостепенную роль. Запоминающееся название может быть достигнуто за счёт использования слов, связанных с успехом, процветанием, благополучием и другими позитивными понятиями.

Ключевые слова: название компании, торговая марка, название продукта, лингвистика бренда, семантика, коннотация

Имя собственное является постоянным объектом не только лингвистических, но и психологических, и социальных исследований. Основной функцией данной языковой единицы является номинация объектов действительности: городов, рек, людей, животных и т. д. Общество XXI века насыщено многими объектами, требующими дополнительного именования, среди них продукты и услуги. Современный социум наполнен товарами различного качества, которым необходимо дать названия. «Основная современная лингвистическая литература уделяет внимание как проблеме номинации в целом, так и отдельным ее видам в частности. Но при этом коммерческая номинация как объект изучения до сих пор не попадает в поле зрения исследователей» [7, с. 165]. Ю. С. Вегенер определяет нейминг как «многогранный процесс, включающий в себя целый ряд творческих и технологических аспектов, он предполагает создание имени организации или торговой марки и имплицитно содержит как правильное позиционирование, так и эффективную коммуникацию» [3, с. 261].

Имена несут в себе определенные образы и эмоции для потребителей. Возросшая популярность маркетинговых агентств оправдана различными стратегиями продвижения товаров и услуг. Одной из важных функций маркетинга является нейминг, который, по мнению О. Ф. Кривновой, включает в себя разработку названия. «В коммерческом мире под неймингом понимается процесс разработки названия компании, товарного продукта или услуги, которые впоследствии способны стать брендом» [5].

Изучение именования коммерческих продуктов и услуг является достаточно новым. Основной темой исследований выступают бренды, но поскольку они, как названия, основываются либо на именованиях компаний, либо на зарегистрированных товарных знаках, разница между названиями компаний и брендов не всегда подчеркивается [4; 11]. Кроме того, коммерческими названиями интересуются не только лингвисты, но и другие исследователи. В частности, в маркетинговых исследованиях были опубликованы работы, посвященные названиям с разных точек зрения: брендинг, архитектура бренда, нейминг бренда и др.

Теме брендов и коммерческих названий посвящена довольно обширная литература. Для нашего исследования актуальными являются работы Л. Л. Соловьевой, Д. О. Ушаковой, И. А. Фуковой, А. М. Чернышевой и Р. А. Якуповой.

В работе Д. О. Ушаковой, А. М. Чернышевой «Нейминг в системе формирования и продвижения бренда» авторы рассматривают процесс создания и управления брендами, а также анализируют теоретические основы понятия «нейминг». В исследовании обсуждаются ключевые этапы формирования имени бренда в рамках нейминга и определяются принципы создания эффективного нейминга для успешного позиционирования бренда на рынке [9]. Авторы статьи «Мировые тенденции брендинга и белорусские бренды» исследуют сущность торговой марки, бренда и брендинга, а также рассматривают процесс управления брендом, современные мировые тенденции, которые крупные компании применяют при формировании стратегий развития своих брендов, а именно: использование социальных сетей, мобильных технологий и учёт глобальных событий [8]. Предметом исследования Р. А. Якуповой стал процесс создания названий брендов, а также были рассмотрены наиболее распространённые подходы и языковые инструменты, применяемые в этой области. Проводится глубокий анализ смысловых аспектов бренднейминга, исследуются названия брендов, что позволяет выявить наиболее часто используемые методы формирования имени бренда [12].

Основным исследовательским вопросом данной работы является рассмотрение и анализ коммерческих названий в рамках лингвистики бренда. Эта область исследований сформировалась как отдельная дисциплина, которая изучает поведение потребителей. Она отличается от традиционных лингвистических дисциплин тем, что фокусируется на потребителе как объекте анализа и имеет междисциплинарный характер. Лингвистика бренда объединяет теоретические и методологические аспекты психо- и социолингвистики, что способствует более глубокому пониманию потребительского поведения. Она отличается от изучения поведения потребителей тем, что сосредоточена на языковых явлениях

и их влиянии на брендинг. В рамках исследования были выбраны коммерческие наименования, такие как названия компаний, товаров, торговых марок и брендов.

Научная новизна данного исследования заключается в уточнении определений понятий «торговая марка», «название продукта», «название компании» с точки зрения лингвистики, а также в анализе языковых механизмов и закономерностей, лежащих в основе формирования и восприятия торговых марок, названий продуктов и компаний.

Цель исследования – дать определение понятий «торговая марка», «название продукта», «название компании» с точки зрения лингвистики бренда и семантики слова. В условиях современного общества, где коммуникация и обмен информацией играют ключевую роль, актуальность исследования обусловлена чётким определением и разграничением понятий «торговая марка», «наименование товара» и «наименование компании».

Анализ семантических особенностей этой категории проводился с учётом прагматической применимости и коннотации. В ходе исследования были использованы данные русского, английского и немецкого языков. Для анализа были применены методы систематизации, классификации и компонентного анализа.

Коммерческие именования – это онимы, функция которых заключается в оказании воздействия на потребительский выбор, что является основной целью предпринимателя или производителя, которые преследуют экономические цели при использовании коммерческих названий. Коммерческие названия включают в себя:

- название компании;
- название продукта;
- торговые марки;
- бренд.

Их основная миссия – привлечь внимание к продукту, который они представляют. С точки зрения лингвистики, удачное наименование – это действенный инструмент для презентации и продвижения продукта. Ведь задача правильного названия – идентифицировать продукт, выделить его из ряда других и придать ему уникальность. По мере того, как всё больше товаров обретают свои неповторимые имена, а количество наименований растёт, специалисты в области брендинга сталкиваются с необходимостью вложить максимум информации в новое название компании, продукта или услуги. В этом случае на первое место выходит коннотативный аспект в семантической структуре слова, будь то имя нарицательное или собственное. Конфликт между изначальным коммерческим наименованием и результатами конкурентной борьбы за использование имён делает коммерческую номенклатуру особенно уязвимой для радикальных языковых трансформаций и экспериментов. Это обстоятельство затрудняет процесс определения коммерческих названий.

В зарубежной литературе существует такой термин, как *эконим*. «Преимущества этого термина в том, что его легко перевести на иностранные языки (например, английский *есопут*, французский *эсопуте*, русский эконим) и что формально он параллелен другим научным терминам для ономастических терминов, оканчивающихся на -оним, таким как топоним

или гидроним. В отечественной ономастике данный термин не принят, так как он схож с экономическим понятием «эконом» [2].

Название компании – это слово, которое обозначает определенный бизнес. С помощью этого названия компанию идентифицируют и отличают ее деятельность от других компаний. Изучая названия компаний, исследователь должен знать законодательство о бизнесе и фирменных наименованиях той или иной страны, поскольку именно оно определяет, какие компании могут существовать, устанавливая ограничения для названий компаний и регулируя их. Название компании может быть «не звучным», например, ООО «ПЕРСПЕКТИВА» – оно состоит из указания на организационно-правовую форму и самого названия (это может быть как нарицательное, так и собственное имя). Основная функция названия компании – идентификация юридического лица. Следует уточнить, что названия компаний часто повторяются, то есть разные юридические лица могут именоваться одинаково. Для позиционирования себя и своей продукции или услуги на рынке предпринимателю необходимо зарегистрировать торговую марку, которая никак не соотносится с названием компании. Так, например, всем известные рестораны быстрого питания «Вкусно и точка» принадлежат обществу с ограниченной ответственностью «Система ПБО».

Торговая марка определяется как зарегистрированный знак, относящийся к определенной группе товаров конкретного производителя. Знак может включать в себя текст и логотип. Торговая марка также может быть формой упаковки (например, бутылка *Coca-Cola*) или звуковым сопровождением (например, тематическая песня мороженщика). Важная функция торговой марки – обозначать, маркировать товар или услугу и служить инструментом маркетинга. Зарегистрированная торговая марка – это прежде всего не лингвистическое выражение: это не имя и не термин, а явление, лежащее за пределами лингвистики. Его естественное применение находится в маркетинговых или юридических контекстах.

Ботова Е. Ф. придерживается мнения, что «название торговой марки должно отвечать определенным требованиям, в связи с чем можно утверждать, что коммерческая номинация выполняет следующие функции:

- ассоциативная – название торговой марки должно транслировать ее существенные признаки, вызывая у потребителей ассоциации с брендом и его продукцией;
- номинативная – торговая марка должна обладать уникальным именем;
- эстетическая – название торговой марки должно удовлетворять эстетические запросы потребителей, вызывать положительные эмоции;
- дифференцирующая – через наименование бренда должны транслироваться его отличительные признаки, то, что будет отличать его от конкурентов на рынке;
- воздействующая – название торговой марки должно формировать в сознании потребителя правильное понимание предоставляемых ею товаров и услуг;
- рекомендательная – через название бренда производители пытаются направить внимание потребителей к предоставляемым товарам и услугам;

– аттрактивная – коммерческая номинация отвечает за формирование в сознании потребителя положительного семантического поля вокруг торговой марки» [1, с. 52].

Название продукта является языковой единицей. Это лингвистическое выражение, обозначающее понятие изготовленного или разработанного продукта для коммерческого использования. Продуктами могут быть предметы, услуги и т. д. Название продукта часто включается в зарегистрированную торговую марку, и поэтому бывает трудно отличить торговую марку и название продукта друг от друга. В любом случае, в отношении ономастики разница должна быть совершенно очевидной: название продукта – это имя собственное, а торговая марка – нет. Тем не менее, если есть желание сделать акцент на регистрации и закреплении названия продукта, термин «торговая марка» вполне допустим при использовании в ономастике.

Под коммерческими названиями большинство людей в первую очередь подразумевают бренды. Термин «бренд» частично пересекается с названием компании и торговой маркой. Бренд – это широко известное, финансово ценное название предлагаемой продукции. Так, на сайте НИУ ВШЭ приведены характеристики бренда. «Настоящий бренд начинается тогда, когда его функциональные и эмоциональные ценности складываются следующим образом:

- возникают не стихийно, а в соответствии с планом самой компании;
- имеют связь между собой;
- выгодно и значимо отличают продукт от конкурентов;
- существуют в сознании потребителей;
- распознаются и одинаково воспроизводятся как минимум половиной целевой аудитории» [10].

Бренд обычно относится ко многим группам товаров (*Nokia, Canon*) и часто основывается на названии компании (*Ford*) или на зарегистрированном товарном знаке компании (*Pepsodent*). Бренды покупаются и продаются, и их стоимость может значительно превышать стоимость самого производственного предприятия и работающих на нем специалистов (*Microsoft, Disney, Google*). Бренд – это, прежде всего, имя, которое играет ключевую, уникальную роль. Все, от упаковки до производителя и маркетинга, может измениться, но имя бренда останется прежним. Имя – это ядро бренда. Е. А. Куценко придерживается мнения, что в процессе создания бренда используются «фонетические, психологические, семантические и лингвистические характеристики выбранного названия. Лингвистическое выражение бренда – это ассоциация, основное значение, которое связано с данным образом» [6, с. 35] Именно лингвистическая сущность бренда является наиболее заметным элементом для потребителя. В одном слове или фразе необходимо отразить всю сущность, все данные и ценностные ориентиры бренда [6].

Коммерческие названия – это большая группа именованных разных явлений и предметов в маркетинге. С лингвистической точки зрения они нуждаются в структурной и семантической классификации, основанной на теоретических и методологических аспектах когнитивной и функциональной лингвистики.

Итак, в нашем исследовании был рассмотрен весь комплекс коммерческих названий, не разделяя их, так как цель работы заключалась в определении семантического статуса данного класса языковых единиц в целом. В рамках лингвистики бренда были уточнены понятия «коммерческое название», «торговая марка», «название продукта», «название компании». Материалы исследования будут актуальны как для исследователей в области маркетинга, так и в области лингвистики. Перспективами дальнейшего исследования могут стать такие термины, как бренд, брендинг, а также семантические и прагматические аспекты использования названий в маркетинговых коммуникациях, включая слоганы, логотипы и другие элементы брендинга.

Список литературы

1. **Ботова, Е. Ф.** Лингвистические механизмы коммерческой номинации (на материале англоязычных торговых марок) / Е. Ф. Ботова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Никулиной. – Москва, 2021. – Вып. 19. – ISBN 978-5-4263-0993-7. – С. 50–56.
2. **Бутова, А. В.** Термин «бренд»: определение и классификация / А. В. Бутова // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 3(91). – С. 10–16.
3. **Вегенер, Ю. С.** Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Ю. С. Вегенер // Омский научный вестник. – 2012. – № 1(105). – С. 260–262.
4. **Кошенова, Б. Е.** Современные технологии брендинга / Б. Е. Кошенова // Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли. – 2012. – № 2(86). – С. 31–36.
5. **Кривнова, О. Ф.** Билатеральность языкового знака и лингвосомиотические проблемы современного коммерческого нейминга / О. Ф. Кривнова. – Текст : электронный // Институт славяноведения РАН : [сайт]. – URL: https://inslav.ru/tnikolaeva/statji/Krivnova_Nikolaeva_fest_2013.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
6. **Куценко, Е. А.** Языковые средства нейминга (на материале немецкоязычных туристических текстов) / Е. А. Куценко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. – 2018. – № 16. – С. 35–37.
7. **Новичихина, М. Е.** Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 165–170.
8. **Соловьева, Л. Л.** Мировые тенденции брендинга и белорусские бренды / Л. Л. Соловьева, И. А. Фукова // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2018. – № 2. – С. 11–15.
9. **Ушакова, Д. О.** Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Д. О. Ушакова // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. – С. 646–651.
10. **Что такое маркетинг и зачем он бизнесу.** – Текст : электронный // Высшая школа экономики : [сайт]. – URL: <https://marketing.hse.ru/blog/что-такое-brand> (дата обращения: 25.03.2025).

11. **Язык виртуального пространства: тенденции и перспективы исследования** / Л. И. Антропова, А. В. Бутова, Е. А. Гасаненко [и др.]. – Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2022. – 163 с. – ISBN 978-5-9967-2395-9.
12. **Якупова, Р. А.** Семантические особенности англоязычных названий брендов / Р. А. Якупова // European research : сб. ст. XXXVI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 05 июля 2022 г. / отв. ред. Гуляев Герман Юрьевич. – Пенза, 2022. – ISBN 978-5-00173-419-2. – С. 65–67.

Butova A. V.

**On the Linguistic Definition of the Concepts
«trademark», «product name», «company name»**

The article is devoted to the linguistic description of such commercial concepts as: company name, trademark, product name. The purpose of the study is to determine the linguistic status of these terms. The relevance of the work is due to the fact that it is necessary to draw a clear distinction between such concepts as «trademark», «product name» and «company name». The novelty of the research lies in the analysis of linguistic mechanisms and patterns that underlie the formation and perception of brands, product names and companies. The article considers commercial names as linguistic units with complicated semantics. The perception of a product or service directly depends on the associations and emotions that arise in the consumer. In this process, the brand name plays a primary role. A memorable name can be achieved by using words related to success, prosperity, well-being, and other positive concepts.

Key words: company name, trademark, product name, brand linguistics, semantics, connotation

Дубинина Виктория Александровна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dubinina_v@mail.ru

Интертекстуальность в цифровом дискурсе

Рассматривается феномен интертекстуальности в цифровом дискурсе на материале Telegram-каналов. Целью исследования является выявление и анализ интертекстуальных включений – цитат, аллюзий и прецедентных феноменов – в сообщениях и комментариях пользователей. В качестве корпуса анализа были выбраны каналы различной направленности: политические, культурно-просветительские и новостные. Автор определяет типологию интертекстуальных элементов и описывает их функции в цифровом общении. Особое внимание уделено роли интертекста в формировании смысловой глубины поста или комментария, вовлечении читателя и создании эффекта «коллективной памяти» внутри цифрового сообщества.

Ключевые слова: интертекстуальность, цифровой дискурс, интернет-коммуникация, цитата, аллюзия, прецедентный феномен

Цифровая эпоха породила новые формы текстов и общения, в которых наблюдается активное переплетение языковых, культурных и массмедийных пластов. В условиях бурного развития цифровых платформ (мессенджеров и социальных сетей) особое место в современном российском интернет-пространстве занимает *Telegram*. «Телеграм является кроссплатформенной медиасистемой, платформой-гибридом, дающей возможность помимо стандартной для мессенджера функции обмена сообщениями в группах и диалогах сохранять и обмениваться файлами, документами, создавать собственные каналы» [5, с. 13]. Эта платформа сегодня функционирует не только как инструмент передачи информации, но и как полноценное пространство для политической, социальной и культурной коммуникации. Посты и комментарии в *Telegram* зачастую наполнены сложными смысловыми структурами, среди которых важную роль играет **интертекстуальность**. Этот термин был введен Ю. Кристевой в 1967 г. и стал сегодня, по мнению В. Е. Чернявской, «одним из ключевых в языковедческой науке» [6, с. 178].

В отечественном языкознании интертекстуальность стала предметом исследования в работах И. В. Арнольд, Ю. Н. Караулова, Н. А. Кузьминой, В. П. Москвина, К. П. Сидоренко, Ю. П. Сологуба, Ю. С. Степанова, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской и др.

Интертекстуальность – это культурно-смысловое явление, заключающееся в наличии в тексте отсылок к другим текстам, их фрагментам, сюжетам, образам или стилистическим моделям. Функция интертекстуальности заключается не только в расширении смыслового поля текста, но и в активизации читательского опыта, так как она предполагает узнавание и интерпретацию отсылок. Интертекстуальность становится способом взаимодействия между автором, текстом и читателем, обеспечивая

многослойность восприятия и дополнительную глубину анализа. В современных гуманитарных науках интертекстуальность рассматривается как неотъемлемое свойство любого текста, поскольку любое высказывание неминуемо вступает в диалог с предшествующими дискурсами.

Цель статьи – проанализировать особенности функционирования интертекстуальности в цифровом дискурсе, выявить основные формы её проявления (цитаты, аллюзии, прецедентные феномены) и охарактеризовать их роль в формировании смыслов, коммуникативных стратегий и идентичности пользователей в интернет-коммуникации.

Основополагающим для нашего исследования является определение, предложенное Р. Бартом: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1, с. 418]. В этом контексте цифровое пространство становится идеальной средой для реализации интертекстуального взаимодействия, поскольку структура коммуникации здесь предельно фрагментарна, нелинейна и реплицируема.

По утверждению Ю. М. Лотмана, вводимый в структурное поле текста внешний текст создает новое сообщение, при этом изменению подвергается как сам вводимый текст, так и «вся семиотическая ситуация внутри текстового мира, в который он вводится» [3, с. 153].

В условиях интернет-коммуникации (в частности, культуры мемов, сторителлинга, комментирования) интертекстуальность проявляется не только как форма стилистического оформления, но и как метод производства новых смыслов на основе уже известных нарративов.

По мнению В. Е. Чернявской, интертекстуальность – это «процесс „разгерметизации“ текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [6, с. 176].

Таким образом, современный цифровой дискурс представляет собой пространство, насыщенное интертекстуальными связями, где посты, комментарии и визуальные тексты выступают как элементы сложной сети смыслов, конструируемых в режиме постоянного диалога с культурной и медийной памятью. Это позволяет рассматривать цифровую коммуникацию как текст открытый, диалогический и коллективно производимый.

Интертекстуальность в цифровом дискурсе выполняет множество функций: от юмористической до оценочной, от идентификационной (формирование чувства принадлежности к определённой группе) до символической (конструирование культурной памяти и смыслов). Особенно интересна роль интертекста в Telegram-дискурсе, где формальная структура канала (короткие сообщения, сжатый стиль, визуальный ряд, комментарии) способствует компактной, но выразительной передаче смыслов. Посты нередко строятся вокруг цитат из классической и массовой культуры, отсылок к историческим событиям, фильмов, книг, мемов, тем самым формируя культурное «полифоническое» пространство.

Одной из наиболее популярных форм интертекстуальности в Telegram-каналах является цитация. Цитата – это «дословное и взятое в кавычки воспроизведение элемента чужого текста с указанием источника» [4, с. 50].

*«Артисты Большого симфонического оркестра имени П. И. Чайковского пока не эвакуированы из Ирана, предположительно это произойдет в воскресенье, об этом ТАСС сообщила по телефону исполнительный продюсер съемочной группы Федора Бондарчука Аля Сомкина. **«Они (артисты симфонического оркестра) сегодня с нами не выезжали. У меня есть информация, что завтра, но это неточно»,** – сказала Сомкина (Раньше всех. Ну почти, 14.06.2025).*

*«ЛНР в рамках национального проекта «Семья» до конца года дооснастит инструментами все музыкальные школы региона. **«В этом году мы приступили к реализации национального проекта „Семья“, развитию инфраструктуры для семьи. И здесь тоже очень много важных мероприятий. Например, в этом году мы планируем завершить оснащение всех музыкальных школ ЛНР. Это планомерная работа, которая ведется с 2023 года. Их более 70 на нашей территории, и в этом году последние 20 мы оснащаем новыми музыкальными инструментами»,** – проинформировал глава Минкультуры Республики Роман Олексин» (Новости ЛНР, 14.06.2025).*

Кроме прямого цитирования в Telegram-каналах используется прием косвенной цитации: *«ЛНР в 2025 году приобретет еще 141 автобус для работы на маршрутах общественного транспорта. Об этом в ходе доклада Народному Совету Республики сообщил Глава ЛНР Леонид Пасечник. **Он отметил,** что для повышения качества регулярных пассажирских перевозок в 2024 году открыты 16 новых межмуниципальных автобусных маршрутов, закуплено 216 единиц общественного транспорта на сумму около 1,5 млрд. руб.» (Известия ЛНР/ДНР, Луганск/Донецк, 11.06.2025).*

*«Вот так вылетали беспилотники из фуры в Иркутской области. После, **по словам Игоря Кобзева,** они атаковали военную часть в посёлке Средний» (Mash, 07.06.2025).*

Цитата в цифровом дискурсе – это не просто воспроизведение чужого текста. Это код, сигнал, маркер достоверности, смысловой инструмент, придающий сообщению глубину, авторитетность и многослойность. В условиях цифрового общения, где важна краткость, цитата становится формой «концентрированного смысла».

Аллюзия как средство интернет-коммуникации в Telegram-каналах выполняет функцию скрытого цитирования, опираясь на культурные, литературные, исторические или медиатексты, известные аудитории. В отличие от прямой цитаты, аллюзия действует тоньше – она требует от читателя распознавания отсылки, тем самым создаёт эффект «смысла между строк», вовлекая в процесс интерпретации. В Telegram-каналах аллюзии часто используются для усиления выразительности поста, создания иронического эффекта, акцентирования оценки событий, а также для маркирования принадлежности к определённой культурной или интеллектуальной среде. Примеры аллюзий могут отсылать к классической литературе, библейским или философским текстам, обеспечивая многослойность цифрового высказывания при его внешней лаконичности.

«Ну а я, как человек, склонный к философским обобщениям, вижу здесь подтверждение старой истины, что **в России прожить – не поле перейти**» (Редакция, 10.06.2025). Данный фрагмент представляет собой яркий пример аллюзии, построенной на трансформации общеизвестной поговорки «Жизнь прожить – не поле перейти». Аллюзия создаёт многослойность сообщения: с одной стороны – ирония, а с другой – философская рефлексия о трудностях жизни в России. Такое сжатое высказывание становится насыщенным по смыслу и эмоциональному содержанию.

«**Продавать перемирие Кремль будет по высокой цене**» (НЕЗЫГАРЬ, 11.02.2025) – цитата из «дипломатического источника», превращённая в аллюзию на торговые практики. Это стилистическое решение формирует образ России (или её руководства) как рационального и прагматичного актора, рассматривающего мирные инициативы как предмет политического обмена с возможностью получения максимальных выгод.

Название поста «*Фото дня. Все смешалось в доме бурятском*» (babr24, 18.04.2024) представляет собой яркий пример аллюзии на классическую литературу, а именно на первую строку романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «Всё смешалось в доме Облонских...». Это не просто стилистический приём, а социально-культурная реплика, которая с помощью литературного кода обостряет восприятие реальности, вовлекает читателя в игру смыслов и создаёт иронический эффект. Такой тип интертекстуальности характерен для Telegram-дискурса, стремящегося одновременно информировать и развлекать.

С интертекстуальностью неразрывно связана категория прецедентности текста. Она впервые в отечественной лингвистике была рассмотрена Ю. Н. Карауловым в 1986 году. На сегодняшний день феномен прецедентности широко представлен в современном языкознании (Д. В. Багаева, С. В. Банникова, Д. Б. Гудков, М. Б. Дюжева, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин и др.). Прецедентные феномены можно рассматривать как своеобразный носитель культурно значимой информации, выступающий индикатором коллективной культурной идентичности и отражающим связь с ценностными ориентирами определённого сообщества. Многоаспектность изучения этого языкового явления способствует не только расширению научного представления о категории прецедентности, но и обеспечивает более глубокое понимание её природы, создавая предпосылки для комплексного анализа.

«Прецедентный феномен – это актуальный, широко известный для определённого сообщества и постоянно возобновляемый в речи феномен. <...> Прецедентность как феномен можно считать частью интертекстуальности, одной из возможных её реализаций. Он обладает лингвокультурологической ценностью» [2, с. 79–80].

Например, фраза из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» «счастливые часов не наблюдают» стала крылатой в цифровом дискурсе и широко используется как прецедентный текст – от шуток в интернете до названий Telegram-каналов. Она апеллирует к ситуации беззаботности и эмоционального увлечения.

Фраза из произведения Дж. Оруэлла «Скотный двор» «Все животные равны, но некоторые животные равнее других» часто используется

в политической и социальной критике. Её легко узнать, и она функционирует как прецедент, обличающий лицемерие и двойные стандарты. Некоторые Telegram-каналы используют ее как вывод, итог после поста, который его резюмирует. *«Офис Президента Украины: «Пожар в доме экс-главы НБУ – дерзкое преступление, быстрое раскрытие которого должно стать приоритетом в работе правоохранных органов. На Украине все должны чувствовать себя защищёнными, независимо от бывших должностей или политических взглядов»*

Я просто напомню, что в собственном доме был расстрелян в упор боец Роман Джумаев. И никто к «быстрому раскрытию» этого, не менее дерзкого преступления, почему-то не призывает.

«Все животные равны, но некоторые животные равнее других»
 ©Джордж Оруэлл «Скотный Двор». (Makarenko☐Donetsk, 17.09.2019).

Telegram-каналы различной направленности активно используют интертекстуальные элементы для вовлечения аудитории, эмоционального воздействия и семантической многослойности. Также интернет-среда мессенджера позволяет и даже побуждает читателя делиться публикациями с другими пользователями и помещать их в иной контекст или добавлять свои комментарии.

В цифровом пространстве Telegram-каналов интертекст играет роль механизма активации коллективной памяти. Через отсылки к известным текстам, образам и символам формируется чувство общей культурной идентичности. Это не только усиливает эмоциональное восприятие, но и способствует вовлечению аудитории: читатель не просто потребляет контент, но «узнаёт» его и становится соучастником смыслового взаимодействия.

Таким образом, интертекстуальность является важнейшим механизмом цифровой коммуникации, способным усиливать выразительность текста, создавать дополнительные уровни смысла и укреплять эмоциональную связь между автором и аудиторией. На материале Telegram-каналов показано, что интертекстуальные элементы выполняют различные функции и активно используются в сообщениях и комментариях как средство смысловой маркировки и культурной идентификации.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении визуальной интертекстуальности (мемов, эмодзи, гифок), сопоставлении интертекстуальных стратегий в разных цифровых средах (Telegram, VK, Мах, новостных сайтах), анализе когнитивного восприятия аллюзий.

Список литературы

1. **Барт, Р.** Избранные работы : Семиотика : Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Исаева, Л. А.** Интертекстуальность и прецедентность как научные концепты: проблема соотношения / Л. А. Исаева, Н. А. Рудиянова // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2023. – № 1(63). – С. 76–81.
3. **Лотман, Ю. М.** Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета : [сб. ст.] / [редкол.: Ю. М. Лотман

- (отв. ред. и др.]. – Тарту, 1981. – Вып. 567 : Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. – С. 3–18.
4. **Саблина, М. В.** Цитата и ее типовые разновидности / М. В. Саблина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3(15). – С. 49–51.
  5. **Соломин, В. Е.** Общественно-политические телеграм-каналы «Репортер» и «Лентач» как новые медиа / В. Е. Соломин, Н. А. Карев. – Текст : электронный // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 1. – С. 11–18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-telegram-kanaly-reporter-i-lentach-kak-novye-media> (дата обращения: 28.10.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-1-11-18
  6. **Чернявская, В. Е.** Лингвистика текста : поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 266 с. – ISBN 978-5-4458-5893-5.

Dubinina V. A.

Intertextuality in Digital Discourse

The phenomenon of intertextuality in digital discourse is considered on the basis of Telegram channels. The purpose of the study is to identify and analyze intertextual inclusions – quotations, allusions, reminiscences, and precedent phenomena – in user posts and comments. Channels of various orientations were chosen as the body of analysis: political, cultural, educational, news and literary. The author defines the typology of intertextual elements and describes their functions in digital communication. Special attention is paid to the role of intertext in shaping the semantic depth of a post or comment, engaging the reader and creating a «collective memory» effect within the digital community.

Key words: *intertextuality, digital discourse, Internet communication, quotation, allusion, precedent phenomenon*

Зайцева Анна Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dumayanna@mail.ru

Текст как инструмент повышения уровня культуры речи и формирования профессиональной языковой личности педагога

В статье рассматривается роль текста в процессе повышения уровня культуры речи и формирования языковой личности педагога, определяются основные направления текстоцентрического подхода в педагогической деятельности, раскрывается его значение для развития коммуникативных, когнитивных и ценностных составляющих профессиональной компетентности учителя. Установлено, что работа с текстами различных жанрово-стилевых разновидностей способствует развитию у педагога навыков критического мышления, стилистической уместности, точности словоупотребления и индивидуальной речевой манеры, обеспечивающих эффективную профессиональную коммуникацию.

Ключевые слова: языковая личность, профессиональная языковая личность, текст, культура речи, учебно-речевая деятельность, текстоцентрический подход

Современная система образования предъявляет к педагогу высокие требования, связанные не только с уровнем профессиональных знаний, но и с культурой речевого поведения, способностью эффективно и этически грамотно выстраивать коммуникацию в учебной и внеучебной деятельности. В этом контексте ключевым инструментом формирования профессиональной языковой личности педагога выступает текст, который в педагогической практике выполняет не только функцию передачи информации, но и служит средством развития коммуникативных, когнитивных и ценностно-ориентационных качеств специалиста.

Цель статьи – определить роль текста в процессе повышения уровня культуры речи и формирования профессиональной языковой личности педагога, выявить его функциональный потенциал в развитии коммуникативной и дискурсивной компетенций в условиях современного образовательного процесса.

Анализ существующих исследований, посвященных языковой личности, показал, что ученые активно изучают способы ее воплощения, типы, речемыслительные механизмы реализации, методы и приемы описания. Многообразие подходов к изучению этого понятия предопределено его сложностью и многоаспектностью. Ю. Н. Караулов внес огромный научный вклад в становление и развитие теории языковой личности. Ученый считает, что «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных

своих чертах на базе языковых средств» [3, с. 38]. Функционирование языковой личности, по его мнению, осуществляется на трех уровнях: 1) вербально-семантическом (лексикон личности); 2) лингвокогнитивном (знания о мире, или «образ мира», включает понятия, идеи, концепты, отражающие иерархию ценностей); 3) мотивационном (цели, мотивы, установки, интересы, интенциональности).

Карасик В. И. рассматривает языковую личность как «срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны» [2, с. 70]. Понятие языковой личности отражает совокупность коммуникативных, когнитивных и ценностных характеристик человека, проявляющихся через его речь и способность эффективно взаимодействовать в различных социальных и профессиональных контекстах, а также подчеркивает единство индивидуальных речевых особенностей и культурных норм языка в формировании целостной профессиональной и социальной идентичности.

Языковая личность педагога вызывает большой интерес в современной науке и определяется с учетом профессионально значимых для педагогической деятельности свойств и качеств, которые проявляются в процессе обучения и характеризуют его как личность. Понятие «профессиональная языковая личность педагога» охватывает совокупность речевых, коммуникативных и дискурсивных умений и навыков, обеспечивающих успешное взаимодействие с обучающимися, коллегами и родителями, а также способность к адаптации в изменяющейся информационно-образовательной среде.

Научные исследования показывают, что профессиональная языковая личность педагога формируется на основе целенаправленной учебно-речевой деятельности, включающей работу с различными текстами, анализ речевых ситуаций и освоение норм речевого этикета. При этом особое внимание уделяется развитию культуры речи, способности к аргументированному и логически структурированному выражению мыслей, овладению стилистическими и жанровыми особенностями профессионального дискурса. Такой подход позволяет педагогу не только эффективно передавать знания, но и формировать у обучающихся навыки грамотного и осознанного использования языка. Таким образом, профессиональная языковая личность педагога является комплексной характеристикой, отражающей уровень владения речью, коммуникативную гибкость, этическую и эстетическую культуру высказывания. Формирование этих характеристик невозможно без систематической работы с текстами различной жанрово-стилевой принадлежности. В учебно-речевой деятельности педагога текст выступает как комплексный дидактический объект, позволяющий отрабатывать навыки восприятия, интерпретации, анализа и порождения высказываний в соответствии с нормами литературного языка и требованиями профессионального дискурса.

Текст в учебно-речевой деятельности выполняет функции образовательного ресурса, модели профессионального дискурса и средства формирования индивидуального речевого стиля. Через анализ, интерпретацию и создание текстов педагог осваивает нормы литературного языка, структурирует мысли, выбирает адекватные стилевые и жанровые средства, а также развивает способность к аргументированному и выразительному высказыванию. Такой процесс не только формирует индивидуальный речевой стиль, но и укрепляет профессиональную идентичность педагога, делая его коммуникацию более эффективной, этически выверенной и культурно обоснованной. При этом особое значение имеет не только содержание текста, но и его языковая форма, что позволяет педагогу развивать навыки точного словоупотребления, стилистической уместности и интонационной выразительности.

Текстоцентрический подход в образовательной деятельности обеспечивает формирование целостной речевой картины мира, в которой языковые средства осмысляются через их функционально-коммуникативный потенциал. Использование художественных, публицистических, научных и других текстов в учебно-речевой деятельности способствует развитию межжанровой гибкости речи педагога, позволяя ему адаптировать своё речевое поведение к различным коммуникативным ситуациям. Кроме того, текст становится средством формирования индивидуального стиля педагога, отражающего его профессиональные ценности, педагогические установки и творческий подход к образовательному процессу.

Применение текстоцентрического подхода предполагает систематическую работу с текстами различных жанров и стилей. Например, анализ публицистических текстов позволяет педагогу развивать способность аргументированно и логично излагать мысли, выявлять оценочные и эмоциональные оттенки высказывания, что способствует формированию точности и выразительности речи. Работа с художественными текстами, такими как произведения классической и современной литературы, развивает эстетическое восприятие языка, способность к интерпретации и образному выражению идей, а также помогает педагогу усваивать нормы литературного языка и стилистической уместности.

Создание собственных текстов является важным элементом текстоцентрического подхода. Например, написание методических разработок, аналитических заметок, характеристик позволяет педагогу практиковать структурирование мысли, логическую организацию содержания и точное использование терминологии. Особое значение на уроке имеет интеграция межтекстовых связей и культурных аллюзий: упоминание мифологических персонажей, исторических событий и афоризмов активизирует ассоциативное мышление, расширяет речевой запас. Так, использование мифологических прецедентных имен и выражений в педагогическом дискурсе может служить метафорой скрытых проблем или непредсказуемых последствий, что делает коммуникацию более образной и выразительной.

Таблица 1

Стиль	Жанр	Развиваемые навыки	Значение
Публицистический	Статьи о современных методах обучения, интервью с известными учеными	Аргументированное изложение мыслей, выявление оценочных и эмоциональных оттенков	Позволяет педагогу развивать логичность, точность речи и умение выстраивать убедительную аргументацию
Художественный	Произведения художественной литературы	Эстетическое восприятие языка и литературы, образное выражение идей, стилистическая уместность	Формирует художественное воображение, помогает усвоить нормы литературного языка и выразительные средства речи
Научный	Методические рекомендации, дидактические материалы	Структурирование мысли, точное использование терминологического аппарата, логическая организация	Обучает педагога последовательно излагать профессиональные идеи, готовит к ведению документации
Разговорный	Диалог с обучающимися, родителями, коллегами	Развитие культуры устной речи, слушания, адаптация к стилю собеседника	Помогает педагогу выстраивать живое, гибкое и этически корректное общение, развивает способность к эффективной коммуникации
Официально-деловой	Приказ, характеристика, служебная записка	Точность и лаконичность изложения, соблюдение норм официально-делового стиля, структурирование информации	Обучает педагога оформлять документы грамотно, формируя культуру письменной коммуникации

Таблица 1 наглядно демонстрирует, как разные стили и жанры текстов способствуют формированию профессиональной языковой личности педагога, повышают культуру речи и развивают ключевые коммуникативные, когнитивные и ценностные составляющие его профессиональной компетентности.

Текстоцентрический подход обеспечивает комплексное формирование профессиональной языковой личности педагога, сочетая работу с готовыми текстами и продуктивное создание собственных высказываний. Систематическая учебно-речевая деятельность с текстами разных стилей и жанров способствует развитию культуры речи, точности, логичности и выразительности высказываний, формированию индивидуального стиля и профессиональной идентичности. Такой подход делает педагогическую коммуникацию более эффективной, этически выверенной и адаптированной к разнообразным образовательным ситуациям.

Таким образом, текст в педагогической деятельности выполняет многоаспектную функцию: он является источником знаний, инструментом речевого развития, моделью профессионального дискурса и основой формирования индивидуального речевого стиля. Систематическая, целенаправленная работа с текстом в рамках учебно-речевой деятельности способствует повышению культуры речи и формированию профессиональной языковой личности педагога, способной к эффективной, этически выверенной и выразительной коммуникации в условиях современной образовательной среды.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на создание и апробацию специализированных методических комплексов, программ и тренингов, использующих текст как инструмент формирования профессиональной языковой личности и повышения культуры речи педагога.

Список литературы

1. **Голованова, Е. И.** Профессиональная языковая личность: принципы и параметры лингвистического описания / Е. И. Голованова // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников IV Междунар. науч. конф. (Челябинск, 3–5 дек. 2009 г.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. – Челябинск, 2009. – ISBN 978-5-91274-074-9. – С. 14–17.
2. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – ISBN 5-88234-552-2.
3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7.
4. **Наволочная, Ю. В.** Профессиональная дискурсивная личность педагога художественных дисциплин: характеристики и развитие в цифровой образовательной среде при обучении иностранному языку / Ю. В. Наволочная // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 1. – С. 110–121.

Zaitseva A. V.

Text as a Tool for Improving Speech Culture and Forming a Teacher's Professional Language Personality

The article examines the role of text as a means of forming a teacher's professional language personality, identifies the main directions of the text-centric approach in pedagogical education, and reveals its significance for developing a teacher's communicative, cognitive, and value-oriented competencies. It is established that working with texts of various genre and style varieties contributes to the development of a teacher's critical thinking skills, stylistic appropriateness, accurate word usage, and individual speech style, which ensure effective professional communication.

Key words: linguistic personality, professional linguistic personality, text, speech culture, educational speech activity, text-centered approach

Луннова Марина Геннадьевна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и методика
преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «ПГУ»
lunnovamg@mail.ru

Сергушкина Софья Сергеевна,
магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «ПГУ»
sofya.sergushkinasss2017@yandex.ru

Языковые особенности комментариев к информационным постам в Интернете (на примере социальной сети «ВКонтакте»)

В статье рассматриваются языковые особенности виртуального общения на примере комментариев в социальной сети «ВКонтакте». Цель статьи – показать, как через комментарии интернет-пользователи демонстрируют свою языковую личность, а именно, уровень культуры, воспитанности и грамотности. В процессе работы были проанализированы «видеокомментарии», комментарии к информационным и новостным постам в группах и сообществах; отмечены особенности употребления лексем и их сочетаний в подобного рода контекстах и высказываниях на разных языковых уровнях. Результаты работы могут найти применение в вузовском преподавании курсов по языкознанию, современному русскому языку, культуре речи. Материалы могут быть полезны при изучении интернет-языка, созданного участниками социальных групп в других регионах, что позволит в полном объёме представить современную русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: социальная сеть, социальная группа, виртуальное общение, информационный пост, комментарий, интернет-язык, языковая игра, разговорная речь

Одним из наиболее популярных письменных жанров разговорного стиля в современном мире является виртуальное общение. Виртуальная коммуникация позволяет человеку демонстрировать себя не только как личность, которой он является, но и как личность желаемую. Показать своё «я» активные пользователи Интернета могут через публикуемые фото, записи на «стенах» – это область страницы, на которой пользователи могут оставлять сообщения, комментировать записи владельца аккаунта, отправлять аудиозаписи и видеофайлы. Последние годы записи на стене конкретного пользователя не пользуются популярностью: участники сетевого общения закрывают доступы к комментариям своих информационных постов (публикаций, в которых автор предлагает пользователям полезную информацию, помогающую разобраться в определённых вопросах, новостных заметок и т. п.) другим пользователям,

перестают оставлять комментарии под записями, отправляют аудио- и видеофайлы только в личные сообщения. Но это не говорит о том, что люди перестали комментировать записи в социальных сетях. Комментарии к записям сообществ и групп набирают популярность последние несколько лет, появляются их новые «жанры», например «видеокомментарии». Современные исследования особенностей взаимодействия пользователей социальных сетей проводятся с разных сторон: изучаются лингвистические [2], психологические [3], социологические аспекты коммуникативных процессов в виртуальном пространстве [4].

Цель настоящей работы – показать, как через комментарии интернет-пользователи демонстрируют свою языковую личность, а именно, уровень культуры, воспитанности и грамотности.

Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются особенности виртуального общения на примере комментариев в социальной сети «ВКонтакте» на разных языковых уровнях.

Теоретико-методологическая база исследования языковых особенностей комментариев к информационным постам в интернете может включать как общелингвистические положения о развитии и изменении языка в целом и отдельных его элементов (Т. В. Алтухова, Н. Г. Асмус и др.), так и различные концепции виртуалистики (А. Е. Войскунский, В. Л. Волохонский, Р. Г. Лейбов и др.).

Перспективными в данном направлении могут стать исследования, связанные с разработкой методик обучения русскому языку с использованием интернет-платформ, в том числе социальной сети «ВКонтакте».

Методика исследования: структурный анализ, позволяющий выявить специфические особенности рассматриваемых единиц; описательный метод, включающий приёмы лингвистического наблюдения, обобщения.

Сегодня комментарий отличается от тех привычных сообщений, которые оставляли пользователи под записями раньше. Любой современный комментарий направлен не столько на высказывание мнения о представленной в информационном посте проблеме, сколько на привлечение подписчиков на свой профиль. Так, каждый пользователь, комментирующий чью-то выложенную в сеть запись, в первую очередь заботится о личном имидже, стремится показать себя остроумнее, грамотнее, чем он есть на самом деле. Хотя стоит отметить, что некоторые пользователи, наоборот, создают себе в Интернете образ «шута», чтобы привлекать внимание других пользователей своими некорректными высказываниями. Как было отмечено ранее, популярность приобретают «видеокомментарии».

Появляется целое направление создания видеороликов, называемых в некоторых соцсетях *рилсами* (reels), которые представляют собой короткие вертикальные видео, длящиеся от 15 до 90 секунд. В социальной сети «ВКонтакте» такие видео называются клипами. Активно используются рилсы, в которых наметилась традиция «видеокомментариев» – видео, где транслируются комментарии в самом видеоряде, то есть являются частью видео. Например, в видео, где молодой человек снимает себя, как он едет в машине, всплывающей строкой в самом видео появляются комментарии других

пользователей (авторские пунктуация и орфография сохранены): «ёмаё, кочки кто замечать будет?»; «вкус на авто канешнааа»; «как развидеть это обратно»; «он когда-нибудь уже доедет?», «ты на эвакуаторе едешь? почему 0 км/ч», «год назад это уже видел, походу все никак не доедет» и т. п. Или в видео, где девушка едет на велосипеде и поёт, всплывающей строкой появляются следующие комментарии: «когда муж увидел, как ты едешь, и забрал машину», «была последняя попытка сдать на права», «когда отвезла детей к бабушке», «то чувство, когда завтра выходной» и т. п. Такой приём нередко используется в юмористических видео. Как правило, комментарии часто напрямую не связаны с сюжетом видео, а нацелены на обыгрывание деталей и привлечение внимания пользователей ради создания комического эффекта и подписки на аккаунт. Комментарии к записям сообществ и групп и комментарии «внутри видео» набирают в последнее время популярность.

Как уже отмечалось ранее, комментарии стали реже встречаться под фотографиями и записями на стене, но пользователи продолжают обмениваться комментариями в информационных постах групп и сообществ. Рассмотрим некоторые языковые особенности такого рода текстов в информационных постах сообществ социальной сети «ВКонтакте» (для анализа были отобраны комментарии к новостным постам и записям в неформальных сообществах).

На фонетическом уровне языка отмечается влияние фонетического принципа русской орфографии, суть которого заключается в лозунге – «пиши в соответствии с произношением» (авторская орфография и пунктуация сохранены): «ничо што она уже замуш выскочила», «смийоца», «арём с падрушкой», «месный», «сильна скучайу», «ничиво я нираху» и т. п. Иногда написание выходит из звукового облика и переходит к использованию графических образований: «кружо4ек», «идёт с коси4кой своей», «м@йкап4ик сделает пусть», «\$веточке своей пусть напишет» и т. п. В данном случае цифра «4» приравнивается к букве «ч», символ @ используется в качестве печатной «а», а значок «\$» заменяет русскую букву «с». И если совсем недавно это было достаточно распространённым явлением, то сейчас наблюдается в основном только в ироничных подтекстах, чтобы показать, насколько такая запись в данный момент устарела.

Вместо *-ать* у инфинитивов используется *ц*, причём часто отмечается изменение предшествующего гласного: «опять начну плакоц», «настало время отдыхац». Нередко можно заметить удвоенное написание *ц* в неопределённой форме глагола: «учиться идём чтобы потом зарабатывацц», «в комменты захожу и начинаю грустицц» и т. п. Для усиления экспрессии в комментариях наблюдается намеренное «озвончение» глухих согласных в абсолютном конце слова с изменением предшествующего гласного, что отражается и на орфографии: «такой стильный котег, я его рилсы всегда смотрю», «смари ну красавчег же», «мой самый влиятельный братигг», «пенёгг с глазами» и т. п. Нами был отмечен и обратный процесс – оглушение, которое тоже отразилось на орфографии текстов: «брет какой-то», «штош, хватит на сегодня интернета», «штош уш тут поделать», «почемуш так произошло», «замуш хош?» и т. п.

В комментариях встречается намеренная редукция слов: *«лана (ладно), пожили и хватит», «каданишь (когда-нибудь) его аккаунт заблочат (заблокируют) за такое», «щас (сейчас) тоже засниму рилс», «чёт (что-то) не впечатляет»* и т. д. Нередко встречаются лексемы, образованные аббревиацией, особенно активно используются такого рода дериваты с добавлением суффиксов, имеющих разговорную окраску: *«за чсвишников замуж выходят, потом ждут чего-то... наивные»* (чсв – чувство собственной важности); наблюдается намеренное «стяжение» в глаголах: *«знай че, в ленте таких как ты блогеров увидешь нетрудно», «ругамси и ругамси, так точно аккаунт заблочат»* и т. п.

Экспрессивность в сети может проявляться с помощью использования «умножения гласных» в комментариях: *«Оооооой, вот и пойми, что она там планировала этим сказать», «нуууу, не так уж и смешнооо», «оок, отдам диплом лягуууушкам», «аааааааааа», «уууу как мы заговорилииши», «нееееет, только не это», «жестииииишь», «свобоооода», «да лаааадно, они вместе???»», «чегоооооо», «это праааавдаааа»* и др. Многократный повтор гласных часто используют и для выражения негативных эмоций: *«Зачееем вы это делаете», «Да почемуууу она а не я», «Кааааак», «Какоооой ужаааааас», «Ну за чтоооо?!»* и т. п.

Следует указать на ещё одну языковую особенность в комментариях: участники интернет-коммуникации используют «умножение» знаков завершения предложения: *«Ты умный???»», «Красавица!!!», «Тот самый абьюзер???»», «Чего добиваешься????»* и т. п. Подобные случаи написания используются для выражения пользователями пассивной агрессии. Иногда такое проявление выражается через написание заглавными буквами (написание «капсом» от названия клавиши «Caps Lock»): *«ШОККОНТЕНТ», «УДАЛИИИИ», «СКОКА МОЖНАААА», «ТЫ НОРМ???»», «РАЗВОД», «КОНЕЦ», «ДОШУТИЛСЯ»* и т. п.

Часто искажение облика слов, сделанное намеренно, может говорить о наличии языковой игры. Помимо реализации игровой функции языка, изменения в графике носят и отрицательный характер. Такая языковая игра часто способна провоцировать пользователей на совершение настоящих ошибок.

На лексическом уровне необходимо отметить тенденцию к использованию стилистически сниженных слов, в частности усеченных или сокращённых (авторская орфография и пунктуация сохранены): *«зачем им работать, если **можен** под музыку крутиться на **видос**», «в **унике** такого вам **точн** не расскажут (уник – университет), «ну **поч** вы такие странные», «**спортник** **книш** такой», «По **телику** по-другому говорят», «**родакам** не забудь сказать»* и т. п. Одной из главных негативных особенностей, связанных с функционированием языка в Интернете, является нарушение этических норм речи, норм речевого этикета [1]. Такому снижению и огрублению речи способствуют как сетевые, так и внесетевые факторы. К последним можно отнести психологические и социальные факторы, такие как безграмотность, недостаток воспитания, эмоциональная несдержанность, неуравновешенность. К сетевым факторам принадлежит относительная свобода общения в социальных сетях, вседозволенность и отчасти безнаказанность [5, с. 217].

В ходе анализа комментариев нам встретилось довольно много грубо-просторечных и жаргонных слов: «**оборзел в конец**», «**трешак конечно**», «**не выкупает** че происходит», «**опупевший в край**», «**офонарел напроць**», «**дурачелла так только вести себя будет**», «**овца какая**», «**снимают идиотизм такой, а потом популярность гребут**» и др. А также можно отметить и, напротив, использование уменьшительно-ласкательных форм слов – диминутивов [2, с. 15]: «он такие **рилсики** ещё снимает, закачается», «**шустренькая** девочка», «**божечки**, какой **букестик** красивый». Иногда уменьшительно-ласкательные формы слов в комментариях используются с сарказмом: «**заюш**, ты влипла», «**ушки** прятать надо от такого пеня», «**глазки** твои его уже и так проморгали», «**ротик** под музыку научилась открывать» и т. п.

В области лексики интересными являются и новообразования, придуманные самими пользователями. Такие слова и выражения не остаются надолго в языке. После подъема популярности, частоты использования в качестве сленга эти слова теряют актуальность. К таким можно отнести следующие: «**скуф**» (и его производные «оскуфился», «скуфанулся» и т. д.), «**тюбик**» (о человеке), «**масик**» и т. п. Интересно происхождение слова «скуф». Это сокращение от фамилии Алексея Скуфына стало нарицательным и применимым к мужчинам средних лет, которые перестали вести активный образ жизни, заниматься спортом и следить за своим внешним видом.

При анализе языкового материала нами было обнаружено использование заимствованных слов без перевода (в основном англицизмов), оформленных русскими буквами (авторская орфография и пунктуация сохранены): «ты как-то хоть **спик инглиш**» (speak english – говорить по-английски), «хорошая попытка **адвёртисинга**» (advertisement – реклама), «опять эти ваши **брекфесты** красивые, лучше мясо **ешьте**» (breakfast – завтрак), «с таким **френдом** и жена не нужна» (friend – друг) и т. п.

На грамматическом уровне интересным показалось функционирование конструкций с вопросительно-относительными местоимениями + *ни*, а именно (авторская орфография и пунктуация сохранены): «**где-нигде** да лазейку финансовую найдут», «**как никак** дорогу сделали, понятно почему полгорода колёса в ямах оставляет», «**какая никакая** но польза от бордюров», «я сразу сказал, что **кто никто** да снесёт ограждение», «**кого-никого** да наградят, сразу понятно было все насчет кандидатов», «**что ничто** да придумает», «**когда никогда** но муж всю правду о ней узнает» и т. п.

Особый интерес представляет синтаксис интернет-комментариев. Синтаксические особенности также указывают на сетевую тенденцию к сближению устной разговорной речи и письменной. В синтаксисе эффект разговорности обычно создаётся при помощи определённых синтаксических конструкций, которые восходят к разговорной речи и способны выступать в письменной форме, создавать ситуацию естественного неподготовленного общения. Например, синтаксическая неполнота. В сети преобладают сообщения, состоящие из одного слова: «Здорово», «Добро», «Разве?», «Вредина», «Обманичик», «Провокация», «Чудеса», «Жуть», «Ерунда», «Обидно», «Возьму», «Сходишь» и т. п. Кроме этого, функционируют

различные виды конструкций с непрямым порядком слов (авторская орфография и пунктуация сохранены): *«посмотри ты хоть раз что тебе пишут люди знающие»*, *«Машка красивая всё-таки»*, *«слова её конечно обидные»*, *«подкаты его глупые»* и т. п.

В ходе исследования нами отмечено преимущественное использование простых как двусоставных (*«я об этом не догадывалась долго»*, *«мы бы не стали три дня ждать их»*, *«не объясняли нам ничего толкового»* и т. п.), так и односоставных предложений (*«рано»*, *«подумать только»*, *«аж в комнате потемнело»*, *«холодит»*) и др.

Нами было отмечено, что сложные предложения редко используются в интернет-комментариях. Среди них чаще функционируют сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным (авторская орфография и пунктуация сохранены): *«все хотят чтобы вы от него отписались»*; *«она думала что мы дураки какие-то»*, *«ты хоть смотри, что все снимают, чтобы стать известным»* и т. п. Несмотря на это, синтаксис комментариев тем не менее отличается разнообразием конструкций: от одного слова или смайла (стилизованного графического изображения человеческого лица с выражением определённых эмоций, традиционно в виде жёлтого круга) до целого текста (если пользователи решают в комментариях осветить какой-либо вопрос, например, рецепт приготовления любимого блюда).

Таким образом, современные комментарии отличаются особыми элементами графики, разговорной лексикой и грамматическим строем. Все перечисленные выше отличительные черты направлены на создание экспрессивности. Для текстов-комментариев характерны спонтанность и неподготовленность, приближающие их к устной форме существования языка. Отличительным признаком современного языка интернет-дискурса является использование и паралингвистического средства – языка эмодзи (смайлов), что позволяет невербально выразить свои чувства и эмоции в интернет-пространстве.

Все перечисленные выше языковые особенности демонстрируют не только языковую игру, но и уровень культуры, воспитания и грамотности пользователей. Но стоит отметить, что при частной переписке становится очевидным, является ли грамотным ваш собеседник, а при общении через комментарии мы зачастую не знаем лично всех участников общения, поэтому не всегда можем судить о речевой культуре конкретных пользователей. Следует помнить, что автор интернет-комментария реализует потребность в выражении собственного мнения и соответственно – личностной оценки, поэтому можно понять взгляды конкретного человека на определённую проблему. Главная цель комментариев – поиск единомышленников и самопрезентация, поэтому иногда пользователи могут общаться в несвойственной для них в реальном общении манере.

Языковую игру должны использовать только те пользователи, которые владеют литературной нормой, в остальных случаях это приведёт к снижению уровня грамотности интернет-пользователей и будет негативно влиять на речь современных людей.

Список литературы

1. **Ахренова, Н. А.** Теоретические основы интернет-лингвистики / Н. А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10. – С. 22–26.
2. **Гох, О. В.** Эмоционально-оценочная суффиксация в интернет-языке / О. В. Гох // Вестник Коми государственного педагогического института. – 2011. – № 9. – С. 14–17.
3. **Расина, Э. О.** Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве / Э. О. Расина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 115–129.
4. **Рогова, Е. Н.** Комментарии в социальной сети ВКонтакте как дискурсивная практика учащейся молодежи / Е. Н. Рогова, Л. С. Яницкий // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 229–238.
5. **Семёнова, Е. В.** Русский язык и интернет-новояз / Е. В. Семёнова // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 216–218.

**Lunnova M. G.,
Sergushkina S. S.**

**Language Features of Comments to Information Posts on the Internet
(Using the Example of the Social Network «VKontakte»)**

The article examines the linguistic features of virtual communication using the example of comments on the «VKontakte» social network. The purpose of the article is to show how internet users use comments to demonstrate their linguistic identity, including their level of culture, manners, and literacy. In the course of the work, the following tasks were solved: the «video comments» and comments on information and news posts in groups and communities were analyzed; the features of the use of lexemes and their combinations in such contexts and statements at different linguistic levels were noted. The results of the work can be used in university teaching of courses in linguistics, modern Russian language, and speech culture. The materials can be useful in studying the Internet language created by members of social groups in other regions, which will allow for a comprehensive understanding of.

Key words: social network, social group, virtual communication, information post, comment, internet language, language game, spoken language

УДК 81'42

Пастухов Александр Гаврилович,
канд. филол. наук, доцент,
зав. кафедрой гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «ОГИК»
alexander.pastukhov@yandex.ru

Категория «реактивности» в системе дифференциальных свойств медиатекста

Характерной чертой современных медиа является активное участие реципиентов в «упаковке» информации. Создаваемый медиаконтент предполагает повышенную рецептивную активность. В сути такой реакции заключены дополнительные потенции, обеспечивающие необычайно высокую кросс-медийную динамику, возникающую главным образом в процессе формирования мнения или компилирования аналитики. В медийной коммуникации это означает также перенос рассмотрения в поле действия т. н. «реактивных» текстов, возникающих как индивидуальная или корпоративная рефлексия существующего концептуального устройства медиа, а также как реакция на предъявление в медиатексте спорных манипулятивных и провокативных высказываний.

Ключевые слова: медиатекст, дифференциальные свойства медиатекста, персуазивность, реактивность, реактивные методы, мультимодальность, рецепция медиатекста

Современное понимание массовой коммуникации с её активным влиянием как радикального или как тоталитарного инструмента предполагает уточнение роли рецепции и реципиента в медийном процессе. В связи со стремительным ростом объёмов передаваемых сообщений в электронных медиа и, напротив, сокращением традиционных (печатных) ресурсов, а также трансформацией глобального медиапространства, повышается роль медиатехнологий. Их социальная значимость связана прежде всего с развитием информационного общества, которое характеризуется как принципиально новый этап, отмеченный всепроникающим влиянием медиа во все сферы общественной жизни. Социально-информационное и политико-идеологическое доминирование опосредованно влияет на функционирование языка, отчего массовая коммуникация становится одной из наиболее интенсивно и динамично развивающихся сфер речеупотребления. Массмедиа являются «магическим окном», через которое мы смотрим на мир [14, с. 19], важнейшим средством манипулятивного воздействия на общество и индивида.

Этим не в последнюю очередь объясняется позиционирование **медиатекста** как персонифицированного объекта, форматные характеристики которого заключаются в материальном (антропоцентрическом) и нравственном (духовном, моральном, идеологическом) противодвижении, в возможностях выбора между двумя или несколькими противоречащими решениями, что, как пишет А. А. Пятигорский, объясняет природу такого выбора как части большого «медиативно-мифологического акта» [9].

В нём заключён невероятно широкий по своей глобальности вопрос: каковы границы влияния современных массмедиа на индивида и социум, какова глубинная роль медиа в формировании наших представлений о реальности?

Действительно, в оценке «силы слова», заключённой в медиатексте, заложено признание баланса его интегральных и дифференциальных характеристик. Медиатекст становится единицей анализа не в последнюю очередь потому, что его свойства мимикрируют в ходе программируемой и предъявляемой читателю средствами этого же текста коммуникативно-речевой деятельности. Средства идеального (ментального) и материального сливаются воедино в виде характерной композиционно-речевой формы, закрепляющей индивидуальный смысл и специфическую интенцию как функциональных речетекстовых доминант, структурирующих и упорядочивающих целевой (исследовательский и/или пользовательский) медиаконтент, с приданием ему целостности и завершённости.

Активно используемые в медиаисследованиях теории познания, когнитивных искажений и социального взаимодействия всегда интересовали исследователей как способ очертить границы в формировании мнений, а также в уточнении того, как субъект воспринимает медийно оторефлексируемую действительность. Значимость и сила возможных медиаэффектов значительно варьируются: в первую очередь они зависят от области изучения, исследовательского императива, целесообразности принятых в рамках методологий и т. п. В социологии и психологии, например, среди аспектов исследовательского алгоритма наиболее часто встречаются: атрибуция причин поведения (каузальные интерпретации, субъективность, повседневность и т. п.), вопросы восприятия личности или ситуации, цель и результаты исследования субъекта («субъект как учёный»), оценка успехов и неудач («мотивация достижений»), проблемы саморепрезентации («управление впечатлением»), психологическое сопротивление при ограничении институциональной или личной свободы («сопротивление», «выход из поля») и др. [16, с. 40].

Но проблема, очевидно, гораздо шире. И. В. Савельева в изучении рецептивных возможностей медиа и медиатекста, в частности, предлагает учитывать такой вид дискурсивной практики, как **реактивная**, «отражающей гражданскую позицию адресата и репрезентирующую его понимание политической ситуации» [11, с. 48]. Категория **реактивности** исследуется в условиях изменения антропологической парадигмы: переживаниях, модусах поведения, которые проявляются в ситуациях, когда индивид подвергается психологическому воздействию, например, в рамках сложившейся (модерируемой, прогнозируемой или реальной) коммуникативной ситуации. Иначе говоря, *контекстная* «прагматика реактивности» чаще всего проявляется в комплексной «интенции субъекта в сочетании с намерением репрезентировать какой-либо фрагмент его личного опыта» [11, с. 47].

Но сам человек не является объектом рецепции; он познаёт и осознаёт себя сквозь призму оценок и собственных реакций: сравн.: *психологическое интервью, наблюдение, эксперимент* и т. п., давно используемые в системе социального взаимодействия. В нём проявляется множество влияний, из которых не всегда известны и понятны реципиенту медиатекста. В реактивных коммуникативных практиках нас в первую очередь интересует

«артикуляция» переменных, но при этом независимых хотя бы внешне, эффектов или запланированных изменений условий, которые позволяют отличать их от конвенциональных нежелательных реакций (реагирование, помехи, ситуативные факторы и др.).

Таким образом, объективно возникает целое поле и пространство взаимодействия, которое Л. Н. Синельникова предлагает именовать **дискурсом реагирования** – доминирующего звена объёмного пространства политических коммуникаций (власть, политическая борьба, продвижение имиджа и т. п.). Форматирующим принципом «дискурса реагирования» становится реакция, т. е. действие, акт поведения, реагирование на поведение других людей, связанное с целым списком состояний: ощущениями, представлениями, мыслями, эмоциональными переживаниями, настроением и т. п. «Реакции могут быть произвольными и непроизвольными, но в любом случае они возникают в ответ на стимул из внешнего, событийного мира и проявляют отношение к такому стимулу» [12, с. 293].

В речи реакция превращается в реагирование, т. е. в способность и возможность каким-либо образом отзываться на воздействие извне, проявлять своё отношение через вербальную форму. Медiateкст в этом смысле является весьма показательным примером, в котором реакции проявляются на языковом, дискурсивном и коммуникативном уровнях. По понятным причинам рассмотреть все три уровня в рамках одной статьи не представляется возможным. Однако это не снимает задачи интерпретатора – понять, как «проблема, связанная с медийным освещением события, транспонируется в проблему организации высказывания, т. е. в языковую проблему» [12, с. 293–294].

Формирование типологии текстов массовой коммуникации традиционно связано с упорядочением моделей речевого поведения и собственных, свойственных сознанию, механизмов, а также с характеристиками, отражающими суть природы вещей в границах функционирования текстов как самостоятельных объектов [6, с. 303]. Вопрос о т. н. «реактивных» свойствах текста – полемических, манипулятивных и имиджевых – в структуре массмедийного дискурса исследуется учёными в связи с выполнением текстом той или иной функции с системообразующих позиций, или наоборот, в противопоставлении другим видам дискурса. Категориальный подход, лежащий в основе функциональной классификации (функции общения, сообщения и воздействия), вполне может быть распространён и на изучение категории «реактивности» в рамках реализации коммуникативных стратегий в медiateксте.

Введение в научный оборот термина «реактивные тексты» (далее – РТ) достаточно парадоксально. Прежде всего оно связано с необходимостью отражения разноректорного комплекса свойств медiateкста, возникающих как регулярный ответ на текст-стимул или текст-реакцию [13], не выступающих проактивно. РТ в медийной практике представляют собой ответ на проблему и не являются чьей-либо персональной инициативой. Действительно, запросы и ответы на них во-многом просчитываются социальными группировками, имеющими своей целью воздействовать на массовое сознание так, чтобы добиться программируемого общественного поведения. Специфика состоит ещё и в том, что успешность

влияния / воздействия (импакта) гарантирована, если объект влияния не догадывается о реальных интенциях влияющего / воздействующего (импактора). Импакт планируется как скрытые намерения, которые акторы (инициаторы импакта) включают в изменённый облик сообщения, сигнализирующего о прямо противоположных намерениях. «Игра в импакте – это сражение, победить в котором необходимо не числом, а умением» [5, с. 321]. Иными словами, ключ к успеху медийной коммуникации – это успешность заложенной в ней мимики, в т. ч. в реализации целей игры и всего презентационного действия.

Турмайр М. изучает подобные эффекты и выделяет схожие по своему функционалу группировки т. н. **экспрессивно-социальных текстов**, выполняющих в комплексе:

- экспрессивно-смысловую функцию (*Tagebücher, Blogs, Reisenotizen* и др.),
- коллективно-самоутверждающую функцию (*Wahlkampfreden, ritualisierte religiöse Texte, Gebete, Fan-Liedertexte*), а также
- фатическую, развлекательно-игровую и эстетическую функции [24, с. 381].

Непреложным фактом остаётся то, что в медиатексте оценивается как правило не материальный объект. Но в подавляющем количестве случаев оценочные тексты являются реактивными текстами, конститутивно связанными с (условно: *первичными*) текстами, отличающимися по степени включённости в реальную речевую последовательность действий (*Hand-lungsabfolge*) [24, с. 389]. В медиажанрах, отмеченных наиболее ярко выраженной реактивной реакцией, характерен т. н. **фидбэк** (англ. *feed back*), представляющий собой обратную связь, которую индивид в виде вербальных и невербальных сообщений посылает на «входящие» сообщения.

Категория «реактивности» нашла своё выражение в немецкоязычных медиажанрах и немецкой лингвокультуре. Наиболее распространёнными примерами являются **электронное письмо**, написанное, например, как ответ на жалобу клиента; **сообщение**, создаваемое в целях исправления обнаруженной ошибки; **публикация в блоге**, посвящённая актуальной новости или событию и др. Таким образом, «реактивный текст» – это текст, который является оперативным ответом на ситуацию или стимул и который не создаётся по заранее продуманному плану.

Различные походы в теоретическом и прикладном «прочтении» категории «реактивности» для медиажанров объясняются различиями между текстами, подготовленными редакторами и журналистами в зависимости от внешних источников. Сравн.: «письма в редакцию» (*Leserbriefe*), колонки (*Kolumne*), статьи-интервью (*Wortlaut-Interview*) и т. п. Газетные материалы, за которые отвечает редакционная группа, включают в себя комментарии, редакционные статьи (*Editorial*), острые и содержательные в фактологическом плане глоссы (*Glosse*) и т. п. Классические комментарии (*Kommentar*) по сути своей являются приоритетно реактивными текстами, т. к. предполагают освещение темы в подобию информационно-аналитической статьи, или как производные от других текстов (принцип кластера) [28, с. 254].

Существующие исследования РТ требуют критического отношения к уже опубликованным текстам, адресованным широкой аудитории.

К. Фандрих и М. Турмайр в своём анализе «писем в редакцию» (*Leserbriefe*) категоризируют их как реактивные и устанавливают для них три основных блока: тематическое обращение, изложение точки зрения автора и заключение [17]. Учитывая то обстоятельство, что «письма в редакцию» адресованы разным группам читателей с разным уровнем образования или социальным статусом, их публикация становится важным индикатором социальной зрелости авторов. Вне зависимости от того, совпадает ли письмо с концепцией редакции, публиковать такой текст или нет – зависит от свободы мнений в самой редакции [8, с. 128]. Н. Б. Руженцева и Н. Н. Кошкарлова призывают различать бытование медиатекста в печатной и цифровой среде. Дело в том, что реальные возможности жанровых реализаций и специфика трансляции информации в печатных медиа в последнее время качественно изменяются. Количество «писем в редакцию» повсеместно сокращается, снижается и число «активных» читателей газет, прежде всего по причине развития блогинга. В связи с этим фидбэк по преимуществу перемещается в цифровую среду, а его непосредственный анализ связывается с действием двух основных регистров: а) типологизации реакций; б) характеристики речевых раздражителей – стимулов, активизирующих читательские реакции [10, с. 12], как важной доминанты, формирующей установку на ответ, возражение, немедленную реакцию. Сравним «реактивные» фрагменты «Писем в редакцию», посвящённых теме строительства 12 башен-небоскребов в районе аэропорта *Tempelhof* в Берлине:

Lesermeinungen

Zum Artikel: „Zwölf Türme für den Flughafen Tempelhof“ vom 5. September

Sehr schöne und elegante Türme. Berlin braucht solche Projekte, die auch mal was wagen. Weder das ikonische Flughafengebäude noch das Tempelhofer Feld werden angetastet. Und doch wird die aktuell wichtigste Bauaufgabe gelöst: Wohnraum schaffen. Und nur, weil das ziemlich gut aussieht, muss das nicht gleich ein Superluxusding werden. Auch bezahlbarer Wohnraum kann gut gestaltet sein und muss nicht zwangsläufig einfallslos und nervtötend aussehen. Danu D.

Meine Befürchtung: Es wird die Mietpreise in Tempelhof dann auch in die Höhe treiben. Der Flughafen Tempelhof ist ein Ort voller Geschichte. Finger weg! Alexander H. [19].

Различные виды массовой коммуникации в своей массе содержат осложненные речевые акты, понимание которых включает смыслы, не касающиеся собственно высказывания, но требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. Сюда относятся, в частности, те, что посвящены полемическому общению и дозирующие градус **полемичности** как коммуникативной категории, используемой преимущественно в «конфликтных ситуациях, мотивированных когнитивным противоречием их участников. Последнее особенно верно в отношении «отстаивания одной из позиций как наиболее верной, т. е. содержащих в себе критику, иное мнение, несогласие» [2, с. 26].

Среди реактивных свойств медиатекста полемичность является вероятно ключевым типологическим и структурообразующим форматом, служащим рамкой для согласованных намерений её участников в плане реакции на главные дискуссионные моменты. Пространство диалога,

как известно, реализуется в различных статусах и инструментах медиадискурса, на основе которых возникает новый тип институционально ориентированной коммуникации, задача которого состоит в том, чтобы добиться результирующих изменений общественного сознания, объединения аудиторий вокруг каких-либо ценностей.

Отсутствие видимой новизны в полемическом общении неизбежно переключает фокус внимания реципиента на содержание высказывания, которое, наряду с фактом его трансляции, начинает обретать черты общественно значимого коммуникативного действия, дополняемого множеством общих и частных манипулятивных тактик, которые находятся в подчинении властной парадигмы, обеспечивая сдвиг от менторского диктата в пользу регулируемой апелляции к креативному, творческому и нравственному выбору читателя. Не случайно, как пишет В. З. Демьянков, полемичность – это своеобразная театрализованная агрессия, направленная на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего, на навязывание (в качестве естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок [4, с. 36].

Журналисты по роду своей деятельности считаются активными участниками и протагонистами полемического диалога при том, что сама сфера полемики представляет собой сложную структурно-семантическую и коммуникативно-прагматическую программу различной жанрово-тематической направленности. Наряду с ключевой, социально значимой темой, проявляющейся в виде итога мыслеоформления, методы и способы полемического взаимодействия предполагают артикуляцию общественных интересов, проявляющихся в стремлении одержать победу в словесном поединке.

Эта важная в практическом и тактическом смысле задача обретает в медиапрактике всё новые и новые углы зрения, которые формулируются в рамках коммуникативно-функциональной парадигмы, в которой внутрисистемные языковые отношения и когнитивные механизмы текстов (дискурсов) направлены главным образом на формирование интегративной лингвосомиотической модели медийного текста в соответствующих медиажанрах (*Pamphlet, Feuilleton, analytischer Artikel, Kommentar, Kolumne, Leitartikel* и т. п.)

Полемический медиатекст в силу своей нарративности и возможностей быстрого и эффективного ответа гораздо более предрасположен к эмоциональности, чем тексты недиалогового характера: «... он характеризуется большим, нежели другие тексты, числом ошибок в рассуждениях, аргументации и доказательствах» [15, с. 128]. Это наглядно проявляется в таких медиажанрах и газетных рубриках, как: *Diskussion, Polemik, Streit* и др., которые затем в процессе «полемической активности» (избирательные кампании, обсуждение политических платформ, партийных инициатив и т. п.) задают характерный тон дискуссии, в ходе которой оппоненты не всегда соглашаются друг с другом. Сравним:

Zu teuer? Eine Senkung der Mehrwertsteuer könnte die Konjunktur ankurbeln

Berlin taz | Jede Legislaturperiode kommt derselbe Vorschlag: Die Mehrwertsteuer (MwSt.) auf Grundnahrungsmittel soll gesenkt oder abgeschafft

werden. Genauso stetig wird der Vorschlag abgelehnt. So auch der Antrag der Linken, der Mittwochabend im Finanzausschuss durchfiel. Alle Fraktionen außer der Linken votierten dagegen. Am Freitag wird dann im Bundestag abgestimmt. Die Erfolgchancen für die Linke stehen bei null. Was ist dran an der Idee?

Für die Linke reicht das nicht, die MwSt auf Grundnahrungsmittel sollte ihrem Antrag nach komplett wegfallen. Schließlich würden Personen mit einem geringeren Einkommen einen Großteil ihres Geldes für Grundbedürfnisse ausgeben. Ein Unterstützer des Antrags ist der Verbraucherschutz. Jochen Geilenkirchen, Leiter des Teams Lebensmittel des Bundesverbands Verbraucherschutz, sagt, dass das „Niveau der Preise gerade immer noch sehr hoch ist“. Wir merken in Umfragen, aber auch in der Verbraucherberatung, dass das viele Verbraucher belastet“ [25].

Еще одно явление в теории медийного воздействия – фасцинация – становится в последнее время одной из наиболее обсуждаемых концепций, дающих объективный толчок к исследованию возможностей реактивного воздействия на сознание читателя. Её проникновение в другие области знания – от культурологии и психолингвистики до теории коммуникации и риторики – подтверждают роль фасцинации как коллективного феномена медийной культуры. Ощущение фасцинативного и степень интенсивности фасцинации в равной степени привлекательны и с позиций отправителя, и получателя речи, т. к. в медийной коммуникации происходит мультипликация многочисленных фасцинативных эффектов, привлекающих к себе всеобщее внимание [7, с. 156].

В коммуникативном плане фасцинация демонстрирует свою глубинную воздействующую природу; она нацелена на интенсификацию восприятия информации читателем. Как известно, этого можно добиться только за счёт «прочувствованного» извлечения максимума информации из текста, что можно считать «одной из реактивных тактик персуазивной стратегии, связанной с конструированием тональности медиатекста.

Реактивное понимание фасцинации как «яркого и волнующего сигнала», либо как сконструированного вербального сообщения применительно к свойствам медиатекста связывается с уменьшением или частичной потерей семантически значимой информации. При восприятии сообщения данная тактика реализуется как тактика эпатирования, способствующая многократному усилению манипулятивного потенциала текста.

Если в обычной коммуникации фасцинация – это реплика, невербальное поведение, то в стратегической коммуникации фасцинация захватывает всё пространство воздействия с целью интенсификации восприятия и рецепции информации. Не случайно поэтому Х.-У. Зеебер предлагает закрепить фасцинацию, прежде всего, в семантическом поле, которое базируется на родственных для неё понятиях, таких как: *магия, удивление, энтузиазм, интерес, внимание, симпатия, любовь, аттракция, суггестия или гипноз* [23, с. 99]:

Völklingen. *Ein Mann in psychischem Ausnahmezustand rief am Dienstagnachmittag, 9. September, in Völklingen die Polizei auf den Plan. Videos, die den Einsatz zeigen sollen, kursieren derzeit in den sozialen Medien. Darin wird der Mann von drei Polizisten am Boden fixiert und schreit immer wieder „Allahu Akbar“ und „Allah“. Auf Anfrage der Saarbrücker Zeitung bestätigt ein*

Sprecher der Völklinger Polizei, dass der Einsatz tatsächlich so stattgefunden hat. Auch sei bekannt, dass mehrere Zeugen gefilmt haben.

Der Sprecher schildert den Hintergrund folgendermaßen: Um 13.55 Uhr am Dienstag ging bei der Polizei die Meldung ein, dass „eine psychisch stark auffällige Person“ sich mit einer Matratze in ein Wohnhaus in Völklingen geschlichen habe, wohl um dort zu schlafen. Es war „ein zunächst friedlicher Ausnahmezustand“. Die herbeigerufenen Beamten sollten den Mann zur Untersuchung in die SHG-Klinik bringen [18].

Приведённый пример показывает роль фасцинации в повышении реактивности текста. Представление информации в новой, оригинальной форме в медиатексте демонстрирует известную долю формализованности, но в то же время повышает уровень креативности медиатекста. Будучи «ограниченными жесткими рамками формализма и вмещающие в себя максимум информации, медиатексты, как реактивные тексты, объективно объединяют в своей структуре привлекающую, информирующую, воздействующую функции, концентрируют потенциал фасцинации» [1, с. 969].

В современных медийных практиках свойство перформативности медиатекста функционирует как важный инструмент, синхронизирующий работу по ответной реакции на медиасообщение, т. е. в «прохождении» информации в медийной среде, в которой интерактивность и перформативность рассматриваются «не по степени соответствия реально выполненных действий идеальному социальному эталону, а как мера социально допустимого и терпимого соответствующим обществом отклонения от социального эталона» [3, с. 122].

Перформативность как реактивное качество медиатекста – это, прежде всего, «физиологическая активность» текста, продуцирующая (рефлектирующая) динамические значения и смыслы, способная выделять свойства медиатекста не только с учётом базовых (конститутивных) признаков, но и в своём расширительном значении активно демонстрировать всю гибкость свойств медиатекста и динамизм сфер их приложения в медиасфере. Сюда в первую очередь можно отнести презентацию или реактуализацию символических систем через «живые» и «неживые» объекты-медиаторы (музыкальное и театральное искусство, архитектура и т. п.), что подтверждает широкие возможности динамического взаимодействия между социальным актором и его непосредственным окружением.

Безусловно свойство перформативности неодинаково реализуется в разных медиажанрах. Так, например, комментарии отнюдь не обязаны сиюминутно выражать позицию по текущему событию, общественному развитию или политическому решению. Донести «позицию» до общественности – значит не только не ограничиться выражением позитивного или негативного мнения, но и предъявить достаточно широкий и многоплановый контекст, который объясняет, предупреждает, восхваляет или призывает к определённом типу поведения. Возможный спектр перформативных конструкций текста достаточно широк, поэтому вполне логично считать перформативные журналистские комментарии как тексты, выражающие мнение (*meinungsbetonte Texte*) [20, с. 254]; с этой точки зрения они не могут не быть реактивными.

Altwerden nervt – vor allem, wenn die Autoindustrie und Politik ihr Gedächtnis verlieren

Geburtstag. Früher hieß das: Hurra, Geschenke, Party, wieder ein Jahr erwachsener. Heute mahnt mich mein Geburtstag vor allem daran, dass alle älter werden wollen, aber keiner alt sein will. Und es hat auch so seine Tücken, nicht mehr 35 zu sein: Überall quietscht und knarrt es in den Knochen, aber vor allem: Man erinnert sich an Dinge, von denen andere noch nie gehört haben.

Alt werden ist nichts für Feiglinge. Besonders schlimm ist es aber, wenn die Amnesie nicht einen selbst, sondern die anderen befällt. Oder wer erinnert sich und andere daran, dass die Autobauer sich ihre Grube selbst gegraben haben? Dass die deutsche Politik kräftig mitgeschaufelt hat? Dass wir alle mal der Meinung waren, die Industrie müsse so produzieren, dass auch noch für die nächste Generation was übrig ist? [22].

Реактивная сторона перформативности медиатекста, на наш взгляд, может быть вполне признана концентрирующим свойством медиатекста, т. к. в нём содержится максимально широкий анализ происходящего, что, с одной стороны, обусловлено ситуацией на информационном рынке, а, с другой стороны, документируется потребление информационного товара, т. н. «коммодификация», которая придаёт акту перформативности особую значимость, прежде всего как своего рода культурно-научному *key code*, способному объединять в себе действие сразу нескольких качеств медиатекста. Именно дискурсная встроенность медиатекста в действительность в своей генеральной задаче требует постоянной «перезагрузки» сути перформативных актов для достижения большего эффекта в коммуникации, для которой ритуалы, инсценировки, скандалы и нарушения табу представляют собой стратегические средства в борьбе за ресурс общественного и медийного доминирования.

Медиалингвистика, чей познавательный интерес к свойствам медиатекста определяется не только вызовами авангарда и постмодернизма, а и действием общей теории медиа, свидетельствует о том, что концепции медиа, а также связанные паттерны медиапроизводства и медиарецепции не могут быть качественно проанализированы и реконструированы в отрыве от процессов интермедиальной трансформации, в которой заключены конституция смыслов и статус конкретного медиатекста [21, с. 129].

Преимуществом подобного подхода с учётом междисциплинарного анализа становятся возможности выявления и обоснования целого комплекса закономерностей различной степени вариативности и фрагментации, присущих современному медийному полю на фоне специализации медиатекста, организованного согласно принятым в немецкоязычной культуре канонам медиажанра, а также в рамках медиадискурса, дискурсивных сред и сообществ, приоритетно ориентированных на отражение актуальных фактов и процессов медийной действительности.

Список литературы

1. **Абрамова, Е. И.** Фасцинативные приемы в текстах языкового ландшафта / Е. И. Абрамова // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 961–973.

2. **Гваджая, Л. М.** Полемичность как конститутивный признак текста и средства ее реализации / Л. М. Гваджая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 26–28.
3. **Гришаева, Л. И.** Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов : монография / Л. И. Гришаева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – 261 с. – ISBN 978-5-9273-1151-4.
4. **Демьянков, В. З.** Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31–44.
5. **Олянич, А. В.** Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
6. **Пастухов, А. Г.** Прагматика информирования в «Tatsachen über Deutschland» : анализ типа текста / А. Г. Пастухов // Русская германистика : ежегодник Рос. союза германистов / [редкол.: Н. С. Бабенко (отв. ред.) и др.]. – Москва, 2008. – Т. 4. – ISBN 978-5-9551-0246-7. – С. 303–311.
7. **Пастухов, А. Г.** Документация, оценка и классификация фасциативных реакций в медиа / А. Г. Пастухов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. трудов / Орловский гос. ин-т культуры ; отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел, 2013. – Вып. 11. – ISBN 978-5-904977-46-7. – С. 159–174.
8. **Пастухов, А. Г.** «Письма читателей» (Leserbriefe): общественная оценка события, когнитивный анализ и содержательные констелляции / А. Г. Пастухов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / Орловский гос. ин-т культуры ; отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел, 2021. – Вып. 18. – ISBN 978-5-6046960-7-2. – С. 120–148.
9. **Пятигорский, А. М.** Некоторые общие замечания о мифологии с точки зрения психолога / А. М. Пятигорский // Ученые записки Тартуского университета / [отв. ред.: Ю. Лотман]. – Тарту, 1965. – Вып. 181 : Труды по знаковым системам. – С. 38–48.
10. **Руженцева, Н. Б.** Фидбэки в дискурсе печатных СМИ / Н. Б. Руженцева, Н. Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1(85). – С. 10–20.
11. **Савельева, И. В.** Функционирование реактивных прагматических моделей в непрофессиональном интернет-дискурсе / И. В. Савельева // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3, № 1(9). – С. 47–59.
12. **Синельникова, Л. Н.** Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации / Л. Н. Синельникова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26(65), № 1. – С. 293–299.
13. **Солодовникова, Н. Г.** Креолизованные тексты-стимулы и тексты-реакции в предвыборной кампании / Н. Г. Солодовникова // Язык – Сознание – Культура – Социум : сб. докладов и сообщений междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Ин-т филологии и журналистики ;

- [редкол.: В. Е. Гольдин и др.]. – Саратов, 2008. – ISBN 978-5-91272-600-2. – С. 641–646.
14. **Харрис, Р.** Психология массовых коммуникаций / Ричард Харрис. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2002. – 448 с. – ISBN 5-93878-033-0.
  15. **Шестерина, А. М.** Об ошибках, уловках и провокационных конструкциях в структуре полемиического текста прессы / А. М. Шестерина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 128–136.
  16. **Bortz, J.** Forschungsmethoden und Evaluation für Human- und Sozialwissenschaftler / Bortz Jürgen, Nicola Döring. – 4. Aufl. – Heidelberg : Springer, 2006. – 897 s.
  17. **Fandrych, C.** Textsorten im Deutschen. Linguistische Analysen aus sprachdidaktischer Sicht / Fandrych Christian, Thurmair Maria. – Tübingen : Stauffenburg, 2011. – 379 s. – ISBN 97838605 71958.
  18. **Froschauer, A.** Polizeieinsatz in Völklingen wegen Mann in psychischem Ausnahmezustand / Froschauer, Adrian. – Text : Elektronisch // Saarbrücker Zeitung : [Webseite]. – URL: https://www.saarbruecker-zeitung.de/blaulicht/polizeieinsatz-in-voelklingen-wegen-mann-in-psychischem-ausnahmezustand_aid-134635059 (datum der Behandlung: 12.09.2025).
  19. **Lesermeinungen:** Hochhäuser am Flughafen Tempelhof: „Muss kein Luxusding werden“. – Text : Elektronisch // Der Morgenpost : [Webseite]. – URL: <https://www.morgenpost.de/berlin/article409935541/hochhaeuser-am-flughafen-tempelhof-muss-kein-luxusding-werden.html> (datum der Behandlung: 12.09.2025).
  20. **Lüger, H.-H.** Kommentierungsmuster in der französischen Tagespresse / Lüger Heinz-Helmut // Persuasionsstile in Europa IV. Typen und Textmuster von Kommentaren in Tageszeitungen / Hrsg.: Hans W. Giessen, Hartmut E. H. Lenk. – Hildesheim ; Zürich ; New York, 2020. – ISBN 9783487422787. – S. 251–278.
  21. **Müller, J. E.** Intermedialität und Medienwissenschaft. Thesen zum State of the Art / Müller Jürgen E. // Zeitschrift für Theorie und Geschichte audiovisueller Kommunikation. – 1994. – Vol. 3, № 2. – S. 119–138.
  22. **Pötter, B.** Vergessliche Autoindustrie. Gaspedal und Amnesie. Altwerden nervt – vor allem, wenn die Autoindustrie und Politik ihr Gedächtnis verlieren / Pötter Bernhard. – Text : Elektronisch // Die TAZ : [Webseite]. – URL: <https://taz.de/Vergessliche-Autoindustrie/!6113362> (atum der Behandlung: 12.09.2025).
  23. **Seeber, H. U.** Faszination, Suggestion, Hypnose / Seeber Hans Ulrich // Faszination: Historische Konjunkturen und heuristische Tragweite eines Begriffs / Andy Hahnemann, Björn Weyand (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 2009. – S. 91–109.
  24. **Thurmair, M.** Textsortenlinguistik für den Fremdsprachenunterricht / Thurmair Maria // Fremdsprachenvermittlung zwischen Anspruch und Wirklichkeit / Tinnefeld Thomas (Hg.). – Saarbrücken, 2016. – S. 379–395.
  25. **Verseck, L.** Hohe Lebensmittelpreise. Weg mit der Mehrwertsteuer? / Verseck Laura und Marc Tawadrous. – Text : Elektronisch // Die TAZ : [Webseite]. – URL: <https://taz.de/Hohe-Lebensmittelpreise/!6113448> (datum der Behandlung: 12.09.2025).

The Category of «Reactivity» in the System of Differential Media Text Properties

A characteristic feature of modern media system is the reactive «packaging» of information by the media themselves. The professional media are noticeably going beyond the scope of simple information and commentary. So, the content is picked up by printed and electronic sources and determined by significant increasing of the receptive activity. It is also an additional resource that serves as an instrument of a higher cross-media dynamics in formation of opinions or completing the analytics. Taking into account the higher grade of dynamics and the lively communication processes, the concept that it is introduced in this paper combines the miscellaneous verbal or multimodal elements, and leads to the transfer of the so-called «reactive» texts, that introduce various reactions or responses to an already existing journalistic statements with their controversial and intertextual references.

Key words: *media text, differential properties of media text, multimodality, persuasiveness, reactivity, reactive methods, reception of media text*

Пастухова Оксана Дмитриевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
oksana-galaxy7@mail.ru

Коммуникативно-прагматические особенности мультимодального контента Telegram-канала Казанского федерального университета

Статья посвящена анализу особенностей коммуникации в Telegram-канале Казанского федерального университета. В центре внимания находится мультимодальная организация контента и его прагматическое воздействие на целевую аудиторию. На основе изучения 750 публикаций выявлены доминирующие тематические блоки и функции сообщений. Результаты исследования демонстрируют эффективность интеграции текстовых и визуальных элементов для формирования позитивного имиджа вуза.

Ключевые слова: Telegram-канал, КФУ, пост, мультимодальность, университет

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2025 г.

В условиях цифровой трансформации образовательного пространства возникает объективная необходимость переосмысления традиционных подходов к анализу университетской коммуникации. Изучение мультимодального измерения университетского дискурса представляется особенно значимым в контексте усиления визуальной составляющей в процессах передачи знаний и формирования институционального имиджа.

Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием цифровых платформ образовательного назначения, где вербальные компоненты всё чаще дополняются комплексом визуальных, аудиальных и пространственных элементов. Эффективность современного университетского сайта, образовательного курса или социальных сетей университета определяется именно гармоничным взаимодействием различных семиотических режимов. Более того, анализ мультимодальности университетского дискурса позволяет выявить стратегии конструирования образа университета через единство текстовых, графических и символических компонентов. Это приобретает особую важность в условиях обострения конкуренции на рынке образовательных услуг, где визуальная самопрезентация становится ключевым фактором привлечения абитуриентов, партнеров и простых обозревателей.

Университетский дискурс также отражает и одновременно формирует ценностные ориентиры академического сообщества. Мультимодальный анализ позволяет раскрыть механизмы конструирования этих ценностей

через единство вербальных и невербальных компонентов. Комплексное изучение мультимодальной организации университетского дискурса представляет значительный научный и практический интерес, отвечая вызовам цифровой трансформации образования и потребностям современной коммуникативной практики.

Объектом исследования выступают посты Telegram-канала Казанского федерального университета за период с января 2025 года по июнь 2025 года.

Предметом исследования являются коммуникативно-прагматические особенности постов Telegram-канала Казанского федерального университета за период с января 2025 года по июнь 2025 года.

Целью данной статьи является анализ мультимодальной организации университетского дискурса на примере контента Telegram-канала Казанского федерального университета (КФУ), чтобы понять, как мультимодальность влияет на восприятие информации потенциальной аудиторией.

Для получения результатов и достижения цели, указанной в работе, были применены ряд методов. При выделении тематических групп постов Telegram-канала КФУ был использован метод классификации. Для отбора и систематизации единиц языка привлекался метод лингвистического описания. При подсчете данных, анализируемых в статье, был использован метод количественной обработки данных. Контекстуальный метод использовался для выявления некоторых скрытых коммуникативных намерений в постах в определенных контекстах.

Современные веб-страницы университетов представляют собой сложный семиотический феномен, органично объединяющий разнородные знаковые системы. Его коммуникативная структура объединяет языковые компоненты (письменные текстовые материалы); графическое оформление (вариативность типографики, пространственное структурирование контента); визуальные элементы (фотографические и инфографические материалы, видеоконтент); звуковое сопровождение (акустический фон, музыкальное оформление); культурные паттерны (символические элементы, отражающие институциональную идентичность). Формируемое гипертекстовое пространство использует весь арсенал современных цифровых технологий для эффективного коммуникативного воздействия на целевую аудиторию в сфере высшего образования. Таким образом, университетский сайт представляет собой динамическую семиотическую систему, где каждый элемент целенаправленно включается в процесс создания комплексного имиджа образовательного учреждения [1, с. 9].

Эффективность коммуникативного воздействия в Telegram-каналах обеспечивается комплексным использованием различных семиотических ресурсов. Синтез акустических, визуальных, текстовых и просодических компонентов создает многомерное информационное пространство, способствующее усилению прагматического эффекта.

Важно отметить, что именно мультимодальность университетского дискурса приводит любой интернет-ресурс университета к успешному функционированию. В свою очередь, «мультимодальность предполагает учет большого количества модусов или каналов, по которым может

протекать коммуникация» [2]. То есть мультимодальность – это сочетание многих семиотических ресурсов, целью которых является создание благоприятного имиджа университета с целью привлечения большей аудитории.

Материалом исследования послужили 750 постов Telegram-канала Казанского федерального университета [3] за период с января 2025 года по июнь 2025 года.

Казанский федеральный университет является лидирующим вузом не только в России, но и во всем мире, поэтому анализ Telegram-канала именно этого университета может выявить те черты или характеристики, которые можно использовать в качестве образца ведения подобных интернет-ресурсов. На Telegram-канал КФУ подписано почти 19 тысяч подписчиков, что подтверждает тот факт, что данный интернет-ресурс пользуется большой популярностью.

За исследуемый период, а именно за 6 первых месяцев 2025 года, в Telegram-канале КФУ было опубликовано 750 постов. Наибольшее количество постов приходится на апрель, а наименьшее количество постов на январь и июнь. Это можно объяснить тем, что в январе и июне студенты уходят на сессию, востребованность использования Telegram-канала падает и количество постов уменьшается в то время, как в апреле учеба в полном разгаре и количество постов также растет, говоря об активной деятельности университета и его студентов и сотрудников.

Целевая аудитория Telegram-канала КФУ разнообразна. За деятельностью вуза следят в первую очередь студенты и абитуриенты, а также их родители. Новостную ленту просматривают преподаватели и сотрудники университета. Также целевой аудиторией являются выпускники и люди, которые следят за жизнью вуза и его достижениями. Следовательно, тематические блоки, представленные в Telegram-канале КФУ, также разнообразны. Их условно можно разделить на такие темы, как:

- новости (в эту группу отнесены такие посты, как новости о вузе, о достижениях преподавателей, достижениях вуза в целом);
- студенческая жизнь (посты о достижениях студентов, информация для студентов, опросы и т. д.);
- научная жизнь (посты о научных достижениях вуза и ведущих ученых вуза, исследования ученых, научные стендапы, информация о предстоящих лекциях, конференциях и т. д.);
- научный полк (посты в рамках акции Минобрнауки России, в которых рассказывается о героических подвигах студентов и преподавателей КФУ в годы Великой Отечественной войны);
- информация для абитуриентов (посты, которые связаны с информацией о днях открытых дверей, приемной кампании и т. д.);
- общая информация (посты, описывающие общие факты, не касающиеся вуза, которые будут интересны любому посетителю Telegram-канала КФУ);
- поздравления и праздники;
- репосты других Telegram-каналов (посты, которые принадлежат Минобрнауке России, Правительству России, РНФ, Науке РФ, Социоцентру и другим);

– посты от Анны Захаровой (посты, которые тяжело отнести к предыдущим тематическим группам, так как они посвящены различным темам и всегда сопровождаются фотографиями города или вуза).

Наиболее частотной темой, представленной в Telegram-канале КФУ, является тема, посвященная новостям университета (27%). Сюда вошли новости о достижениях преподавателей, достижениях самого вуза, а также новости, оповещающие о предстоящих событиях в стенах университета или о событиях, которые уже прошли. Наименее частотной темой является тема, посвященная научному полку университета (1%). Это можно объяснить тем, что данная тематика узконаправленная и постов, посвященных ей, не так много. Но тот факт, что университет помнит о своих ветеранах, создает благоприятный образ вуза на образовательном рынке.

Популярными также являются темы, посвященные студенческой (23%) и научной жизни (19%) университета. Вуз часто публикует посты, которые описывают достижения студентов или информацию, которая относится только к студентам. Если говорить о научной жизни, то здесь представлены достижения в области науки, исследования ученых КФУ, оповещения о предстоящих лекциях или конференциях. Согласно полученным результатам, студенческая и научная деятельность в Казанском федеральном университете очень активная. Контент других тематик представлен не в таком большом количестве, так как это точечные посты на определенную тему. Частотность выделенных нами тем в исследовании можно увидеть на Рис. 1:

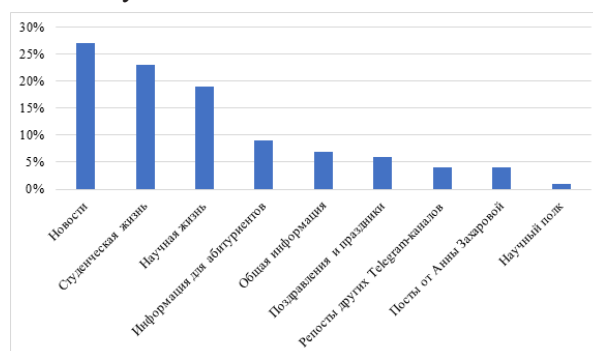

Рис.1. Тематические особенности Telegram-канала КФУ

Прагматическая нагрузка постов довольно разнообразна. Наиболее частотной функцией постов Telegram-канала КФУ является информативная функция. Она реализуется во всех постах, которые посвящены новостной тематике. Первоочередная функция новости – это информирование общественности о каких-либо событиях. Также данная функция прослеживается в контенте, который описывает достижения как преподавателей, так и студентов, и вуза в целом. Сюда же можно отнести посты, которые освещают общую информацию, не касающуюся вуза.

Частотными функциями постов Telegram-канала КФУ также являются эмотивная и побудительная функции. Их главная роль – это воздействие на чувства получателя информации и влияние на адресата. Все представленные

посты в той или иной мере влияют на читателей и вызывают у них определенные эмоции. Во всех постах нельзя выделить только одну функцию. Благодаря взаимодействию нескольких функций, контент мессенджера становится более привлекательным, а образ университета положительным.

Прагматика воздействия в Telegram-канале КФУ достигается во многом благодаря мультимодальности, то есть посты канала сочетают в себе не только один тип информации, а сразу несколько – это может быть аудиальная, текстовая и визуальная информация, которые вместе оказывают еще большее воздействие на реципиента. Стоит отметить, что посты, где присутствует только текст (такие посты практически отсутствуют), набирают наименьшее количество реакций читателей.

Наибольшее количество реакций от подписчиков группы набирают посты, которые сочетают в себе несколько типов информации, например, текстовую и визуальную. Более того, очень частыми постами в Telegram-канале КФУ являются посты, которые адресованы подписчикам канала. Такие посты предлагают ответить на вопросы или оставить реакции в зависимости от их ответа. Рассмотрим пример подобного поста от 18 июня 2025 года (см. Рис. 2). Пост представляет собой сочетание визуального и текстового контента. Более того, мы видим использование эмодзи, что усиливает прагматическое воздействие. Авторы поста в неформальном и дружелюбном тоне предлагают своим подписчикам принять участие в легком опросе, приуроченном ко Дню клубники, который отмечается в этот день. Текст подчеркивается яркой картинкой, на которой изображена аббревиатура университета, где каждая буква представлена в образе клубники.

Текст опроса звучит следующим образом: пользователям интересно, пробовали ли они в текущем году садовую клубнику. Для ответа предложено четыре варианта: утверждение, что ягоду ели прямо с грядки; что покупали ее на рынке; что пробовали только привозную из магазина; или что человек не любит клубнику вообще. Вариант можно выбрать, используя определенный эмодзи. Под вариантами ответов указаны числа, отображающие текущее количество голосов, отданных за каждый пункт. Мы видим, что данный пост набрал большое количество эмодзи. Подписчики группы активно выбирали ответ, который подходит именно им.

Рис. 2. Пост в Telegram-канале КФУ от 18.06.2025

Проведенный анализ демонстрирует, что коммуникативная стратегия Telegram-канала Казанского федерального университета базируется на эффективном сочетании различных семиотических ресурсов. Синтез текстового, визуального и интерактивного контента формирует комплексное информационное пространство, ориентированное на разнородную целевую аудиторию.

Исследование подтвердило высокую значимость мультимодального подхода в организации университетской коммуникации. Наибольшую эффективность демонстрируют публикации, сочетающие текстовые сообщения с визуальными элементами, что проявляется в повышенном уровне вовлеченности подписчиков. Интерактивные форматы, такие как опросы и обсуждения, способствуют формированию устойчивой коммуникативной связи между университетом и его аудиторией.

Тематическое наполнение канала отражает ключевые аспекты деятельности университета, с преобладанием новостного контента и материалов, освещающих студенческую и научную жизнь. Прагматический потенциал публикаций реализуется через сочетание информативных, эмотивных и побудительных функций, что способствует формированию позитивного институционального имиджа.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что успешная коммуникация в цифровой среде требует целенаправленного отбора и комбинирования различных типов контента с учетом особенностей целевой аудитории и специфики коммуникативной платформы.

Проведенная работа открывает несколько направлений для последующего научного поиска:

- расширение эмпирической базы: в дальнейшем целесообразно включить в анализ материалы других социальных платформ университета для проведения сравнительного анализа. Это позволит выявить платформенно-специфические коммуникативные стратегии и определить, как мультимодальный контент адаптируется под особенности разных цифровых сред;

- углубление лингвистического анализа: перспективным видится детальное изучение лингвостилистических особенностей вербального компонента сообщений (например, использование метафор, прецедентных феноменов, специфической лексики) и его взаимодействия с визуальным рядом. Это позволит глубже понять механизмы конструирования институционального имиджа через язык;

- сравнительный межвузовский анализ: следующим логичным шагом является сопоставительное исследование коммуникативных стратегий ведущих российских или зарубежных университетов в аналогичных цифровых каналах. Такой анализ позволит выявить общие тренды и уникальные черты, определить лучшие практики в области цифрового позиционирования высших учебных заведений.

Реализация этих направлений будет способствовать развитию теории мультимодальной коммуникации и предоставит практические рекомендации для повышения эффективности цифрового взаимодействия образовательных организаций со своей аудиторией.

Список литературы

1. Дьякова, Е. Ю. Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования : спец. 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Дьякова Елена Юрьевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 25 с.
2. Кибрик, А. FAQ: мультимодальная лингвистика / Андрей Кибрик. – Текст : электронный // ПостНаука : [сайт]. – URL: <https://postnauka.org/faq/37543> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Telegram-канал Казанского Федерального Университета : сайт. – URL: <https://web.telegram.org/k/#@kznuniversity> (дата обращения: 14.09.2025). – Текст : электронный.

Pastukhova O. D.

Communicative and Pragmatic Features of Multimodal Content on the Telegram Channel of Kazan Federal University

The article analyzes communication features on the Telegram channel of Kazan Federal University. It focuses on the multimodal organization of content and its pragmatic impact on the target audience. Based on the study of 750 publications, dominant thematic blocks and functions of the messages were identified. The research results demonstrate the effectiveness of integrating textual and visual elements for shaping a positive image of the university.

Key words: Telegram channel, KFU, publication, multimodality, university

The research was supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of the Chelyabinsk State University 2025.

Шинкаренко Яна Владимировна,
ст. преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Луганского филиала
ФГКОУ ВО «ВИ МВД России»
yana.shinkarenko@list.ru

Лексика, обозначающая предметы быта в летописях Киевской Руси

*В статье рассматривается лексика, обозначающая предметы быта, зафиксированные в летописях Киевской Руси. Автор отмечает, что бытовая лексика делится на архаическую и современную. Проанализированы грамматические особенности лексики периода написания летописей, особое внимание уделено процессу падения редуцированных *ъ* и *ь* и его следствиям. Автор приходит к выводу, что язык времен написания летописей был неоднородным, гетерогенным и самобытным.*

Ключевые слова: лексический пласт, специфическая лексика, бытовая лексика, архаическая лексема, слабая позиция

Летописи Киевской Руси всегда привлекали внимание ученых-языковедов, ведь они отражали живой язык русского населения того времени. Словарный запас любого языка отображает духовную и материальную культуру народа.

Проблемой изучения языка летописей Киевской Руси занимались следующие ученые: А. А. Шахматов (занимался текстологическим исследованием летописей), Д. С. Лихачёв (изучил летописи как литературные произведения, выявил специфику летописного жанра и определил стилистическую неоднородность летописи).

В научной литературе встречается такое понятие, как «бытовая лексика». Как считает Г. М. Лукина, этот лексический пласт отражает материальную культуру и употребляется в бытовой сфере. По мнению языковеда, бытовая лексика состоит из таких групп: названия одежды, обуви, головных уборов, украшений, драгоценных камней, тканей, сосудов и пищи. К этой лексике присоединяются и некоторые другие тематические группы со смежными значениями (названия частей тела, растений, животных, названия денег и др.) [2, с. 246].

Бытовая лексика делится на специфическую (архаическую) и современную. Специфическая бытовая лексика характерна для определенной исторической эпохи, той или иной социальной группы и имеет особый колорит исторического прошлого.

В летописях Киевской Руси используются названия различных зданий:

1) **церковь, церьква, церква, църкъвь** : ... **а хрестѣянѣю рѣсь водиша въ церковь святаго Ильи** (Повесть временных лет, далее – ПВЛ); ... **веля имѣ учити людий, и приходити часто къ церквамъ** ... (ПВЛ); **Болодимѣрь помысли созьдати църкъвь Пресвѣтѣи Богородица** (ПВЛ); **Людем же ѹзбѣгшимъ и на церковь** («Галицко-Волынская летопись», далее – ГВЛ).

В слове **цѣрква** происходит процесс падения редуцированного **ѣ** в позиции перед слогом с гласным полного образования, что мы наблюдаем в другом варианте этой лексемы **«цѣрква»**; в слове **цѣркѣвь** – в сильной позиции под ударением **ѣ** проявился в **е**, а **ѣ** перед слогом с редуцированным в слабой позиции – в **о**.

2) **манастирь** (монастырь): **И манастиря многи сода ...** (ГВЛ), ... и **манастири** вси и села пожгоша... (Лаврентьевская летопись);

3) **храмъ**: ... **пожгуть** вся внѣшняя: **храмы** ... (ГВЛ), ... **свершися храмъ** прѣстѣя Бѣа... (Лаврентьевская летопись);

4) **баня** (специальное помещение, где моются): **Видѣхъ банѣ** древяны ... (ПВЛ);

5) **гүмно** (ток, то есть специально подготовленная площадка на улице или в помещении для молотбы, очистки и просушки зерна): ... **пожгуть** вся внѣшняя: **гүмна**... (ГВЛ).

Названия населенных пунктов представлены группой слов: **град**, **градъ**, **городъ**, **градецъ**: ... **создаша** паки дрүгий **град** ... (ГВЛ), **Холмъ** во **городъ** сичѣ бысть созданъ ... (ГВЛ), ... и **созда град** иный ... (ГВЛ), **И** возмѣ дань и поиде въ свой **городъ** ... (ПВЛ), ... не бѣ лѣзѣ вылѣсти изъ **града** ... (ПВЛ), ... да сожигеть на немъ **градецъ** малъ ... (ГВЛ), ... и овѣхаша весь **градъ** ... (Лаврентьевская летопись). Неполногласные формы **град**, **градъ** – это фонетический вариант полногласной **городъ**. В конце слов **градъ** и **городъ** редуцируется **ѣ** в слабой позиции – в конце слова. Лексема **градецъ** используется в значении «маленький городок». Также применяется существительное **острогъ**, которое обозначает город, который был укрепленным пунктом: **возразиша ѣ от острога** (ГВЛ).

Лексема **дворъ** используется в значении «место возле дома»: ... **идеже есть дворъ** дѣмесниковъ... (ПВЛ), ... и **принесоша ѣ на дворъ** к Ользѣ.

Существительное **мостъ** используется в значении «сооружение для перехода, переезда через речку»: **хотяше мостъ** прияти (ГВЛ). В современном русском языке в лексеме **мост** мы наблюдаем редуцированный **ѣ** в слабой позиции – в конце слова.

Легкое разборное жилище из ткани или кожи называют **вежа**: и вниде во вежу его (ГВЛ).

Одринъ (сеновал) – это помещение над конюшней или скотным двором для хранения сена: **загарахуться** клѣти и **одрины** (ПВЛ).

Лексема **голүбникъ** (голубятня) используется в значении «помещение для голубей»: и тако **загарахуться** **голүбники** (ПВЛ).

Также в летописях засвидетельствована архаическая лексема на обозначение искусственной преграды, средства обороны **осѣкъ**: **Осѣкъ** во лѣсѣ полнѣ люди (ГВЛ). **Стюдѣнѣць** – это древнее название колодца: **Стюдѣнѣць**, рекомый **кладязь**, **влизъ** єя **бѣ** (ГВЛ), **приведоша** къ другому **кладязю** (ПВЛ). Неполногласная форма **кладязь** – это старорусский фонетический вариант традиционно-поэтического **кладезь** или полногласной формы **колодец** (**колодязь** в старорусском).

Бытовая лексика, связанная с домашней обстановкой, вещами домашнего обихода, не слишком широко представлена в летописях Киевской Руси, поэтому мы получаем лишь некоторое представление о предметах, окружавших наших предков в те времена.

Для обозначения частей здания используются следующие праславянские лексемы:

1) **стѣна** (стена), как вертикальная часть здания для поддержания перекрытия и разделения помещения на части: **повалишася с ними стѣны церковныя** (ГВЛ);

2) **острѣха** (кровля), как нижний край соломенной кровли, который свисает над стеной: **воробье же подѣ острѣхы** (ПВЛ);

Старорусская лексема **поварня** – кухня в монастыре: **заутрени шел в поварню** (ПВЛ);

В древнерусских жилищах, как и в праславянских, большую роль играла **печь** или **пещь** (печь), которая использовалась для отопления жилья, варки блюд, напитков и выпечки хлеба: **сняста дскѹ с печи** (ПВЛ), **три отроky от пещи** (ПВЛ). Основным топливом являлись деревянные материалы: **дрѣва (дрова) дрѣво, древо** (неполногласная форма, фонетический вариант полногласной **дерево**): **приготоваше огонь, и водѹ, и дрова** (ПВЛ), **Искахѹть бо вон, ѣздяще сѣмо и сѣмо, дрѣва** (ГВЛ), **Создана же сама древомъ тесанымъ** (ГВЛ). Также упоминается праславянская лексема солома, которую используют как корм скоту: **Искахѹть соломы** (ГВЛ).

Названия орудий и инструментов (и их частей), употребляемых при строительстве, в абсолютном большинстве являются праславянскими, например **секира** (этимологически родственное с **сѣк-ѹ** «сечь»): **дѣлани рѹками въ дрѣвѣ секирою** (ПВЛ).

Древнерусский язык унаследовал из праславянского названия различных бытовых вещей из дерева, изготовление которых не требовало специальной подготовки, и названия действий, связанных с неспециализированной обработкой древесины: **тесати, стрѣгати** (1 л. ед.ч., наст. время – строгаю) «строгать», **трѣска** «щепка» (наверно, преимущественно юго-западное древнерусское слово), **колѣ** «кол», **дѣска (доска)** «доска», **рѹбель** «отрубок древесины, кляп» (от рубать, сравните рубель «длинный шест, которым прижимают сено при его перевозке» та др.: **вежа... создана... д(ер)евомъ тесанымъ** (ГВЛ); **проводемъ трѣскою черево твоє толѣстое** (ПВЛ); **взотѣчена бы (с) на колѣ** (ГВЛ); **снемше доскѹ с печи** (ПВЛ); **повелѣ Янѣ вложити рѹбель въ оустѣ има** (ПВЛ). В конце слова **колѣ** редуцируется ѣ в слабой позиции – в конце слова, в слове **дѣска** в сильной позиции – под ударением – редуцированный ѣ изменился в о – доска.

Праславянские слова были основой лексической микрогруппы, обозначающей мебель. Древнерусское **столѣ** (родственное **стѣлати** — **стѣлю**) имело несколько значений – «стул, скамья», «княжеский престол» (в прямом и переносном значении как символ власти); в этой же функции выступает старославянизм «стол», «аналой»: **потре камень дробное сверхѹ падая, и столы, и скамы** (Летопись Суздальская). Уменьшительная форма **стольць** фиксируется в значении «стул, лавочка»: **и поставише Петрови столець. и сѣде** (Летопись Киевская, далее – ЛК). Считается, что изначально у праславян **столѣ** имел значение подставки, которая использовалась во время домашних и ремесленных работ. В конце слова **столѣ** редуцируется ѣ в слабой позиции – в конце слова.

Из способов освещения жилища в летописях встречается только **свѣча** (часто фиксируется в старославянской форме **свѣща**): **очи его, яко свѣщи**

(ПВЛ); **пондоша ... и со свѣчами** (ГВЛ). Очевидно, живому языку не чуждо было слово **свѣтильникъ** «подсвечник», поскольку мы нередко встречаем это слово в летописях: **и не угасает свѣтильникъ ея** (ПВЛ). В современном русском языке мы используем слово **светильник** несколько в ином значении, хотя суть остается – для освещения жилища. В данной лексеме мы наблюдаем редуцирование **ѣ** в слабой позиции – в конце слова и **ѣ** изменилась на **е**. Для освещения, вероятно, использовалась и **лѣчина** (с прасл.) «лучина, длинная тонкая щепка»: **Лѣчины зажгыше, пѣстиша на хоромы** (Летопись Новгородская).

В древнерусском быте функционировали такие текстильные изделия разного предназначения, как **подѣкладъ** «потник, войлок, который подкладывается под седло или седѣлку», **завѣса** «завеса», **личина** «шлем в виде металлической маски, налобник», **коярь** «конский доспех, попона»: **подѣкладъ пославетъ и сѣдло в головахъ** (ПВЛ); **завѣсы золото(м) шиты** (ЛГВ); **бѣша во кони в личинахъ и в коярьхъ кожаныхъ** (ГВЛ).

Из праславянского языка унаследованы названия разнообразных предметов домашнего, бытового обихода (конечно, некоторые из них имели более широкое использование) – **ножь** «нож» (родственное с низать, заноза, вѣнзйти), **лѣстница** «лестница», **лѣса** «леса», **носило** (носила, мн.), чаще – **носилица** (носилици, мн.) «носилки», **палица** (палька) «палица, палка, цепь»: **идолы сѣуть дѣлани рѣками въ дровѣхъ секирою и ножемъ** (ПВЛ), Татаровѣ же начаша **лестницѣхъ** приставлявати к городоу (ГВЛ), не можааше сѣдѣти [на кони]. и несахѣуть и на **носилѣхъ** (ПВЛ); **възложивше на носилциѣхъ несяхѣуть... ле жива** (ЛК); **прѣже во того палицами** и каменнемъ **въяхѣса** (ЛК). Из древнетюркского языка заимствована лексема **книга** (*küinig): **любимъ въ книгамъ** (ПВЛ).

Очень бедно представлена в летописях лексико-тематическая группа названий одежды: лексемы **порты**, **ризы**, **одѣнья** в значении «одежда»: **и облачашеть и во порты своѣ** (ГВЛ), **изрядившеся во брачныя порты и ризы** (ГВЛ), **взя на ся чернѣькии порты** (ГВЛ), **Сѣгѣба одѣнья** створит мужю (ПВЛ); старорус. **кожюхъ** «кожух» (от «кожа»), **сапогъ** (от праболгарского *saBaG): **кожюхъ же оловира грѣцького и крѣживы златыми плоскомы ошитъ, и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ** (ГВЛ). Лексема **сорочька** зафиксирована в словарях как «мужское нательное белье или одежда, которую надевали под верхнюю одежду»: **Бѣдѣю Доброславѣ во одной сорочьцѣ** (ГВЛ).

Таким образом, мы наблюдаем, что в летописях отражена специфика языковой ситуации Киевской Руси: их особенно характеризует языковая неоднородность, гетерогенность. Практически вся рассмотренная лексика была унаследована из праславянского языка или образована от славянских основ на древнерусской основе. Это свидетельствует о самобытности жителей Киевской Руси. На связи с другими народами указывают лишь несколько заимствованных лексем. Обзор лексических особенностей свидетельствует о том, что литературный язык Киевской Руси имел внешнеязыковые связи, при этом сохраняя полную самобытность в своём свободном развитии.

Список литературы

1. Живов, В. М. История языка русской письменности : [монография : в 2 т.]. Т. 1 / В. М. Живов. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 818 с. – ISBN 978-5-91244-184-4.
2. Лихачев, Д. С. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы / Д. С. Лихачев // Вопросы истории. – 1951. – № 12. – С. 34.
3. Лукина, Г. Н. К семантической характеристике бытовой лексики древнерусского языка XI-XIV вв. / Г. Н. Лукина // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка : [сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]]. – Москва, 1978. – С. 245–256.
4. Якубинский, Л. П. Отражение изменений в развитии литературного языка Древней Руси в «Повести временных лет» / Л. П. Якубинский // Якубинский Л. П. История древнерусского языка. – Москва, 1953. – Гл. 7. – С. 302–309.

Shinkarenko Ya. V.

**Vocabulary denoting household items
in the annals of Kievan Rus**

The article examines the vocabulary of everyday objects recorded in the annals of Kievan Rus. The author notes that everyday vocabulary is divided into archaic and modern. The grammatical features of the vocabulary of the period of writing the chronicles are analyzed. The author draws attention to the process of falling of reduced ъ and ь and its consequences. The author comes to the conclusion that the language of the time when the chronicles were written was heterogeneous and distinctive.

Key words: *lexical layer, specific vocabulary, everyday vocabulary, archaic lexeme, weak position*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 811.161.1'37

Кезина Светлана Владимировна,
д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры
«Русский язык и методика преподавания
русского языка» ФГБОУ ВО «ПГУ»
svkezina@gmail.com

Культурная значимость именника русских князей в «Слове о полку Игореве»

В статье исследуется национально-культурная информация, репрезентируемая именником русских князей. Цель научного анализа – определить культурную значимость именника русских князей в древнерусском тексте XII века. В соответствии с поставленной целью были решены следующие задачи: осуществлена выборка именника русских князей; систематизирована и описана ценностная этнокультурная информация, извлечённая из именника, дополненного прозвищами, отчествами, семейными прозваниями. Результаты работы могут найти применение в вузовском и школьном преподавании древнерусской литературы, что будет способствовать глубокому и осмысленному изучению русской истории и культуры.

Ключевые слова: именник, культурная значимость слова, национально-культурная информация, культурная традиция, русская история и культура

Термин «культурная значимость слова» впервые введён в научный оборот А. В. Алексеевым [1]. Под культурной значимостью слова в исторической лексикологии понимается «совокупность всей национально-культурной информации, выражаемой словом в его истории» [1, с. 14].

Определение культурной значимости лексики, в том числе антропонимического фонда памятников письменности старшей эпохи, является одной из центральных задач исторической лексикологии русского языка и связано с особым вниманием к истории и культуре русского народа, к его культурным традициям, к истокам русской литературы. Вот почему осмысление культурной ценностной информации, полученной благодаря именнику «Слова о полку Игореве», является актуальным.

Цель научного анализа – определить культурную значимость именника русских князей, представленного в древнерусском тексте XII века.

Научная новизна исследования заключается в том, что именник русских князей впервые используется как ценнейший материал для реконструкции историко-культурного контекста, характерного для последней четверти XII века.

В ходе научного анализа использованы следующие методы: сравнительно-исторический с основными приёмами внутренней

реконструкции и культурно-исторической интерпретации, а также описательный метод, включающий приёмы лингвистического наблюдения, сравнения и обобщения; статистический метод.

При выявлении культурной значимости имён собственных необходимо учитывать их «внутреннюю» (структурно-языковую) и «внешнюю» историю [2, с. 44]. «Внутренняя» история имени собственного даёт информацию о его происхождении, семантической эволюции, типах образования онимов, «внешняя» история соотносит ономастическое явление с конкретными периодами жизни народа и тем самым значительно дополняет «внутреннюю».

Анализ «внутренней» истории (этимологии, семантики и структуры) имён собственных из «Слова о полку Игореве» репрезентирует следующую информацию о культурных ценностях русского народа: исконный (славянский) характер исходной антропонимической системы древнерусского языка, следование древней традиции прославления людей специально созданными именами (имяславию), а также влияние норманнских и византийских контактов на формирование древнерусского фонда личных имён [4, с. 291].

Династические имена русских князей в тексте «Слова о полку Игореве» имеют и богатую «внешнюю» историю. Именник русских князей в исследуемом произведении состоит из 18 личных имён: *Борис, Брячислав, Владимир / Володимир, Всеволод, Всеслав, Давыд, Игорь, Изяслав, Ингварь, Мстислав, Олег, Роман, Ростислав, Рюрик, Святополк, Святослав, Ярослав*.

Хотя в походе на половцев 1185 года участвовали всего пять князей [5, с. 87–90], в произведении названы 30 князей из династии Рюриковичей для создания широкого исторического фона, отражающего три этапа русской истории: языческие времена, время Ярослава как время христианской и единой Руси и время междоусобий Олега Святославича («Гориславича»).

Время княжения Ярослава Мудрого обозначено автором как кульминация могущества единой Руси, как противопоставление эпохе усобиц, начавшихся при сыновьях и усилившихся при внуках Ярослава. Автор делит современных ему князей на **две династические ветви: Ярославли внуки и Всеславли внуки**. *Всеслав* (здесь и далее курсивом выделяем имена и именованья князей, упомянутых в тексте и отобранных для анализа) Брячиславич – князь полоцкий, единственный представитель обособленной княжеской ветви Рюриковичей на киевском великокняжеском престоле, внук Изяслава Владимировича, правнук Владимира Святославича. Будучи сначала лояльным к Киеву, *Всеслав* вдруг совершил набеги на Псков и Новгород, чем вызвал недовольство правящего триумvirата Ярославичей – Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Его правнуки *Всеволод, Брячислав и Изяслав* Васильковичи, упомянутые в тексте «Слова о полку Игореве», заметного следа в истории древнерусского государства не оставили.

Распад Киевской Руси с дальнейшим укреплением феодальной раздробленности начинается после смерти *Ярослава Мудрого*. Бóльшая часть его наследства была разделена между старшими сыновьями: Изяславом, Святославом и Всеволодом. Охарактеризуем сначала **потомков Ярослава из малочисленных династий**. Изяслав Ярославич после смерти

отца правил в Киеве. В тексте упоминается его сын *Святополк Изяславич*: «*Съ тоя же Каялы Святоплѣхъ полелѣя отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣи Софии къ Киеву*» [здесь и далее цит. по: 3]. В 1093 г. после смерти Всеволода Ярославича *Святополк* как сын старшего из Ярославичей стал киевским князем. На киевском престоле он сидел до своей смерти в 1113 г., был в числе организаторов нескольких походов на половцев. *Борис Вячеславич*, внук Ярослава Мудрого от Вячеслава, был союзником Олега Гориславича, погиб в битве с Изяславом Ярославичем и Всеволодом Ярославичем близ Чернигова в 1078 г.: «*Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе ...*». Назовём ещё Галицкого князя *Осмомысла Ярослава* – прапраправнука Ярослава Мудрого: «*Галичкы Осмомыслъ Ярославе! Высоко съдиши на своемъ златоконаннѣмъ столѣ*». Д. С. Лихачёв отмечает: «Прозвище Ярослава «Осмомысл» имеет несколько толкований: от восьми его мыслей или забот; от знания восьми языков; от того, что он вообще был умён за восьмерых и т. п.» [3, с. 723].

Самыми **многочисленными** и **исторически значимыми** в роду Ярославичей оказались **династические ветви**, идущие от **Всеволода** и **Святослава**.

Рассмотрим **династическую ветвь от сына Ярослава Мудрого Всеволода**. Имя *Владимира* Всеволодовича Мономаха упомянуто в «Слове о полку Игореве» один раз: «... *тои же звонъ слыша давыи великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ*». Д. С. Лихачёв так комментирует данный фрагмент текста: «Ярослав Мудрый и Владимир Мономах в летописях XII–XIII вв. часто упоминаются как идеальные старые князья – представители единой Руси, подобно тому, как Олег Святославич – обобщающий образ князя-крамольника. Ярослав уже «слышал» шум княжеских раздоров (ему приписывается завещание, в котором он предостерегает наследников от братоубийственных войн)» [3, с. 719].

От *Мстислава*, сына Владимира Мономаха, образовалось «**Мстиславово племя**». В тексте упоминаются **внуки Мстислава**: *Рюрик* Ростиславич и *Давыд* Ростиславич. *Рюрик* Ростиславич – сын Смоленского князя Ростислава Мстиславича, соправитель великого князя Святослава. Как и Святослав Киевский, *Рюрик* Ростиславич был крупнейшей фигурой на политическом горизонте Руси последней четверти XII в.: он провёл всю свою жизнь в походах и феодальных распрях, был одним из образованнейших людей своего времени и обладал закаленной в боях дружиной. Его покровительству и инициативе обязаны мы составлением летописного свода 1200 г., сохранившего в своем составе киевскую летопись XII в. – одну из лучших по своим литературным достоинствам.

Давыд Ростиславич Смоленский, по мнению Б. А. Рыбакова, «главный отрицательный герой «Слова о полку Игореве», вероломно оставивший русские полки и ускакавший со своими смоленскими дружинами домой в момент решительного наступления всех русских сил летом 1185 г.» [5, с. 93].

Автор произведения обращается также к **правнукам Мстислава Владимировича**, призывая их к борьбе с половцами: «*Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи ...*». *Ингварь* и *Всеволод* – сыновья Ярослава Изяславича Луцкого. Оба помогали Рюрику Киевскому в 1181 г., а Всеволод

был участником походов против Кобяка и Кончака в 1184 и 1185 гг. Про трёх *Мстиславичей* Д. С. Лихачёв утверждает следующее: «... *под тремя Мстиславичами*», несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три князя-брата, сыновья Мстислава Изяславича: Роман, Святослав и Всеволод» [3, с. 723].

Потомки Владимира Мономаха от Юрия Долгорукого, о которых говорит автор произведения, – внук *Всеволод Юрьевич Владимир-Суздальский* и правнук Владимир (в тексте – *Володимир*) Глебович Переяславский. Всеволод Юрьевич – молодой тридцатилетний князь, стоявший во главе огромного северо-восточного государства, которое было создано его отцом и братом Андреем Боголюбским. Владимир Глебович Переяславский в 1185 г. оказался жертвой княжеских раздоров и едва отстоял в неравных боях свой Переяславль, получив при этом смертельные раны: «... *а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!*»

Вторая заметная **династическая ветвь** пошла от другого **сына Ярослава Мудрого – Святослава**. Текст связывает с событиями 1185 г. двух его сыновей: Романа и Олега. Поход Игоря рассматривается автором как следствие трагической попытки *Олега Святославлича* вернуть отчий престол в 1078 г. и не менее трагического похода *Романа Святославлича* в 1079 г. Вспоминая первые времена усобицы, вещий Боян пел песню старому Ярославу, храброму Мстиславу и «красному Романови Святъславличу», убитому половцами во время неудачного похода на Переяславль. *Олег Святославлич* – родоначальник **черниговских Ольговичей**, с именем которого связаны наведение на Русь союзников-половцев и братоубийственные войны: «*Тѣ бо Олегъ мечемъ крамолу ковање и стрѣлы по земли стѣаше*». Ольговичи представлены в тексте внуками и правнуками Олега Гориславича. Один из внуков – *Святослав Всеволодович*, великий князь Киевский. В 1185 г. ему было около 60 лет, он был самым старшим среди всех русских князей, выступал за единство Русской земли. Другой внук – *Ярослав Всеволодович Черниговский* ничем примечательным себя не проявил. Осторожный и нерешительный, он старался не выступать против половцев и оставался в стороне от значимых для Руси событий.

Внуки *Олега Гориславлича* от сына Святослава – *Игорь и Всеволод*, удельные князья, храбрые, но недалёковидные, не поддерживающие *Святослава Киевского* (оба уклонились от похода на половцев в 1184 г., организованного великим Святославом), вошедшие в историю в связи с поражением 1185 г.

Участниками трагического похода были правнуки Олега Гориславича – «молодая мѣсяца»: одиннадцатилетний *Олег* – сын Игоря и *Святослав* – племянник Игоря, князь Рыльский. Хотя исторические факты указывают на участие в походе Владимира, старшего сына Игоря, он в произведении не упомянут.

Историко-культурный анализ «Слова о полку Игореве» показывает, что лестничный порядок наследования, завещанный Ярославом Мудрым, не только не способствовал объединению князей, но и стал причиной братоубийственных войн. Древнерусский текст отражает сложную историческую обстановку в Древней Руси, когда борьба шла не только между представителями разных династических ветвей (Олег Гориславич

и Владимир Мономах), но и между представителями одной династической ветви (Святослав Всеволодович Киевский и Ярослав Всеволодович Черниговский, Рюрик Ростиславич и Давыд Ростиславич). Причина междоусобий выражена в «Златом слове» великого Святослава Киевского: *«Нъ се зло – княже ми не посobie»*.

Изучение культурной значимости именника русских князей на материале «Слова о полку Игореве» позволило прийти к следующим выводам:

1. Историко-культурная значимость именника русских князей складывается из информации, извлечённой из его «внутренней» и «внешней» истории.

2. «Внутренняя» история (этимология, семантика и структура) имён собственных из «Слова о полку Игореве», рассмотренная нами ранее, репрезентирует следующую ценностную культурную информацию: исконный (славянский) характер исходной антропонимической системы древнерусского языка, следование древней традиции прославления людей специально созданными именами (имяславию), а также влияние норманнских и византийских контактов на формирование древнерусского фонда личных имён.

3. Анализ «внешней» истории имён собственных репрезентирует информацию по истории и культуре русского народа: о династии Рюриковичей, разрушенной лествичным порядком наследования, о ключевых фигурах в истории Древней Руси (Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Олег «Гориславич»), о выдающихся русских князьях, продолживших патриотические традиции предков (Рюрик Ростиславич, Святослав Всеволодович Киевский, Ингварь и Всеволод Ярославичи, Мстиславичи (Роман, Святослав, Всеволод) и других.

Перспективным направлением настоящего исследования видится сравнение именников русских князей и половецких ханов и – на более широком фактическом материале – сравнение древнерусской антропонимической системы с тюркской.

Список литературы

1. **Алексеев, А. В.** Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / Алексеев Александр Валерьевич ; Моск. гор. пед. ун-т. – Москва, 2022. – 35 с.
2. **Бондалетов, В. Д.** Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. **Изборник** : (сборник произведений литературы Древней Руси) / [сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева ; вступ. статья Д. С. Лихачева, с. 5–26]. – Москва : Худ. литература, 1969. – 799 с.
4. **Кезина, С. В.** Именования русских князей в «Слове о полку Игореве» / С. В. Кезина, Л. Т. Таирова // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 289–291.
5. **Рыбаков, Б. А.** «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1971. – 293 с.

Kezina S. V.

**Cultural Significance of the List of the Russian Princes' Names
in «The Lay of the Warfare Waged by Igor»**

The article examines the national-cultural information represented by the list of the Russian princes' names. The purpose of the research analysis is to determine the cultural significance of the list of the Russian princes' names in the Old Russian text of the 12th century. According to this goal, the following tasks were solved: the selection in the list of the Russian princes' names was carried out; valuable ethno-cultural information extracted from the list of names and supplemented with nicknames, patronymics, family nicknames was systematized and described. The results of the work can be used in university and school teaching of Old Russian literature, contributing to the deep and meaningful study of Russian history and culture.

Key words: *list of names, cultural significance of the word, national-cultural information, cultural tradition, Russian history and culture*

УДК: 821.161.1.09:929Тишкина

Авдийчук Екатерина Николаевна,
ассистент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
katerina.ism@yandex.ru

Сакральная лексика как категория выражения индивидуального стиля писателя (на материале произведений Светланы Тишкиной)

В статье рассматривается роль сакральной лексики в формировании индивидуального авторского стиля современной русской писательницы Светланы Тишкиной. На основе анализа ее произведений автор приходит к выводу о том, что сакральная лексика является одной из важнейших категорий в создании уникального идиостиля писательницы и является ключом к пониманию ее художественного замысла и авторских интенций. Особое внимание в статье уделяется сакрализации понятий, связанных с Россией, властью и духовностью.

Ключевые слова: идиостиль, сакральная лексика, средства художественной выразительности, сценарный мотив, контекст

Поэтический идиостиль, как неповторимый отпечаток личности автора в языке, представляет собой сложную и многогранную систему, формирующуюся под влиянием множества факторов. Индивидуальный авторский стиль является объектом многих научных исследований, проводимых с целью осуществления более глубокого проникновения в замысел и идею автора художественного произведения, в систему созданных им образов, структуру, отображающую его специфические языковые характеристики [2, с. 5]. В современной науке представлен ряд мнений по поводу определения данного феномена: этот вопрос изучался как литературоведами, так и лингвистами (В. А. Виноградовым, А. И. Ефимовым, Ю. Н. Карауловым, Ю. М. Лотманом, Н. А. Фатеевой, Р. Якобсоном и др.).

Идиостиль, по мнению Н. Н. Большаковой, представляет собой уникальный набор художественно-стилистических приемов и характерный способ их применения в процессе создания литературного произведения, свойственный конкретному автору [1, с. 5].

В свою очередь, Н. С. Пищальникова рассматривает идиостиль как систему логико-семантических методов выражения ключевых личностных смыслов авторской концептуальной системы в художественном тексте, проявляющуюся в эстетическом творчестве и подразумевающую индивидуальное преобразование языковых средств [3, с. 20–21].

В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка находим следующее определение: «Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а

также отдельных носителей данного языка». Индивидуальный стиль речи выносит на передний план интеллект человека и проявляется как совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы» [5, с. 95].

Рассматривая представленные дефиниции, мы придерживаемся мнения, что суть концепции «идиостиля» заключается в наборе глубинных, генерирующих текст, доминант и устойчивых характеристик конкретного автора. При этом ключевыми компонентами данного понятия выступает комплекс специфических приемов, используемых для формирования уникального авторского почерка. Одним из значимых элементов этой системы является лексика, отражающая не только языковую картину мира поэта, но и его мировоззрение, духовные искания и эстетические предпочтения. В этой связи исследование сакральной лексики, как особого пласта языка, связанного с религиозной сферой и культурой, приобретает особую актуальность для понимания идиостиля того или иного автора.

Акцент на сакральной лексике позволяет выявить не только частотность употребления тех или иных религиозных терминов, но и их функциональную роль в создании определенной тональности, формировании системы образов и выражении авторской позиции. Анализ контекста использования сакральных лексем позволяет понять, как автор интерпретирует религиозные понятия, какие смыслы в них вкладывает и как они взаимодействуют с другими элементами его поэтического мира. Кроме того, рассмотрение данных единиц в рамках индивидуального стиля писателя дает возможность сопоставить творчество разных авторов, выявить общие тенденции и индивидуальные особенности, проследить эволюцию религиозных мотивов в их произведениях и вклад каждого из них в формирование национального духовного наследия.

Статья посвящена анализу роли сакральной лексики в формировании идиостиля современной российской поэтессы Светланы Тишкиной. Выбор обусловлен тем, что в ее творчестве, отмеченном глубоким лиризмом и философской насыщенностью, сакральная лексика играет весомую роль в создании уникальной поэтической картины мира. В творчестве поэтессы особое место занимает гражданская лирика на тему военного конфликта в Донбассе, отражающая духовные искания и переживания личности в современном мире.

Сакральная лексика в анализируемых поэтических текстах является ключевым элементом в языковом отображении мира, и, соответственно, оказывает серьезное влияние на формирование идиостиля писателя. Слова с сакральным значением выступают не только зеркалом религиозных верований и духовных идеалов, но и важным инструментом изучения когнитивных и лингвистических процессов, происходящих в сознании говорящих на этом языке. Специфическая семантическая организация сакральных лексем, характеризующаяся многозначностью, широким диапазоном смыслов и выраженной способностью вызывать ассоциации, указывает на их значительную комплексность и универсальность. Такие элементы языка взаимодействуют с окружающими его лексическими единицами, объединяя устоявшиеся религиозные значения с их

изменениями под воздействием культурной, исторической и языковой среды. Как результат, сакральная лексика создает многостороннее концептуальное поле, показывающее, как человек осознает священное через призму языка.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, внимание к религиозному и духовному аспектам в современной культуре обуславливает необходимость изучения использования сакральной лексики в художественном творчестве. Во-вторых, творчество Светланы Тишкиной, несмотря на его растущую популярность, до сих пор не становилось объектом пристального лингвистического анализа, что делает данное исследование новаторским. В-третьих, анализ использования сакральной лексики в идиостиле конкретного автора позволяет выявить уникальные черты его поэтического языка, отражающие индивидуальное мировосприятие и отношение к религиозной традиции.

Поэзия Светланы Тишкиной, берущая свое начало в острых гражданских темах еще с 2005 года, достигает особой силы и проникновенности, когда автор обращается к трагическим событиям войны в Донбассе. Ее стихи – это не просто фиксация фактов или хроника боевых действий, а глубокий анализ человеческой души, искащенной войной, исследование чувства боли и надежды в условиях гуманитарной катастрофы.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности использования сакральной лексики в поэтическом идиостиле Светланы Тишкиной.

В качестве материала исследования использовались поэтические произведения поэтессы, представленные в ее сборниках стихов, а также в сети Интернет. В рамках проводимого исследования были проанализированы несколько стихотворений, написанных в 2022 году. Ряд поэтических произведений был выбран неслучайно, так как 2022 – год начала СВО и принятия Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации. Эти события оказали существенное влияние на настроения народа, что нашло отражение в поэзии о войне в Донбассе.

Методологическую основу исследования составляют методы лингвостилистического анализа, контекстуального анализа и элементного анализа словарного состава текста.

Одним из ярких произведений, выбранных нами для анализа, является стихотворение «Стихи-капелланы»: *«В дни тяжелых военных скитаний / Я в поддержку военным пишу / Письма веры – стихи-капелланы, / В них я помощи Божьей прошу / Во спасение Русской равнины, / На которой вольготно живет / Благородный, красивый, былинный, / Добрым нравом известный народ. / Вы летите, стихи-капелланы, / Защищайте молитвой солдат, / Чтобы рушились вражьи планы, / Окормляйте духовностью чад. / Благодатью окоп осияйте / Так, чтоб стало в морозы тепло, / Оградите от пуль милых братьев, / Пусть о слово ломается зло. / Я молю: наших, близких по духу, / Без подмоги не бросьте в полях, / Кружку чая и хлеба краюху / Припасите для тех, кто в боях. / Слишком много прошу у Бога... / Слишком много! Еще чтоб сыны / Да с Победой к родному порогу / Все живыми вернулись с войны! / Разлетайтесь, стихи-капелланы»* [4].

В поэтическом тексте С. Тишкиной явственно прослеживается сопряжение военной хроники и мотива духовности, что соотносится с

традицией обращения к сакральному в периоды социальных катастроф. Композиционная организация произведения обнажает особую функцию лирического высказывания – стать не исключительно отражением реалий фронта, но и своеобразным каналом передачи моральной поддержки тем, кто невольно оказался на линии соприкосновения.

Внимание поэтессы сосредоточено на категории страдания, утраты, преодоления, и, во многом опираясь на эти чувственные грани проживания исторических событий, автор интегрирует в художественную ткань стихотворения через тонкие аллюзии и реминисценции поток эмпатии, связывающий индивидуальную судьбу с национальным трагизмом. Надо признать, что при этом центральным звеном выступает апелляция к религиозному опыту, а именно очевидное обращение к Богу, органично выстраивающее композиционное ядро (вообще, это решение придает всей поэзии характер молитвенного обращения). Сакральная семантика лексемы «капеллан» приобретает у С. Тишкиной глубоко аллегорический смысл: *«стихи мои пусть будут вам в окопах капелланами»*, – пишет она, тем самым актуализируя миссию поэтического слова как духовного прибежища, способного вселить надежду и смысл. Заметным становится и активное использование тематически религиозной и патриотической лексики, что усиливает эффект солидарности и сочувствия, актуализирует мотивы коллективной защиты и высшей поддержки. Структурная насыщенность библейскими образами, прямое обращение к высшей инстанции, искренность интонаций – все это, соединенное с национально-консолидирующей миссией, очевидно формирует целостную модель поэтической молитвы, превращая стихотворение в акт коллективной духовной поддержки.

Реконструкция индивидуального стиля поэта обоснованно начинается с анализа лексико-стилистических доминант, архитектоники текста и системы художественных средств, что в полной мере демонстрирует стихотворение С. Тишкиной «Стихи-капелланы». Здесь последовательно задействуется высокая лексика, что определяет риторическую приподнятость высказывания и влияет на глубину эмоционального восприятия читателем. Например, выражения *«во спасение»*, *«окормляйте»*, *«осияйте»* формируют уникальное поэтическое пространство, наделяя его ощущением духовной возвышенности, и интегрируют эскапистские, религиозные значения в основное смысловое поле текста. Систематическое включение сакральной лексики (*«вера»*, *«стихи-капелланы»*, *«Божьей помощи»*, *«молитвой»*, *«благодатью»*, *«слово»*, *«Бог»*) формирует особое ядро смысловой структуры произведения, усиливая импульс к прочтению стиха в религиозно-философском контексте. Представленные семантические опорные точки одновременно создают ореол исключительности вокруг происходящего и демонстрируют потенциал слова как медиума духовной поддержки и покровительства – ключевого художественного замысла поэтессы.

Текст насыщен средствами художественной выразительности, в составе которых используется сакральная лексика: эпитеты (*«милых братьев»*), олицетворение (*«Вы летите, стихи-капелланы, / Защищайте молитвой солдат»*), риторическое обращение (*«Вы летите, стихи-капелланы... / Оградите от пуль милых братьев»*), восклицание (*«Слишком много прошу я у Бога... Слишком много!»*), эпифора (*«стихи-капелланы»*).

Следующее произведение для анализа – «Россия-Матушка! Держись!»: *«Я словом не сгущаю большие краски, / Они и так горят в печали дней: / Бьют «Хаймарсы» в донецких и луганских, / Посмевиших выжить на войне детей. / Больницы, школы, парки под прицелом / Продавших душу Западу иуд. / Сегодня остановка стала целью... / Тринадцать душ ушли в небес приют. / – Да как же так? Да как они посмели?.. / Вопросы жертв лишь Ангелы прочтут... / Архангел Михаил в сиянье белом / Готовит Божий Суд за самосуд. / Но и земное воинство не дремлет, / Ведет вперед спасительную мощь, / Бездушных тварей гонит вон из древней / Страны любви, что скрыла злая ночь. / Моя страна, моя Держава света! / Россия-Матушка! Держись, держись, держись! / С тобою вместе отступаем, плачем в бедах, / И снова наступаем... / Быть Победе! / Идем в атаку за Тебя, за Жизнь!»* [4]

В поэтической парадигме С. Тишкиной важную стилистическую роль выполняет интенсивный эмоциональный диалог с трагическими реалиями современной военной действительности. Текст, таким образом, функционирует как некая рефлексия, общенародное осмысление опыта войны: мотивы боли, потери, бытовых и экзистенциальных испытаний получают развитие в органическом единстве с патриотическим самоосмыслением и коллективной духовной солидарностью. Сакральные аллюзии и символика, гармонично вплетенные в канву стихотворения, во многом определяют статус поэтического дискурса как репрезентативного отклика на тревожную социальную ситуацию с позиции народа, обычного человека.

Интересным кажется и то, что в поэзии структурообразующим мотивом выступает война как драматическое испытание, которое, в свою очередь, неразрывно сопряжено с глубоким религиозным кодом. Примером тому являются используемые в строках стихотворений обращения к практике молитвы, к идее Божьего суда и фигуре Архангела Михаила (традиционного христианского защитника), что в семантическом контексте позволяет поэте раскрыть конфликт не столько как физическое противостояние, сколько как фундаментальное метафизическое столкновение. Свойственная произведению напряженность мотивов трагического обретает многомерность благодаря религиозно-философским образам, что способствует переосмыслению войны как универсального антагонизма между силами света и тьмы, добра и зла. При этом внутренний импульс к стойкости, сохранению моральной высоты и вере в победу сопрягается с патриотическим воодушевлением, формируя образ лирического героя как носителя национального характера и духовной цельности, превращая стихотворение в своеобразный этос эпохи.

В стихотворении «Россия-Матушка! Держись!», как и в стихотворении «Стихи-капелланы», автор использует сакральные лексемы: «Ангелы»; «Архангел Михаил»; «Божий Суд»; «Тринадцать душ ушли в небес приют»; «иуд», что усиливает трагизм и создает ощущение борьбы добра и зла. Произведение также насыщено средствами художественной выразительности, в составе которых присутствует сакральная лексика: эпитет («спасительную мощь»), олицетворение («Ангелы прочтут»), инверсия («Божий Суд за самосуд»). Примечательно, что в анализируемом поэтическом тексте встречаются лексемы, обретающие сакральные черты

в данном контексте, становящиеся символом нашей страны: обращение, подчеркивающее любовь к родине («Россия-Матушка»), метафора, обращающая внимание на праведность и добро России («Держава света»).

Следующее стихотворение для анализа – «Это наша Россия»: *«Триединые силы / Есть в короне России. / Сколько не убегай – / Ждет назад отчий край. / Божьей волей народы / В ней живут благородны. / Здесь и кров, и любовь, / И Престол – С НАМИ БОГ! / Это наша Россия. / И добра, и красива! / Ей к лицу урожай, / Не ленись, собирай. / Духоносные силы / На охране России. / Не разрушить наш дом, / Вновь его соберем. / В белоствольных березах – / Колыбель Новороссий. / Тронь – проснется весна, / Духу предков верна. / Это наша Россия. / И добра, и красива! / Ей к лицу урожай, / Не ленись, собирай»* [4].

В лирике С. Тишкиной национальное самосознание приобретает особое поэтическое проявление в связи с тем, что патриотические импульсы и обращение к «исторически укорененной русской земле» формируют внутренний нерв текста. Автор таким образом акцентирует наше внимание на одной из ключевых ценностей: богатстве и преемственности культурных традиций, что в итоге позволяет трактовать их как духовный стержень национальной идентичности. «Стихи-капелланы», как отмечает сама С. Тишкина, «становятся эмблемой связи времен», фиксируя значимые идеи сплочения, внутреннего единения и необходимости общего нравственного пространства. Композиционная ясность сочетается с разнообразием стилистических регистров, что позволяет создавать лаконичный и целостный образ России. Конечно, очевидным становится тот факт, что патриотизм, трепетное отношение к традициям и глубокая идея передачи культурных ценностей выступают в поэзии С. Тишкиной едва ли не ключевыми, «несущими» концептами стихотворения.

В анализируемом тексте также встречаются сакральные лексемы: «Божьей волей», «Престол», «Духоносные силы», которые придают религиозный смысл описываемым событиям. Использование лексики высокого стиля («короны», «благородны») придает тексту торжественность. Авторский афоризм Александра Суворова «С нами Бог», который полководец использовал в своей речи для мотивации соратников перед тяжелой битвой, в современной языковой картине мира обретает сакральный смысл. Устойчивое выражение в анализируемом контексте обозначает родство и единство Донбасса и России, а также усиливает торжественность текста. Комбинация разной по стилю лексики дает целостное восприятие России: с одной стороны, как великой державы, хранящей в себе духовные ценности и находящейся под покровительством Бога, с другой – как близкого и родного дома, тем самым сакрализуя ее образ в сознании читателя.

Для создания глубинного морального облика страны в поэтическом тексте автор использует средство художественной выразительности, включающее в свой состав сакральные лексические единицы, – метафору «Триединые силы России». Три является сакральным числительным с глубоким духовным смыслом, в христианстве оно олицетворяет Святую Троицу.

В данном контексте эта цифра символизирует полноту и целостность страны. Аксиологическая доминанта выстраивается посредством тщательно

выбранных эпитетов и маркерных образов («духоносные силы», «отчий край»), которые позволяют раскрыть сакральную связь лирического субъекта с отечественными корнями и подчеркивают субстанциональную природу национальных основ. В тексте, насыщенном интертекстуальными реминисценциями, автор апеллирует к архетипическим образам («корона России», «березы», «Новороссия»), концентрируя в себе представление о священном начале государственности и сопряженной с ней духовной миссии. Таким образом, художественная парадигма текста обретает цельность за счет сочетания сакрального и национального кодов, что обеспечивает поэтическому пространству С. Тишкиной своеобразие, а понятию «Россия» – статус священного и метафизически защищенного целого.

Одним из ключевых, по нашему мнению, стихотворений для проведения анализа в рамках настоящего исследования является «Мы столько лет стояли за Россию!»: *«Мы столько лет стояли за Россию! / Теперь Россия встала за Донбасс. / Всей мощью, всей любовью негасимой / Врагов погнала далеко от нас. / Пусть рано подводит еще итоги, / Но, верю, не вернется лихо вспять, / Нацизму не найти в наш край дороги, / Нам удалось свободу отстоять. / Большой ценой, огромной силой воли, / Делами подтверждали мы слова, / Вымаливали Божий мир слезами, / Которым верила на этот раз Москва. / И потому святое очищенье / Пришло в Великий Пост земным огнем, / Чтоб встретили Христово Воскресенье / Москва и Минск, и Киев мирным днем»* [4].

Еще один важный мотив в лирике поэтессы формируется преимущественно вокруг декларации национального достоинства, сопряженного с идеей цивилизационной солидарности и надежды на гармоничное будущее народов, обозначенных в тексте. Семантическое ядро стихотворения раскрывается посредством интеграции религиозно-мифологических реминисценций, которые позволяют автору придать военным событиям универсальный и трансцендентный смысл, превращая их в своеобразное экзистенциальное испытание для общества. Так, цитата: *«И потому святое очищенье / Пришло в Великий Пост земным огнем, / Чтоб встретили Христово Воскресенье / Москва и Минск, и Киев мирным днем»* – демонстрирует способность автора осмысливать историческую драму как необходимый катарсис, ведущий к обновлению, где великопостный огонь становится метафорой сакрализованного очищения, а финальная интенция призывает к умиротворению и единству. Сакральная образность, пронизывающая лирику С. Тишкиной, маркирует ее как пространство духовной борьбы и надежды, где отдельные словосочетания («святое очищенье», «мирным днем») придают происходящему исключительную значимость, с их помощью автор взывает к чувству сопричастности историческим трагедиям и к идеалу жертвенного служения высшей справедливости.

Подводя итог, следует отметить, что интерпретация индивидуального авторского стиля писателя – очень сложная и многогранная задача. Окончательную и полную характеристику данного явления можно дать только на основе полного анализа всех произведений автора. В своей работе мы проанализировали функцию сакральной лексики в формировании

идиостиля современной русской писательницы С. Тишкиной. На основании проведенного анализа можем утверждать, что сакральная лексика играет значимую роль в формировании идиостиля писательницы.

Рассмотрение сакральной лексики через призму авторского текста позволяет проникнуть в глубинные слои мировоззрения автора, раскрыть его систему ценностей и духовные ориентиры. Употребление библейских слов и словосочетаний обогащает текст дополнительными смыслами и оттенками. Сакральная лексика в анализируемых контекстах служит для создания сценарного мотива духовной мобилизации и единения перед лицом общей угрозы, придавая стихотворению глубину, возвышенность и особую значимость, а также указывая на борьбу не только физическую, но и духовную, где молитва и вера становятся важными элементами. В анализируемых контекстах при помощи сакральных лексем и аллюзий происходит сакрализация понятий, связанных с Россией, властью, защитой и духовностью, тем самым создается образ страны, находящейся под божественной защитой и благословением.

В идиостиле С. Тишкиной сакральная лексика выполняет роль не только стилистического приема, но и является ключом к пониманию художественного замысла. Анализ контекста употребления этих слов, их сочетаемости с другими элементами текста позволяет выявить авторские интенции и раскрыть глубинный смысл произведения.

Список литературы

1. **Большакова, Н. Н.** Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Большакова Наталья Николаевна ; Смоленский гос. ун-т. – Смоленск, 2007. – 222 с.
2. **Идиостиль и ритм текста** : кол. моногр. / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – 184 с. – ISBN 978-5-00089-382-1.
3. **Пищальникова, В. А.** Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1992. – 73 с. – ISBN 5-230-29678-X.
4. **Православное литературное объединение «Свете Тихий»** : [сайт]. – URL: <https://pravlitlug.ru/> (дата обращения: 20.05.2025). – Текст : электронный.
5. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 696 с. – ISBN 5-89349-342-7.

Avdiychuk E. N.

**Sacred Vocabulary as a Category of Expression of a Writer's Individual Style
(based on the Works of Svetlana Tishkina)**

The article examines the role of sacred vocabulary in the formation of the individual author's style of the modern Russian writer Svetlana Tishkina. Based on the analysis of her works, the author comes to the conclusion that sacred vocabulary is one of the most important categories in creating a unique idiosyncrasy of the writer and it is the key to understanding her artistic conception and authorial intentions. The article pays special attention to the sacralization of concepts related to Russia, power, protection and spirituality.

Key words: *idiostyle, sacred vocabulary, means of artistic expression, scenic motive, context*

Гладков Андрей Игоревич,
аспирант 2 курса,
научная специальность
5.9.3. «Теория литературы»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
gladkov4@rambler.ru

Поэтика абсурда в раннем творчестве Гарольда Пинтера: основные мотивы и стилистика

В статье представлен анализ специфики театра абсурда в рамках раннего творчества Гарольда Пинтера на материале его пьесы «День рождения», основанный на базовых структурных и содержательных компонентах пьесы: мотивы – вторжения, изоляции, утраты идентичности, особенности диалогической структуры, организации хронотопа, что определяет особый вклад писателя в драматургию абсурда через деконструкцию художественных средств и философских смыслов. На основе синтеза мотивного, стилистического, философского подходов к анализу текста пьесы «День рождения» представлена как многомерный культурологический универсум, в котором абсурд проявляется на всех уровнях – от синтаксиса речи персонажей до метафизики их бытийного одиночества.

Ключевые слова: Гарольд Пинтер, театр абсурда, мотив вторжения, комедия угроз, языковая деструкция, психологическая драма

Драматургическое наследие Гарольда Пинтера, Нобелевского лауреата по литературе 2005 года, занимает центральное место в развитии европейской драматургии второй половины XX века, являясь одновременно и продолжением, и радикальным переосмыслением эстетики театра абсурда. Если такие основоположники направления, как Эжен Ионеско и Сэмюэл Беккет концентрировались преимущественно на метафизическом отчуждении человека в универсуме, то Гарольд Пинтер переносит фокус в сферу межличностных отношений, где абсурд проистекает из самой природы человеческих отношений, коммуникации, памяти и борьбы за власть.

Проблематика исследования сфокусирована на том, каким образом в его ранней пьесе «День рождения» («The Birthday Party», 1957) осуществляется синтез экзистенциальной тревоги и конкретного социального подтекста, создавая уникальный художественный мир, который был обозначен критиками как «комедия угроз». Несмотря на признанную значимость творчества Гарольда Пинтера, в отечественном литературоведении остается недостаточно изученной специфика именно мотивной и стилистической организации его текстов, в которой язык выступает не средством общения, а инструментом манипулирования, сокрытия истины, а паузы и умолчания обладают не меньшей смысловой нагрузкой, чем вербальный компонент.

Целью статьи является многоаспектный анализ поэтики абсурда в пьесе «День рождения» через призму ключевых мотивов (вторжения, утраты идентичности, сбой памяти и пр.) и уникальных стилистических приемов,

формирующих тот эффект тотальной неопределенности, который составляет суть «пинтеровского» метода. В рамках представленной цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

- выявление и систематизация доминирующих мотивов пьесы;
- анализ функции диалога и пауз в коммуникации персонажей;
- рассмотрение организации пространства и времени как катализаторов ощущения фатальной неопределенности и предопределенности абсурдности происходящего.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе, синтезирующем мотивный и стилистический анализ, демонстрирующий абсурд в текстах Гарольда Пинтера как внутреннюю условность, распространяющуюся на всю художественную структуру – от синтаксиса реплик персонажей до архитектоники сюжета. В рамках исследования осуществляется обоснование того, что пьеса «День рождения» представляет собой не просто вариацию на тему абсурда, а новаторскую модель, в которой кризис идентичности и распад языка отражают фундаментальные травмы современного сознания, что обуславливает непреходящую актуальность пьесы Гарольда Пинтера и ее эвристический потенциал для современного литературоведения.

Пьеса «День рождения» во многом определила развитие экзистенциальных принципов сюжетного построения в творчестве Гарольда Пинтера, обострившего во многом конфликт абсурдизма между человеком и внешним миром. По мнению литературоведов (Д. А. Кондаков, С. В. Соболева, Н. Н. Томская и др.), исследующих мотивную и стилистическую особенность содержания пьесы, художественный текст обладает высоким, узнаваемым уровнем интертекстуальности, обусловленным внутренними мотивными связями как с современными Гарольду Пинтеру литературными произведениями, так и с вечными, культурологическими образами. Например, К. В. Аржанцева отмечала, что в содержании пьесы «День рождения», отображаются узнаваемые мотивы текста Франца Кафки «Процесс»: «Написанная в 1957 году пьеса представляет интерес еще и потому, что практически содержит в себе драматургическую вариацию на тему романа Франца Кафки “Процесс”. Герой пьесы Пинтера Стэнли Уэббер, бывший пианист, является единственным постояльцем приморского пансиона семьи Боулсов, мирное существование которых прерывается вторжением двух незнакомцев – Гольдберга и Макканна, как две капли воды похожих на стражей-двойников Франца и Виллема, которые в день тридцатого дня рождения появляются в комнате старшего прокурора банка Йозефа К., чтобы сообщить ему, что он арестован («Процесс»)» [1, с. 2]. Возникновение в сюжете пьесы «День рождения» персонажей Гольдберга и Макканна является формой выражения структуры «комедии угроз», для сюжета которой характерно зарождение внезапных ситуаций, нарушающих привычный миропорядок героев.

Восприятие появления новых постояльцев другими героями пьесы – Пити, Мег, Стэнли – характеризуется метафизическими формами, связывающими возникновение людей в пространстве с какими-либо внезапными событиями, которые изначально практически невозможно осмыслить. Интересным является то, что еще до приезда Гольдберга и

Макканна речь Мег и Стэнли наполняется ирреальными составляющими, определяющими их отношение к неизвестности и таинственности, что прослеживается в содержании текста пьесы:

«Стэнли. Мег, знаешь что?

Мег. Что?

Стэнли. Слышала новость?

Мег. Нет.

Стэнли. Не может быть.

Мег. Не слышала.

Стэнли. Сказать?

Мег. Какая еще новость?

Стэнли. Так ты не слышала?

Мег. Нет.

Стэнли (*приближается*). Они приезжают сегодня.

Мег. Кто?

Стэнли. На машине.

Мег. Кто?

Стэнли. А знаешь, что у них в машине?

Мег. Что?

Стэнли. В машине у них тачка.

Мег (*еле слышно*). Неправда.

Стэнли. Правда, правда.

Мег. Врешь.

Стэнли (*приближаясь*). Большая тачка. Машина остановится, они выкатят тачку, покатают ее по дорожке к дому и постучат в дверь» [10, с. 13].

Структура коммуникации является характерной для театра абсурда, что выражается в членении предложений, отрывочности фраз, свойственных больше для разговорной речи, чем для художественного текста. При этом мотивность текста иллюстрирует ситуацию напряженного ожидания неизбежного, что вполне логично соотносится со структурой сюжета произведения «Процесс» Франца Кафки, центральной линией которого является ожидание приговора против главного героя Йозефа К., о котором ему сообщают вторгшиеся в его квартиру ранним утром Франц и Виллем. Отличительной чертой романа «Процесс» является то, что читатель не находит информации о самом деле, это не разъясняется и в ходе всего романа, определяя контуры экзистенциальной неопределенности и предопределенности судьбы героев.

По мнению К. В. Аржанцевой, в сюжете пьесы Гарольда Пинтера осуществляется демонстрация внутреннего разлома личности главного героя, что является формой выражения мотива вторжения в пьесах театра абсурда: «Отчаяние главного героя Стэнли обусловлено неспособностью преодолеть душевное и физическое насилие, совершаемое над его сознанием двумя незнакомцами, и пониманием того, что надежда на возвращение к самому к себе, своему «я» лишь иллюзия» [1, с. 4]. О. Ф. Сенькова, изучающая творчество английских драматургов, в частности, художественные произведения Гарольда Пинтера, подчеркивала, что для текстов авторов театра абсурда характерно доминирование схематичности действий и языковой игры: «Например, в пьесе “День рождения” автор использует

абсурдную оболочку, чтобы зашифровать таинственное прошлое героя: по еле уловимым намекам, разбросанным по абсурдным, излишне нарочитым и нагроможденным диалогам, можно понять, что ранее Стэнли участвовал в карательных войсках, организованных в Ирландии во время Гражданской войны 1920-х годов» [5, с. 160]. Необходимо отметить, что ключевым объектом анализа пьесы «День рождения» Гарольда Пинтера является особая роль подтекста и пауз, которые у автора выступают не примером конкретного отсутствия речи, а полноправным элементом драматургического языка, носителем скрытого напряжения и невысказанной тревоги персонажей.

Таким образом, Гарольд Пинтер не просто использует абсурд как технику, но исследует его генезис внутри обыденных человеческих отношений, что и составляет новаторство его драматургического метода.

По мнению Х. И. Мамедовой, содержание мотивной структуры пьесы «День рождения» соотносится с проблематикой библейских притч, что позволяет возвести контекст художественного произведения к глобальному культурологическому уровню [3, с. 210]. Несмотря на то, что в пьесе Гарольда Пинтера реализуется концепция потерянности персонажей в условиях внешнего мира, влияющего на становление внутреннего мира, автор позволяет проследить историю жизни главных героев – Мег и Пити – с учетом устоявшихся микросюжетов, соотносимых с библейскими притчами. Х. И. Мамедова отмечает, что в пьесе «День рождения» на уровне культурологических связей театра абсурда с общеизвестными мотивами литературы реализуется авторская интерпретация следующих библейских сюжетов:

1. Притча о милосердии самаритянина: «Читателю становится известно, что пожилая семейная пара – Пити и Мег – приютила в своём доме, находящемся в приморском городке, молодого мужчину по имени Стэнли, страдающего серьёзными психическими расстройствами. Именно эти люди, хозяева небольшого частного пансионата, сыграли роль милосердного самарянина, пожалевшего своего ближнего и спасшего последнего от неминуемой смерти» [3, с. 209].

2. Притча о десяти девах: «Демонологический сюжет в произведении связан с образами двух действующих лиц – Гольдберга и Макканна. Они прибывают в скромный пансионат Пити и Мег с целью выполнения секретной миссии. Эту миссию им поручила некая тайная организация, о деятельности которой нам ничего не известно. Суть миссии – схватить Стэнли и увезти его с собой, чтобы, вероятно, изолировать от окружающих или уничтожить: автор до конца не проясняет данное обстоятельство» [3, с. 210].

3. Притча о смоковнице: «С этой притчей связан ещё один важный лейтмотив произведения, являющийся библейски валентным, – нарушение заповеди о почитании отца и матери. На протяжении всей пьесы автор даёт имплицитные указания на сей счёт: Стэнли грубо нарушал данную заповедь, предполагающую почтительное уважение не только к таким близким родственникам, как отец и мать, но и ко всем людям более старшего поколения» [3, с. 210].

Исходя из положений, выдвинутых Х. И. Мамедовой, необходимо отметить, что пьеса Гарольда Пинтера «День рождения» при внешней камерности и доминировании бытового реализма пронизана комплексом

библейских мотивов, которые, будучи пропущенными через призму эстетики театра абсурда, подвергаются глубокой трансформации и пародийному переосмыслению, что усиливает ощущение тотального распада смыслов и онтологической неуверенности. Следовательно, библейские аллюзии, наблюдаемые в содержании пьесы, функционируют не как источник глубинных онтологических смыслов, а в качестве архаического, культурного кода, влияющего на духовное состояние современной цивилизации. Прежде всего, это проявляется на примере образов Гольдберга и Макканна, чье поведение отсылает к архетипам лжепророков, лжеапостолов, вторгающихся в привычный, замкнутый мир жителей пансионата. Именно через фигуры Гольдберга и Макканна реализуется распространенный для театра абсурда мотив вторжения, интерпретирующий разрыв устоявшихся связей и миропорядка. Связь библейских мотивов с поэтикой абсурда проявляется в художественном процессе десакрализации: если в классической традиции библейские нарративы несли в себе логику божественного промысла, то у Гарольда Пинтера они становятся частью хаотичного, лишённого провиденциального смысла универсума [4, с. 89].

Поэтика абсурда заключается в ощущении фундаментального разрыва между архаичной, сакральной формой и ее современным, экзистенциальным содержанием. Гарольд Пинтер использует библейский подтекст не для углубления метафизического измерения пьесы, а в качестве мощного культурологического пласта, разрушение которого становится симптомом экзистенциальной катастрофы, где человек сталкивается не с Богом, а с пустотой, маскирующей под архаичные ритуалы и языки. Это сближает драматургию Гарольда Пинтера с постмодернистской критикой религии, но выводит ее на уровень формального эксперимента, где сам язык становится сконструированным из обломков утраченных смыслов.

Следует отметить, что в пьесе «День рождения» Гарольда Пинтера ключевые мотивы вторжения, утраты идентичности, тревоги и сбоя памяти образуют сложный синтез, формирующий поэтику «комедии угроз». Мотив вторжения является катализатором всего действия пьесы: замкнутое и псевдобезопасное пространство пансионата, представляющее собой модель хрупкого частного мира, взламывается появлением Гольдберга и Макканна. Их вторжение носит не только физический, но и психологический, символический характер, интерпретируя при этом действие какой-либо иррациональной силы, целью которой является тотальный контроль и подчинение. При этом немаловажным мотивом пьесы является процесс разрушения привычных форм коммуникации: текст начинается с намеренной паузы, которая выражает собой скорее ни недосказанность, а нежелание коммуникации героев. Для сохранения структуры диалога в первых сценах пьесы приведем цитаты из оригинального текста Гарольда Пинтера:

«MEG: Is that you, Petey?»

Pause.

Petey, is that you?»

Pause

Petey?»

PETEY: What?

MEG: Is that you?»

PETEY: Yes, that's me.

MEG: What? (Her face appears at the hatch) Are you back?

PETEY: Yes» [10, с. 18].

В представленном примере диалога, который открывает пьесу, отмечаются показательные стилистические и синтаксические приемы, характерные для театра абсурда (в текстах доминируют умышленные паузы, односложные ответы, умолчания, повторения, направленные на намеренное снятие напряжения на театральной сцене, что позволяет отвлекать внимание зрителей от вероятных сюжетных поворотов, создавая тем самым комический эффект в условиях распространения экзистенциальных размышлений).

На примере текста «День рождения» Гарольда Пинтера целесообразно реализуется мотив тревоги, характерный для художественных произведений театра абсурда. Мотив тревоги, иллюстрирующий нарушение привычного миропорядка, распространяется через образ Стэнли, постоянно оперирующего концептом «тревога»:

«STANLEY (decisively): They won't come

MEG: why not?

STANLEY (quickly): I tell you they won't come...

STANLEY: They won't come. Someone's taking the Michael. Forget all about it. It's a false alarm. A fake alarm. (He sits at the table.) Where is my tea?» [10, с. 24].

Гарольд Пинтер намерено использует простые предложения в диалоге, которые транслируют собой скорее обрывочность мышления, чем глубинные экзистенциальные смыслы. Использование простых предложений представляет собой часть эстетического своеобразия театра абсурда, что значимо для создания эффекта тревожности и внезапности в восприятии зрителей пьесы. В анализируемом диалоге Стэнли часто употребляет существительное «тревога», иллюстрирующее состояние перед приходом новых постояльцев. Появление в сюжете Гольдберга и Макканна становится настоящим потрясением, дезорганизующим ощущения героев. На примере образа Стэнли мотив вторжения в пьесе реализуется на нескольких взаимосвязанных уровнях: пространственном, психологическом, экзистенциальном, что в совокупности формирует целостную модель тотального нарушения приватного мира индивида. Кульминацией этого процесса является системное разрушение прошлого Стэнли. Гольдберг и Макканн методологически оспаривают, перевирают, присваивают его биографию, лишая его последних опор – памяти и личной истории. Они вторгаются в нарратив Стэнли, подменяя его собственным вымышленным конструктом, в котором он предстает с отрицательной стороны [9, с. 74].

С точки зрения поэтики абсурда, судьба персонажа Стэнли интерпретирует форму эпистемологического насилия, результатом которого является полная когнитивная дезорганизация и крах субъектности. Сцена «допроса» во втором акте пьесы является воплощением убийства личности через коммуникацию. На примере судьбы Стэнли Гарольд Пинтер исследует мотив вторжения как всепроникающую и неотвратимую силу. Это не единичное событие, а продолжительный, многоуровневый акт, направленный на приватное пространство, сознание, память и, в конечном счете, на экзистенцию человека. Утрата языка, воли и идентичности

героя становится центральной трагедией, раскрывающей пинтеровскую концепцию уязвимости личности перед лицом неструктурированной, но организованной враждебности внешнего мира.

Немаловажным аспектом для анализа поэтики абсурда в пьесе «День рождения» является хронотоп пансионата, который организован в соответствии с логикой абсурдистской эстетики: пространство ограничено от внешнего мира, чьи правила и законы остаются непознаваемыми [6, с. 37]. Время внутри пансионата теряет линейность и историчность, оно циклично и однообразно (это подчеркивается рутинными действиями Мег и Пити), пока вторжение извне не разорвет этот цикл, привнося время хаотичное и распадающееся. Прошлые персонажей представлено через обрывки воспоминаний, достоверность которых постоянно ставится под сомнение, тем самым разрушая привычную драматургическую предысторию, лишая персонажей психологической определенности, делая их фигурами загадочными и онтологически неустойчивыми.

Стоит отметить, что вклад Гарольда Пинтера в драматургию абсурда заключается в уникальном сплаве глубокой философской проблематики, касающейся хрупкости идентичности, природы тревоги и страха, скрытых в языке и социальных взаимодействиях, доводящих до логического предела кризис коммуникаций. Пьеса «День рождения» предстает не просто как текст о столкновении индивидуума с враждебным миром, но как сложноорганизованный культурологический универсум, в котором абсурд иллюстрирует все уровни бытия: от синтаксиса и организации пространства до метафизики человеческого одиночества. Гарольд Пинтер интерпретирует абсурд, помещая его внутрь человеческой психики и повседневных отношений, демонстрируя угрозу тотального распада «я», коренящуюся не в условно-фантастических обстоятельствах, а в самой природе языка и социальных связей.

Список литературы

1. **Аржанцева, К. В.** «Пинтереска» как художественный метод. Театр Гарольда Пинтера / К. В. Аржанцева // *Litera*. – 2020. – № 9. – С. 71–82.
2. **Комаров, С. Г.** Библейские аллюзии в драме Гарольда Пинтера «День рождения» / С. Г. Комаров // *Современные гуманитарные исследования*. – 2007. – № 5(18). – С. 147–150.
3. **Мамедова, Х. И.** Стилистические особенности пьес Гарольда Пинтера / Х. И. Мамедова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2010. – № 4. – С. 209–213.
4. **Сенькова, О. Ф.** Синтез абсурда и реализма в постабсурдистской драме Гарольда Пинтера / О. Ф. Сенькова // *Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI (68) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февр. 2016 г. : в 2 т. / [редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]]*. – Витебск, 2016. – Т. 1. – ISBN 978-985-517-522-4. – С. 159–161.
5. **Сенькова, О. Ф.** Эволюция личностных установок в драматургии Гарольда Пинтера / О. Ф. Сенькова // *Наука – образованию, производству, экономике : материалы XX (67) : материалы XX (67) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск,*

- 12–13 марта 2015 г. : в 2 т. / [редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]]. – Витебск, 2015. – Т. 1. – ISBN 978-985-517-474-6. – С. 158–159.
6. **Степанова, А. С.** О некоторых особенностях драматургии Г. Пинтера / А. С. Степанова // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития : сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф., Махачкала, 15 мая 2016 г. / [редкол.: Токтарова Н. К., Семиляк В. И.]. – Махачкала, 2016. – ISBN 978-5-9907923-8-8. – С. 37–38.
  7. **Томская, Н. Н.** Дезинтеграция языковых явлений как характерный признак пьес «театра абсурда» на примере пьесы Г. Пинтера «День рождения» / Н. Н. Томская // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 5(13). – С. 367–371.
  8. **Томская, Н. Н.** Литературные истоки британской драмы абсурда / Н. Н. Томская // Большая конференция МГПУ : сб. тезисов, Москва, 28–30 июня 2023 г. : в 3 т. / отв. ред. Р. Г. Резаков ; сост. Т. С. Алференкова, Е. В. Страмова. – Москва, 2023. – Т. 3 : Городские социально-гуманитарные практики. – ISBN 978-5-4214-0150-6. – С. 197–200.
  9. **Трунилина, М. И.** Принцип алогизма в европейском театре абсурда и русской драме 30–50-х годов XX века / М. И. Трунилина // Мировая литература в контексте культуры. – 2024. – № 18(24). – С. 72–77.
  10. **Pinter, H.** The birthday party / Harold Pinter. – London : Faber and Faber, 1991. – 87 p. – ISBN 0-571-16078-6.

Gladkov A. I.

Poetics of the Absurd in the Early Works of Harold Pinter: Main Motifs and Stylistics

The article presents a comprehensive analysis of the specifics of the theater of the absurd in the framework of Harold Pinter's work based on his play «The Birthday Party». The study examined the basic structural and substantive components of the play of the theater of the absurd: motives – invasion, isolation, loss of identity), features of the dialogic structure, organization of the chronotope, etc. The article examines the definition of Harold Pinter's contribution to the dramaturgy of the absurd through the deconstruction of the artistic means and philosophical foundations of the play «The Birthday Party». For the first time, we have identified a synthesis of motive, stylistic, philosophical approaches to the analysis of the text, which allows us to present the play «The Birthday Party» as a multidimensional cultural universe in which the absurd manifests itself at all levels – from the syntax of the characters' speech to the metaphysics of their existential loneliness.

Key words: Harold Pinter, absurd theater, invasion motif, comedy of threats, linguistic destruction, and psychological drama

Электронная гипертекстовая литература США (на материале творчества Джуди Маллой)

В статье рассматривается творчество одной из ключевых фигур американской электронной гипертекстовой литературы Джуди Маллой. Анализируется не только ее гипертекстовая проза, но и поэзия в виртуальном пространстве. Автор приходит к выводу, что произведения писательницы характеризуются оригинальностью структуры и свободой перемещения от одного текста к другому, что позволяет читателю активно принимать участие в создании собственной версии истории в процессе прочтения.

Ключевые слова: гипертекстовая литература США, электронная литература, компьютерный гипертекст, Джуди Маллой, гипертекстовая проза, гипертекстовая поэзия

Литература, являясь зеркалом эпохи, отражает мироощущение и социокультурные события, происходящие в обществе. Так, с появлением компьютеров «на смену традиционным повествовательным формам приходит компьютерный гипертекст, существующий на стыке литературного творчества и компьютерных технологий» [8, с. 146].

Эволюция американской литературы, которая стала «технически» более сложной, представлена произведениями электронного формата, к числу которых можно отнести «Полдень» («Afternoon», 1990) Майкла Джойса, «Лоскутная девочка» («Patchwork Girl», 1992) Шелли Джексон, «Дядя Роджер» («Uncle Roger», 1986) и «Ее звали Пенелопа» («Its name was Penelope», 1993) Дж. Маллой, «Софизм» («Quibbling», 1993) К. Гайер, «Сад победы» («Victory Garden», 1992) С. Молтропа, «Призрачная комната смеха дядюшки Бадди» («Uncle Buddy's Phantom Funhouse», 1993) Дж. Макдейда и др.

Материалом для нашего исследования послужило творчество американской писательницы и поэтессы Джуди Маллой, одной из ключевых фигур в электронной гипертекстовой литературе США.

Дж. Маллой в своем эссе «Дядя Роджер, онлайн-нарратив» («Uncle Roger, an online narrabase», 1991) пишет, что «computer text works will reshape our literature, eventually replacing the sequential book» [3, с. 195]. По ее мнению, такая литература будет больше, чем просто «...word-processed pages turned by pushing buttons. The viewer/reader will be connected to computer books in ways not possible with paper books-through varying degrees of interaction, through the computer's musical instrument-like responsiveness, through text-access methods that simulate the reader's own thought processes, and through the visual qualities of the framed and glowing monitor» [3, с. 195].

В 1986 году Дж. Маллой написала и запрограммировала первый гипертекстовый роман «Дядя Роджер» («Uncle Roger»), который представляет

собой «a collection of separate database files. The user reads the story by using a computer to search for fictional narrative information into which the reader plunges repeatedly, emerging with a cumulative and individual picture» [3, с. 195]. Автор создала роман в виде интерактивного «сайта», на ход повествования которого читатель может влиять самостоятельно. Основываясь на личном опыте, писательница написала многослойный текст, который побуждает читателя задуматься о значении родства и влиянии прошлых поколений на настоящее.

Второй гипертекстовый роман писательницы «Её звали Пенелопа» («Its name was Penelope», 1993) вышел и был представлен на выставке в 1989 году, а далее, в 1993 – в электронном варианте. Главная героиня – художница и фотограф, жизнь которой показана на разных этапах. Роман состоит из шести частей и основан на поэме «Одиссея» Гомера. Посредством чтения поэмы ее отцом главная героиня слушает и рассказывает свою собственную историю. Каждый отрывок – это воспоминание Энн. Данные фрагменты представлены фотографиями в альбоме, которые читатель видит так, как видит их она. Он сам комбинирует изображения, меняет порядок их появления.

«Любить одного» («I Love One», 1994) – первое произведение, опубликованное на Eastgate Web Workshop [4]. По сюжету американский писатель проводит отпуск в Германии и Франции, погружаясь в подпольный мир европейской хакерской художественной культуры. Переходя по «пробелам» в тексте, читатель погружается в «Xreality, changing identities, physical computing, robotic Pinocchios, Rajput miniatures that morph into parallel narratives, barns full of old computers, and country western songs on German radio» [2]. Интерфейс 1994 года, в котором автор на главной странице расположила фото, ссылку на поэтическое произведение, а также ссылки на главную страницу *Estgate*, «лекции», «обрамленные лекции», «линии», «записки». Читатель волен сам выбирать – передвигаться по ним или же по сноскам непосредственно внутри самого произведения.

«Рев судьбы» («The Roar of Destiny», 1996) также был изначально представлен на выставке, а затем опубликован онлайн в 1996 году. Автор показывает ментальный срыв через интерфейс, который сочетает в себе важные и не очень воспоминания. В романе три основные линии повествования:

- воспоминания о доме скульптора-модерниста, живущего в Аризоне;
- хижина на южной стороне Колорадо, которая является домом рассказчика во время повествования истории;
- беспорядочные воспоминания о неясных периодах жизни, которые с интервалами захватывают разум рассказчика.

Джуди Маллой представляет данные «флэшбеки», изменяя цвет и дизайн экрана. «The reader, like the narrator, is involved in a continual struggle between the real and the virtual – between stark black-backgrounded paths that lead to despair and depression and bluegreen-backgrounded paths that follow beside clear mountain streams; between purple screens that relate the narrator's sojourn in a desert home and white screens that detail the relationships between co-workers in a virtual workspace» [6].

В произведении «Дороти Аброна МакКрэй» («Dorothy Abrona McCrae», 2000), которое было опубликовано в 2000 году, а в 2017 перекодировано в соответствии с современными стандартами

HTML5/CSS, повествуется о переплетенных жизнях художницы Дороти Аброны МакКрэй и владельца галереи в Сан-Франциско Сиды Сейбельмана. Интерфейс представлен центральным текстом (рукописью главной героини), слева располагаются месяцы, в которые был написан текст, причем с каждым нажатием на него меняется фоновый цвет; справа располагаются фразы из блокнота Дороти, которые открывают страницы с новым содержанием. Переходя по ссылкам/фрагментам текста, читатель может изменять серию событий через письма, художественные работы и разговоры или же, как отмечает автор, может «read sequentially by clicking on the text or on the red bar at the bottom of each lexia» [1].

Роман «Вечеринка на Силвер Бич» («A Party at Silver Beach», 2002) переносит читателя на вечеринку, где визуальные образы гостей ведут к их словам. Интерфейс представлен лексиями и изображениями, нажав на которые читатель продвигается по истории, как гость на вечеринке: разговаривая с ними, подслушивая разговоры других.

Роман «Желтая миска» («The yellow bowl», 2019) был изначально написан на языке BASIC в 1992 году, а затем перепрограммирован в новую версию для доступа в современный Интернет.

В произведении три линии повествования:

- основная сюжетная линия о главной героине Грейс заполняет центр экрана;
- два других повествования являются вымышленными историями главной героини о двух разных женщинах, которые пытаются избежать гнетущей повседневности.

Читатель волен продвигаться по любому из этих трех повествований в любое время, нажимая на стрелки, выделенные разным цветом. Основной текст по центру обрамлен разноцветными фрагментами текста по бокам, которые появляются при нажатии на кнопки. Помимо этого, у произведения есть звуковое сопровождение – вступительные слова.

Нельзя обойти стороной и гипертекстовую поэзию: этот аспект творчества Дж. Маллой вызывает огромный научный интерес в академическом обществе, но на данный момент он малоизучен.

Стихотворение «Нотация весеннего дня» («Spring Day Notation», 2012) представляет собой небольшое гипертекстовое поэтическое произведение, в котором автор запечатлела опыт пребывания на природе. После одного нажатия на гиперссылку (фрагмент текста) остальные отрывки, оформленные разным цветом и размерами шрифта, в рамках и без, появляются спустя некоторое время. Такой дизайн и запланированное размещение поэтических строк погружает читателя в пространство, создавая яркий пейзаж по одному изображению за раз.

Стихотворение «Ткань повседневной жизни» («The Fabric of Everyday Life», 2020) было представлено на онлайн-выставке ELO2020 в 2020 году. Автор позаимствовала название из статьи М. Вайзера «Компьютер для 21-го века»: «The most profound technologies are those that disappear. They weave themselves into **the fabric of everyday life** until they are indistinguishable from it» [7, с. 95]. Текст имеет звуковое сопровождение, причем при каждом нажатии на кнопку меняется как звук из переменных, которые генерирует код, так и сам текст. Автор побуждает читателя задуматься

о значении повседневных моментов и о том, как они формируют нашу жизнь и идентичность. Дж. Маллой искусно передает красоту и сложность повседневности, делая акцент на том, что даже самые простые вещи могут быть важными.

Дж. Маллой написала «Сливаясь с экраном на несколько дней» («Merged with the screen for days», 2021) во время пандемии COVID-19, показывая, как человек становится частью монитора и технологий, а границы между реальным и виртуальным миром размываются, восприятие себя и окружающего мира меняется. Стихотворение представляет собой разноцветные колонки, строфы, которые перемещаются по структуре, при этом «...play unpredictably together – allowing, if the reader generates several versions, multiple views of the impact of screen-dominated isolation on everyday life. But even with many plays, the viewer is unlikely to see all the variables that are stored in the four arrays that emanate from this aleatoric narrative engine» [5].

Суммируя вышеизложенное, бесспорным является тот факт, что творчество Дж. Маллой представляет собой неоценимый вклад в развитие американской гипертекстовой литературы электронного формата. Ее произведения демонстрируют, как новые технологии могут изменить восприятие и взаимодействие читателя с текстом, тем самым позволяя ему создавать свою историю, что делает данную литературу уникальным и значимым явлением в современном литературном процессе. Таким образом, основываясь на анализе творчества Дж. Маллой, можно сделать вывод, что компьютерные произведения не только расширяют границы традиционного повествования, но и предлагают читателю активное участие в создании новых смыслов произведений.

Список литературы

1. **Malloy, J.** Dorothy Abrona McCrae / Judy Malloy. – Text : electronic // Judy Malloy : [website]. – URL: <http://www.judymalloy.net/dorothy/intro.html> (date of access: 28.04.2025).
2. **Its name was Penelope.** – Text : electronic // Eastgate: serious hypertext : [website]. – URL: <https://www.eastgate.com/malloy/> (date of access: 28.04.2025).
3. **Malloy, J.** Uncle Roger / Judy Malloy // Online Narrabase, Leonardo. – 1991. – Vol. 24, № 2. – P. 195–202.
4. **Malloy, J.** I0ve0ne: Creating Electronic Literature on the Early World Wide Web / Judy Malloy // ELO (Un) linked. – 2024. – Vol. 22. – P. 1–17.
5. **Merged with the screen for days.** – Text : electronic // Narrabase.net : [website]. – URL: https://www.narrabase.net/merged/merged_about.html (date of access: 02.05.2025).
6. **Malloy, J.** The Roar of Destiny / Judy Malloy. – Text : electronic // People.well.com : [website]. – URL: <https://people.well.com/user/jmalloy/roarofdestiny/theroar.html> (date of access: 02.05.2025).
7. **Weiser, M.** The Computer for the 21st Century / Mark Weiser // Scientific American. – 1991. – Vol. 265, № 3. – P. 94–104.
8. **Zeynalova, K. V.** Hypertext as a Form of Artistic Reflection of Reality in the Digitalization Era / Zeynalova K. V., Romanov I. A. // Humanitarian Vector. 2022. – Vol. 17, № 4. – P. 145–156.

Kashkan T. A.

**Electronic Hypertext Literature of the USA
(Based on the Works of Judy Malloy)**

The article examines the works of one of the main figures of American electronic hypertext literature, Judy Malloy. Her hypertext prose and poetry in virtual space are analyzed. The author comes to the conclusion that her works have an original structure and free movements from one text to another one, which allows the reader to actively participate in creating their own version of story in the process of reading.

Key words: *hypertext literature of the USA, electronic literature, computer hypertext, Judy Malloy, hypertext prose, hypertext poetry*

Конькова Марина Юрьевна,
аспирант 2 курса,
научная специальность
5.9.3. «Теория литературы»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
marinakonkova88@gmail.com

Синтез документальности и вымысла в балладах Ю. И. Визбора

В статье рассматриваются особенности жанровой природы баллады в творчестве поэта-барда Ю. И. Визбора на примере авторской структуры «песни-репортажа», сочетающей аспекты документальности и художественного вымысла. Цель исследования заключается в систематизировании типов взаимодействия документального повествования и вымысла, определении их роль в создании культурного мифа о «романтике профессий». Ключевые задачи исследования состоят в реконструировании биографических и исторических контекстов создания баллад на основе архивных материалов; выявлении приемов художественной трансформации реальности; анализе функций синтеза документальности и вымысла в текстах баллад.

Ключевые слова: документальность, художественный вымысел, синтез жанров, баллада, Ю. И. Визбор, биографический контекст

Творчество Ю. И. Визбора занимает особое место в истории авторской песни 1960–1980-х гг., когда баллада стала одним из ключевых жанров для художественного осмысления реальности. Несмотря на значительный корпус исследований о поэтике текстов Ю. И. Визбора (труды А. В. Кулагина [7], С. А. Манскова [8], В. А. Котельникова [5], А. Я. Дудиной [3] и т. д.), механизмы взаимодействия документальной основы и художественного вымысла в его балладах остаются недостаточно систематизированными. Существующие литературоведческие работы либо акцентируют внимание на биографическом контексте, либо анализируют жанровые особенности, но при этом не наблюдается системность синтеза, превращающего частный опыт в универсальные этико-эстетические модели. Эта лакуна определяет проблему исследования: отсутствие комплексного подхода к документально-художественному синтезу как сознательной поэтологии, формирующей мифопоэтику «шестидесятников».

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить специфику и функциональность синтеза документальности и вымысла в балладах Ю. И. Визбора как инструмента конструирования культурной мифологии эпохи.

Новизна исследования состоит в системном и целостном рассмотрении баллад поэта через диалектику документа и авторского мифа как основополагающего конструктивного принципа.

Проблематика соотношения вымысла и документальности в художественной литературе является актуализированным вопросом,

позволяющим интерпретировать наличие фактических сведений в тексте и их авторского осмысления. Исторически литература балансирует между полюсами мимесиса (подражания действительности) и поэсиса (создания нового мира), а содержание документальных источников часто становится тем материалом, который преобразуется творческими силами автора, сталкиваясь с необходимостью художественного обобщения, эстетического воплощения и вымысла в качестве конструктивных принципов. По мнению Д. В. Затонова, документализм не соотносится напрямую с отражением действительности в литературе [4, с. 98]. Строгая приверженность факту и абсолютный отказ от вымысла, по мнению исследователя, – «способ утратить реальность, оставаясь в ее пределах» [4, с. 97]. Необходимо отметить, что границы между вымыслом и документализмом являются условными: содержание некоторых художественных произведений находится в пограничном состоянии между ними, в других текстах вымысел может быть абсолютно исключен. Таким образом, вымышленное автором выстраивает рамки между художественными и документальными произведениями, создавая конкретные формы поэтики и отношения к объективной действительности.

Взаимосвязь и соотношение вымысла и документализма могут быть определены историческими контекстами, конкретными жанровыми стратегиями авторского текста. По мнению Е. Н. Сердюк, «вторая половина XX века, а именно 60-е годы, отмечена бурным процессом вытеснения художественной прозы документальной, в ходе чего происходит смешение форм и стирание границ между беллетристикой и документализмом» [10, с. 18]. Во второй половине XX века осуществляется кардинальное смещение вымысла и документализма в текстах, что позволило создавать новые жанровые формы, в которых трансформировались стратегии отображения объективной действительности. В творчестве бардов-шестидесятников (В. С. Высоцкий, А. А. Галич, Б. Ш. Окуджава, Ю. И. Визбор и т. д.) соотношение вымысла и документализма зависит от творчества конкретного автора. Поэты-барды создавали зачастую произведения, сочетающие элементы художественной литературы и фольклора, при этом их творения были ориентированы на текст, которому подчинялись мелодия и мотив. В творчестве Ю. И. Визбора проблематика взаимодействия вымысла и документализма обусловлена биографическими мотивами его художественных текстов, а также возникновением своеобразного авторского мифа.

По мнению А. Е. Крылова, в творчестве Ю. И. Визбора прослеживается доминирование стилевого синтеза, выраженного в индивидуальной повествовательной структуре [6, с. 59]. А. Е. Крылов акцентирует внимание на том, что в текстах поэта-барда повествовательность строится по принципу «лирического репортажа», сочетая документальность и художественность. Следует отметить, что в творчестве Ю. И. Визбора органичное соединение вымысла и реальных фактов обусловлено особенностями биографического пути автора: сфера профессиональных интересов поэта связывалась с репортерской деятельностью, альпинизмом, путешествиями и т. д., поэтому содержательные аспекты авторских текстов поэта, в частности, баллад, выстраивались в соответствии с биографическими фактами и художественным вымыслом. Жанровая

природа баллады стала оптимальной формой для соединения документальности и вымысла, что было обусловлено повествовательными стратегиями и возможностью задействования различных культурных кодов.

По воспоминаниям самого Ю. И. Визбора, его художественные произведения стали «отчетами о встреченных местах», что определяло сущность соотношения вымышленного и фактического [1, с. 5]. Благодаря деятельности репортера и увлечению путешествиями поэт-бард часто участвовал в различных экспедициях, определяющих во многом особенности документализма его художественных текстов: «Я имел восемьдесят поездок в год, причем поездок дальних: на Дальний Восток, в Сибирь многократно, на Север – ну бог знает куда!.. В известном смысле эти песни документальны, поскольку за каждой из них стоит тот или иной человек, тот или иной рассказ, встреча. Это был своеобразный отчет о встреченных местах, пейзажах» [1, с. 6]. Одной из баллад Ю. И. Визбора, в контексте которой отмечается сочетание документализма и вымысла, является произведение «Три минуты тишины» (1965). Баллада была создана поэтом во время экспедиции на траулере «Кострома» по Крайнему Северу в 1965 году. Основой для возникновения баллады стала история принятия международного соглашения, согласно которому радисты всех судов в определенное время слушают три минуты радиозэфира, что и было романтизировано и обыграно Ю. И. Визбором в художественном тексте:

По судну «Кострома» стучит вода,
В сетях антенн качается звезда,
А мы стоим и курим – мы должны
Услышать три минуты тишины [1, с. 218].

Синтез документализма и вымысла в балладе «Три минуты тишины» соотносится на уровне фактических повествовательных структур и романтизации частного случая, преобразованного в концепт стремления к путешествиям.

В балладе «Хала-бала» (1965) Ю. И. Визбор синтезирует документализм и вымысел в форме создания антиутопического государства, что позволило отобразить личные впечатления, собственные наблюдения о морально-нравственных установках общества. Стилистическая особенность баллады «Хала-бала» заключается в том, что поэт намеренно создает практически сказочный хронотоп, позволяющий ввести в лирический сюжет королей и королеву для того, чтобы культивировать иронический эффект:

В той стране Хале-бале
Сорок восемь королей.
С ними всеми, весела,
Королева там жила,
Но и та – Хала-бала [1, с. 227].

Текст рассматриваемой баллады представляет собой символическую антиутопию, в которой вымышленный город является интерпретацией авторского отношения к наблюдаемым человеческим ценностям. Таким образом, Ю. И. Визбор создает не только иронический текст, а художественно убедительный документ эпохи, пропущенный через

гиперболизированное восприятие сатирического вымысла, где реальность, доведенная до абсурда, становится наиболее точной карикатурой.

Визбор Ю. И. достаточно часто обращался к художественному воплощению литературных образов реальных культурных фигур. Например, это прослеживается на примере «Баллады о Викторе Хара» (1973). Герой произведения – чилийский поэт и режиссер Виктор Лидио Хара Мартинес. В. И. Визбор осуществил авторскую рецепцию личности и творчества Виктора Хара, создав при этом определенный биографический контекст:

Я вам песню спою об одном гитаристе,
Он чилийских мальчишек был вожак и кумир.
Я вам песню спою о веселом марксисте,
Он играл на гитаре, а слушал весь мир.
Но представьте себе, что и эта гитара
Для фашистов страшна, будто совесть земли.
В сентябре на допрос взяли Виктора Хара
И гитару его на допрос увели [1, с. 256].

Эмотивным центром баллады Ю. И. Визбора является реальная историческая фигура Виктора Хара, который стал символ борьбы против политического режима чилийского диктатора Аугусто Пиночета. Образ Виктора Хара создается на основании объективных, биографических факторов, что говорит о наличии высокого процента документализма. Как мы видим из содержания баллады, Ю. И. Визбор описывает реальные факты биографии Виктора Хара, при этом культивирует устойчивый символический образ, что является формой романтизации и художественного вымысла:

Чтоб бежать он не мог – его крепко связали,
Чтобы жить он не мог – расстреляли в ночи,
Чтоб играть он не мог – ему руки сломали, –
И у песни, ребята, есть свои палачи [1, с. 256].

Ключевой синтез документализма и вымысла наблюдается в центральных образах, связанных с судьбой чилийского героя Виктора Хара. Ю. И. Визбор акцентирует внимание на сломанных руках, что является документально заверенным фактом («чтоб играть он не мог – ему руки сломали...» [1, с. 256]): документализм синтезируется с художественным вымыслом в тексте баллады, трансформируя образ сломанных рук в символ неистребимой воли народа. Таким образом, документальная правда о судьбе Виктора Хара является в балладе Ю. И. Визбора не просто сюжетной основой, но и трагическим камертоном, задающим высоту мотива справедливости. Художественный вымысел становится инструментом преодоления смерти факта, возведения его в ранг вечного мифа сопротивления и веры в победу справедливости. Ю. И. Визбор не искажает документальные факты, а погружает их в состояние поэтической образности, извлекая универсальный смысл.

Принцип синтеза документализма и вымысла в балладах Ю. И. Визбора прослеживается на примере авторских текстов, которые были созданы в форме «песен-репортажей», «песен-радиоочерков» и т. д. Подобная композиционная структура произведений позволяла отображать конкретные факты путешествий Ю. И. Визбора, его знакомства с представителями

определенной профессиональной среды, что способствовало созданию устойчивого социального образа. Примечательно, что в записях авторских песен Ю. И. Визбор технологически использовал аспекты документализма, что выражалось в задействовании различных звуковых форм. Например, поэт-бард создал ряд баллад о подвиге лётчика-курсанта Павла Шклярука: «24 секунды подвига», «Пропали все звуки», «Курсант» и т. д. В транслировании авторских песен Ю. И. Визбора были использованы записи голосов очевидцев, что позволяло соотнести текст с музыкальными компонентами, создавая единый культурологический феномен. В названии баллады «24 секунды подвига» подчеркивается ориентирование автора на соблюдение принципа документализма: именно 24 секунды стали временем совершения подвига молодого курсанта Павла Шклярука, который ценой собственной жизни обеспечил безопасную для жителей города посадку самолета:

Пропали, пропали все звуки
И странная, странная тишь,
Как будто не крылья, а руки,
Как ласточка, выгнув летишь.
Как будто бежишь по песку ты,
А двигатель правда стоит.
Секунды, секунды, секунды,
Последние шансы твои [1, с. 278].

Следует отметить, что сам Ю. И. Визбор определял жанр рассматриваемого произведения в качестве песни-репортажа, что уже на уровне композиционной структуры акцентированно смещает вектор понимания текста в сторону документализма: Ю. И. Визбор-репортер, употребляя словосочетание «24 секунды», воссоздает хронометраж исторического события. Эта временная конкретика придает повествованию невероятную напряженность и достоверность, связывая его с реальной человеческой трагедией и актом героизма. Однако Ю. И. Визбор-поэт не ставит перед собой цель создать лишь хроникальный репортаж. Автор использует документальные сведения для возникновения устойчивого художественного вымысла, углубления психологизма и вневременного мифа. Вымысел на примере рассматриваемой баллады проявляется, прежде всего, в авторском проникновении во внутренний мир героя, что позволяет транслировать от его имени конкретные эмоции и переживания:

Случись же такое вот дело
Я сам же хотел в небеса.
Я летчик – товарищ Гастелло,
Я Пашка – обычный курсант [1, с. 278].

Если целостно анализировать творчество Ю. И. Визбора, то можно отметить, что соотношение документализма и вымысла в различных балладах поэта-барда реализуется с точки зрения неоднородности содержательности художественных произведений. Например, в содержании героико-трагических баллад («Три минуты тишины», «24 секунды подвига» и т. д.) документальная основа становится неприкосновенным фактом. Ю. И. Визбор воспроизводит реалии профессий, саму фабулу подвига, часто основанную на достоверных событиях или легендах, циркулирующих

в профессиональной среде. Вымысел выполняет функцию сакрализации и мифологизации документального факта. В свою очередь, в сатирических балладах Ю. И. Визбора («Хала-бала» и т. д.) документализм задействуется для раскрытия социальных реалий, которые могут быть выражены в общественных типажах, особенностях языка и мышления персонажей. В содержании сатирических баллад вымысел используется для создания состояния гротеска и разоблачения. В балладах на историко-революционные темы («Баллада о Викторе Хара») документализм является формой интерпретации исторического свидетельства. Ю. И. Визбор опирается на общественные события, подчеркивая их подлинность для усиления обвинительного пафоса или связи с актуальной политической ситуацией. Вымысел служит практическому воплощению мифотворчества и придания трагедии вневременного, вечного звучания.

Таким образом, синтез документализма и вымысла в балладах Ю. И. Визбора – это не стилистический прием, а суть его художественного метода и мировоззрения. В зависимости от конкретной тематики авторского текста, меняется оптимальная пропорция и функциональность документализма: достоверные сведения становятся то неприкосновенным фактом, то объектом сатиры, то историческим свидетельством. При этом синтезированное взаимодействие документализма и вымысла в балладах Ю. И. Визбора обусловлено жанровой природой художественных текстов, позволяющих сочетать документальное повествование с эмоциональной окраской.

Список литературы

1. **Визбор, Ю. И.** Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 / Ю. И. Визбор ; сост. Р. Шипова ; худ. В. Крючков. – Москва : Локид-Пресс, 2001. – 560 с. – ISBN 5-320-00431-1.
2. **Визбор, Ю.** Я сердце оставил в синих горах: стихи, песни, проза / Юрий Визбор ; [вступ. статьи В. Рюмина, Л. Аннинского ; послесл. А. Азарова, с. 569–586]. – 3-е изд., доп. – Москва : Физкультура и спорт, 1989. – 590 с. – ISBN 5-278-00039-2.
3. **Дудина, А. Я.** Перцептивные эталоны метафорических номинаций в поэзии Ю. Визбора / А. Я. Дудина // *Linguistica Juvenis*. – 2022. – № 24. – С. 80–87.
4. **Затонский, Д. В.** Искусство романа и XX век / Д. В. Затонский. – Москва : Художественная литература, 1973. – 535 с.
5. **Котельников, В. А.** Визбор Юрий Иосифович / В. А. Котельников // *Русская литература XX века. Поэты, прозаики, драматурги : биобиблиогр. словарь* : в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. – Москва, 2005. – Т. 1 : А – Ж. – ISBN 5-94848-245-6. – С. 378–382.
6. **Крылов, А. Е.** Слова – как ястребы ночные. О крылатых выражениях из авторской песни / А. Е. Крылов. – Москва : Булат, 2011. – 266 с. – ISBN 978-5-91457-011-5.
7. **Кулагин, А. В.** Визбор: жизнь поэта / А. В. Кулагин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Булат, 2019. – 427 с. – ISBN 978-5-91457-024-5.
8. **Мансков, С. А.** Элементы религиозного сознания в песнях Ю. Визбора / С. А. Мансков // *Культура и текст: славянский мир*:

- прошлое и современность : сб. науч. тр. / под ред. Г. П. Козубовской. – Санкт-Петербург [и др.], 2001. – ISBN 5-88210-164-6. – С. 177–182.
9. Орлова, В. П. Образные коннотации концепта «дорога» в пространственной организации поэтических текстов Ю. И. Визбора / В. П. Орлова // Молодой ученый. – 2016. – № 16(120). – С. 508–511.
10. Сердюк, Е. Н. Проблема факта и вымысла в американской художественно-документальной прозе / Е. Н. Сердюк // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I Всерос. науч.-практ. конф., Симферополь, 27–29 апр. 2017 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь, 2017. – ISBN 978-5-907819-38-2. – С. 387–392.

Konkova M. Yu.

Synthesis of Documentary and Fiction in Yu. I. Vizbor's Ballads

The article examines the genre characteristics of ballads in the work of poet-bard Yu. I. Vizbor, using the example of the author's structure of «song-reportage», which combines aspects of documentary and artistic fiction. The aim of the study is to systematise the aspects of the interaction between documentary narrative and fiction, and to determine their role in the creation of the cultural myth of the «romance of professions». The key objectives of the study are to reconstruct the biographical and historical contexts of the creation of ballads on the basis of archival materials; identifying techniques of artistic transformation of reality; analysing the functions of the synthesis of documentary and fiction in ballad texts.

Key words: documentary, artistic fiction, synthesis of genres, ballad, Yu. I. Vizbor, biographical context

Передерий Сергей Николаевич,
канд. филол. наук, доцент кафедры
филологии и методики преподавания
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
s-peredery@mail.ru

Горбова Наталья Викторовна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики перевода
и зарубежной филологии ФГАОУ ВО «СевГУ»
nat-gorbova@yandex.ru

Просторечия в американской литературе середины XX века: анализ социостилистических особенностей

Исследование затрагивает ряд теоретических вопросов, связанных с нормативным или ненормативным статусом просторечий, их социальной природой и широким спектром функций и особенностей, которые они приобретают в художественном произведении американских писателей середины XX века. В статье приводятся теоретические разработки исследователей в данной области и изучается способность просторечий, используемых на всех языковых уровнях, быть своего рода «зеркалом» социального статуса персонажей, а также выполнять эстетическую и организующую функции повествования.

Ключевые слова: литературное просторечие, социостилистический анализ, художественный текст, изобразительный потенциал

Данное исследование затрагивает ряд конвергентных по своей природе проблем, которые сходятся в точке рассмотрения просторечия как феномена одновременно языкового, речевого, социального и литературного. В статье демонстрируется, что просторечие, с одной стороны, заключенное в контекст художественного произведения, служит его задачам в той степени и в том смысле, которые определены его лингвистическим и социально-историческим статусом; при этом просторечие одновременно приобретает новые стилистические и эстетические характеристики, что в совокупности закрепляет его роль некой формы литературного (художественного) языка. С нашей точки зрения, такой многоплановый подход к феномену просторечия в литературном произведении определяет актуальность исследования, а также позволяет сформулировать цель, которая заключается в том, чтобы выявить и проанализировать социостилистические особенности просторечий в рассказах Э. Хемингуэя «The Killers», Ю. Уэлти «A Worn Path» и Ф. О'Коннор «A Good Man Is Hard To Find» [7; 9; 10].

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:
1) определить основные теоретические подходы к просторечию,

литературному просторечию, его социальной природе и стилистической функции; 2) выявить просторечные элементы в материале исследования; 3) провести анализ выявленных просторечий как социально маркированных и стилистически окрашенных единиц; 4) сделать выводы и определить перспективы дальнейшего исследования в этом направлении.

Исследование на материале рассказов Э. Хемингуэя, Ю. Уэлли и Ф. О'Коннор проводилось с использованием следующих методов: описательного, контекстуального, стилистического и сопоставительного анализа в рамках социостилистического подхода.

Научная новизна исследования определена взглядом на литературное просторечие как на своего рода социостилистическую норму в контексте художественной реальности, которая повторяет и закрепляет в тексте знакомый и узнаваемый для читателя социостилистический контекст (территориальный, социальный, гендерный, ситуационный и пр. аспекты), а также экстраполирует этот контекст на всё произведение, формируя его как художественную единицу. Теоретическая значимость исследования лежит в пределах научных изысканий в области теории текста, стилистики и социостилистики, его положения подлежат дальнейшему изучению и доработке в соответствии с практическими результатами. Практическая значимость работы заключается в экспериментальном и прикладном характере применяемого подхода к анализу социостилистических особенностей литературных просторечий, который может применяться в рамках курсов по стилистике и социостилистике и служить базой для анализа любых художественных текстов, содержащих просторечные элементы.

Беляева Т. М. и Хомяков В. А. указывают на тот факт, что просторечия могут образовывать некие микросистемы, представленные в виде социолектов, арго, жаргонов или полудialectов, могут носить экспрессивный или социально-профессиональный характер, а также, с точки зрения социолингвистики, несмотря на статус нестандартной лексики, уже являются в определенной степени нормой. При этом существует два подхода, первый из которых рассматривает просторечия в рамках литературного языка, а второй выводит их за его пределы. Различая эмоциональные и социально-профессиональные просторечия, тем не менее, авторы отмечают, что в фамильярно-разговорной речи элементы этих просторечий, как правило, взаимосуществуют. Стилистически сниженная речь характеризуется такими признаками, как «отражение психологии среднего носителя языка и ситуации повседневной жизни, спонтанный характер выражения, эмоциональность, конкретность, образность, фамильярность» [1, с. 19]. Ссылаясь на работы Ф. Секриста и А. Мелвила, авторы отмечают, что просторечия в художественном произведении решают целый ряд проблем, в том числе они могут отвечать за создание комического эффекта, придание тексту остроумности, реалистичности, естественности, за выражение спектра эмоций, таких как неодобрение, отвращение, насмешки, презрение, угрозы, удивление, смущение, а также поведения: опьянения, настойчивости, назойливости и пр.

В книге «Стилистика английского языка» предложено разделение сниженной лексики на: литературно-разговорную (*literary colloquial*), фамильярно-разговорную (*familiar colloquial*), вульгаризмы (*low colloquial*).

При этом отмечается, что некоторые авторы объединяют все слова сниженного тона под одним понятием – «английское просторечье» [5]. В статье мы будем придерживаться мнения последних. При этом необходимо учитывать, что в контексте нашего исследования мы обращаемся к проблеме литературного просторечия, рассматривая его «ненормативную» природу как социально-речевой и экспрессивный маркер литературного языка в художественных произведениях. Данные просторечия можно подразделить на три подвида: 1) традиционные разговорно-просторечные экспрессивы; 2) табуированные экспрессивы обценной природы; 3) разговорно-просторечная лексика жаргонного происхождения [2].

В художественном произведении роль просторечия приобретает эстетический характер, т. к. среди многих прочих им выполняется выразительно-изобразительная функция; кроме этого просторечия выступают как один из способов выражения языковой картины мира, которая определена как лингвистическими законами, так и экстралингвистическими факторами (социальными, политическими, культурологическими, историческими и т. д.). Этот факт во многом объясняет междисциплинарный характер анализа социостилистических особенностей литературных просторечий. При этом мы разделяем точку зрения Л. Н. Синельниковой в той части, что «междисциплинарность не просто расширяет представление об объекте исследования, но и меняет предмет наблюдения, его местонахождение в пространстве гуманитарного научного знания и границы интерпретации» [4, с. 42].

Кроме того, использование просторечий в художественных текстах заключается не в противопоставлении отдельных персонажей другим и критике их речевого поведения, а в том, чтобы подчеркнуть самобытность и оригинальность этого поведения. Такие тексты за счет использования просторечий становятся своеобразным социокультурным речевым портретом эпохи, кодом национальных и региональных ценностей, поскольку, становясь инструментом создания художественного текста, просторечия также становятся объектом для изучения не только в рамках этого текста, но и того исторического и социально-культурного контекста, в котором он размещен. Соответственно, создается широкое поле для дальнейших научных изысканий в данной области, в частности остается открытым вопрос о типологизации просторечий в художественном тексте и их отграничении от разговорной речи, а также об их изобразительном потенциале при описании определенных реалий, создании образов и характеров персонажей [8].

Семенова Е. В. и Немчинова Н. В. находят именно в отклонении от нормы плодородную почву для стилистического кодирования и декодирования сообщений, которые обеспечивают единство формы и содержания текста. Они же предлагают использовать термин «выдвижение», под которым понимаются семантически маркированные элементы организации текста, способные устанавливать отношения с другими элементами текста и захватывающие внимание читателя, обладающие экспрессивностью и эстетичностью, организующие и одновременно сегментирующие текст. Три наиболее распространенными типами выдвижения авторы называют конвергенцию (избыточность), сцепление (появление сходных элементов любых уровней, обеспечивающих целостность

текста) и «обманутое ожидание» (введение элементов малой вероятности, которое ломает эффект цельности и непрерывности текста) [3, с. 20–23].

Социостилистический анализ просторечий в исследуемых рассказах требует определения социокультурного и исторического контекста, реализуемого в данных художественных текстах. События в рассказе «The Killers» разворачиваются на северо-востоке Среднего Запада в городке Саммит штата Иллинойс в 1920-х годах, в период, который характеризуется рядом важных социально-исторических факторов: 1) быстрой индустриализацией города и демографическим ростом за счет прибывающей рабочей силы; 2) действием «сухого закона»; 3) ростом преступности и активностью в близрасположенном Чикаго организованных бандитских группировок, в т. ч. гангстеров Аль Капоне. Действие в рассказе «A Worn Path» развивается в городке Натчез, штат Миссисипи, на юге США во время Великой депрессии, которая тяжелее всего ударила по темнокожему населению Штатов, не только находившемуся в большинстве своем за чертой бедности, но и повсеместно подвергавшемуся сегрегации в силу действовавших в южных штатах т. н. законов Джима Кроу. Среди прочих причин эти неблагоприятные социоэкономические условия привели к первой волне Великой миграции афроамериканцев из сельскохозяйственных южных (в основном из Луизианы, Миссисипи и Алабамы) в северные штаты. Рассказ «A Good Man Is Hard To Find» повествует о путешествии, которое начинается где-то в пригороде Атланты, штат Джорджия, на юге США, герои перемещаются по сельской местности в сторону Флориды, время действия – 1940-е – начало 1950-х гг., на которые приходится экономический рост в штате, а также повышение плотности городского и сокращение сельского населения, увеличение благосостояния среднего класса.

Просторечные элементы, выявленные во всех трех рассказах, без всякого сомнения, мотивированы художественной задачей, которую преследовали авторы, и которая, в первую очередь, заключается в художественной апроприации и переработке хорошо узнаваемого и интерпретируемого читателем реалистичного опыта, раскрывающегося через речь персонажей и преобразующего произведение в нечто цельное и законченное. В случае с «The Killers» это речь двух криминальных элементов, ключевых действующих лиц, которые планируют убийство бойца по имени Ол Андерсон и решают подстеречь его в забегаловке, завсегдатаем которой он является.

Выявленные просторечия характеризуются негативной деноминацией чего-то привычно нейтрального, ненормативностью, желанием оскорбить или выразить презрение. Примерами смещения деноминации в нижний лексический регистр служат следующие выражения: «*He knew I'd blow his head off*», «*Maybe it was just a bluff*», «*I'm through with all that running around*», «*Double-crossed somebody*», «*if they keep after it*», «*That's the way you work it*», «*They put us out in the kitchen*» [7]. Все они демонстрируют характерную лексико-семантическую парадигму, носят традиционный просторечно-разговорный характер и представляют собой эмоционально окрашенные номинации поведения или действий. Ряд просторечий, основанных в семантическом отношении на антитезе, интенционально направлены на оскорбление и уничтожение тех, к кому они обращены (работников небольшой забегаловки, которых бандиты берут в заложники): «*You're a pretty bright boy*,

aren't you?», «Another **bright boy**», «The town's full of **bright boys**», «Oh, he's a **thinker**», «I got them tied up like a couple of girl friends in the convent», «You were in a **kosher convent**», «You're a regular little gentleman», «You'd make some girl a nice wife, **bright boy**» [7]. Эти просторечия представляют собой экспрессивно окрашенные номинации характеристик и качеств, которые являются субъективными и ярко негативными, нацелены на умаление умственных способностей оппонентов и их мужественности посредством сравнения с женщинами, что является характерной формой насмешки для общества с маскулинной доминантой. Таким образом, за счет этого пласта просторечий повествование приобретает реалистичный характер и некий комический оттенок, который противопоставлен серьезности происходящих событий.

Из повторяющихся ненормативных просторечий обценной природы употребляются слова **hell** и **damn(ed)**, которые можно отнести к табуированным экспрессивам: «What the **hell** do you put it on the card for?», «Oh, to **hell** with the clock», «The **hell** you were», «None of your **damned business**», «We know **damn well** where we are», «What the **hell** do you argue with this kid for?», «You talk too **damn much**», «Oh, what the **hell**», «What the **hell**?», «It's a **hell of a thing!**», «It's too **damned awful**» [7].

В контексте современности в рассказе резонирует слово **nigger**, но с оглядкой на социокультурный контекст мы можем отнести его к традиционному разговорно-просторечному стилю, исключив обценный или ненормативный характер, который это слово приобрело в конце XX – начале XXI вв.: «Who's out in the kitchen? The **nigger**. What do you mean the **nigger**? The **nigger** that cooks», «tell the **nigger** to come out here» [7].

Отдельное внимание необходимо уделить просторечиям, которые проявляются на грамматическом и синтаксическом уровне и манифестируются в замене разделительного вопроса на междометие, нетипичном использовании вспомогательных глаголов или их опущении, опущении модального глагола **had** в конструкции **had better**, употреблении эллипсиса, прямого порядка слов в вопросительном предложении и сокращения **ain't**: «Everything we **want's** the dinner, **eh?**», «I mean you **got** anything to drink?», «He comes here to eat every night, **don't he?**», «He comes here at six o'clock, **don't he?**», «Ever go to the movies?», «Well, I got to keep bright boy amused», «What you going to do with us afterward?», «It **ain't** that», «We **better go**», «**Better** give him five minutes. They all gone?», «You **better not have anything to do with it at all**», «You **better stay way out of it**», «Mixing up in this **ain't going to get you anywhere**», «George thought I **better come and tell** you about it», «No. There **ain't** anything to do», «I **been here all day**», «I **better go back and see George**», «I guess he **don't feel well**», «I'm sorry he **don't feel well**, you **better not think about it**» [7].

Грамматическая система языка является каркасом для прочих надстроек, в связи с чем просторечия на этом уровне, хотя по экспрессивной нагрузке и менее эффективны, но все же идентифицируются с большой чувствительностью как отклонение от нормы. Таким образом, мы наблюдаем, что просторечия в рассказе «The Killers» обнаруживаются как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Как отклонения от нормы они носят характер конвергенции и сцепления, так как многократно повторяются, органично встроены в речь героев, являются необходимыми структурными элементами

текста для реализации идейной и сюжетной линии. Они также реализуют эстетическую функцию в рамках художественного произведения, так как становятся инструментом создания реалистичных живых образов жителей небольшого западноамериканского городка периода «сухого закона». Степень метафоричности у них невысокая, что соответствует лаконичному авторскому стилю Э. Хемингуэя, но, благодаря точности и многократности их повторения, они хорошо оседают в сознании читателя, формируя соответствующие оценочные значения по самому простому и эффективному принципу: «хороший» – «плохой».

В рассказе «A Worn Path» на лексико-семантическом уровне обнаруживаются немногочисленные примеры просторечий, которые относятся к старомодной разговорной речи («*for I have heard of nary death close by*», «*Away back yonder*») или характеризуются несколько сниженной деноминацией чего-то привычно нейтрального («*to stall you off*», «*to be shut up for good*», «*There is no telling, mister*», «*missy*») [10]. С другой стороны, «просторечный» характер повествования в полной мере реализуется на грамматическом и синтаксическом уровне, за счет многочисленных повторяющихся отклонений от нормы, воплощающих в художественной реальности так называемый афроамериканский английский, который объединяет признаки диалекта и социолекта. В частности, речь главной героини, пожилой необразованной афроамериканки, пробирающейся в город по лесной дороге, изобилует высказываниями, в которых **be** и **have** остаются без изменений, отсутствует глагол-связка перед причастиями, существительными и определениями, не произносится окончание глагола в 3 л. ед. ч., а в случае произнесения глагол приобретает яркую окраску, употребляется одна форма глагола практически во всех временах, употребляется глагол в 3 л. ед. ч. с подлежащим в другом лице или числе, не делается различия между единственным и множественным числом глагола **be**, не используется вспомогательный глагол **have** для обозначения завершенного действия, используется двойное отрицание и форма **ain't** во всех лицах, числах и временах, опускаются вспомогательные глаголы, употребляется местоимение в объектном падеже вместо артикля **the**: «*Don't let none of those come running my direction*», «*I got a long way*», «*Seem like there is chains about my feet*», «*time I get this far*», «*Something always take a hold of me on this hill – pleads I should stay*», «*I in the thorny bush*», «*Thorns, you doing your appointed work*», «*Old eyes thought you was a pretty little green bush*», «*Sun so high!*», «*The time getting all gone here*», «*Glad this not the season for bulls*», «*Who you watching?*», «*I don't see no two-headed snake coming around that tree, where it come once*», «*who be you the ghost of?*», «*I not going to forget*», «*He going to find it hard to believe*», «*he waiting*» [2]. С большой вероятностью мы можем утверждать, что просторечная грамматика при прочтении текста человеком, знакомым со спецификой афроамериканского английского, в его воображении будет наделена и характерной для него звуковой формой, хотя непосредственно графонов, передающих фонетические особенности речи, выявлено всего два: «*Git on away from here, dog!*» и «*Can't lace 'em with a cane*» [10].

В отличие от двух предыдущих рассказов, «A Good Man Is Hard To Find» строится не по принципу соприкосновения двух отличных друг от друга миров, а по принципу их столкновения. Употребляемые здесь просторечия

разнородны, но эпистемологически, так как они встроены в речь практически всех героев, наводят на мысль, что среди них нет исключительно положительных персонажей, что также следует из названия рассказа. С другой стороны, просторечия создают южноамериканский колорит с характерными для этого региона ненормотипичными фонетическими и грамматико-синтаксическими формами.

Просторечные элементы, связанные с желанием оскорбить или выразить пренебрежение: «*I'd smack his face*», «*She wouldn't stay at home for a million bucks*», «*Tennessee is just a hillbilly dumping ground*», «*Georgia is a lousy state too*», «*I wouldn't live in a broken-down place like this for a million bucks!*», «*Hey Pop!*», «*He reminds me of a pig*» [9]. В основе большинства таких просторечно-разговорных выражений лежат гиперболы, негативно окрашенные эпитеты и банальная зоосемантическая метафора.

На фонетическом и грамматико-синтаксическом уровнях за счет употребления просторечных форм осуществляется реализация южноамериканского диалекта, который является неоднородным. А именно в тексте мы встречаем: 1) ротированный /r/: «*Arn't you ashamed?*», «*Two fellers come in here last week*», «*you know I let them fellers charge the gas they bought?*», «*if you hadn't of reckernized me*»; 2) горланную смычку, которая превращает /k/ в /t/: «*The boys want to ast you something*»; 3) /l/-вокализацию перед /p/: «*I don't want no hep*», «*Hep that lady up*»; 4) пролонгацию гласных звуков: «*Yes'm*», «*Nome*», «*why dontcha stay at home?*», «*Whatcha gonna do with that gun?*», «*Go bring these people their Co'-Colas*», «*It was a old 5 beat-up car*», «*It'll take a half a hour*» [9].

На речевом уровне нарочито просторечный характер диалога главных героев контрастирует с его сложным моральным и религиозно-философским смысловым наполнением. Подчеркнуто вежливое обращение убийцы со своими будущими жертвами не коррелирует с его неправильной «искореженной» речью и является отображением его собственного лицемерия в стремлении к самооправданию и извращенной философии о несоразмерности понесенного наказания совершенному им преступлению, отсюда кличка – *Misfit* (досл. «несоответствующий»). Просторечные элементы разного уровня создают не только яркие запоминающиеся образы противоречивых и социально гетерогенных персонажей, но и выполняют функцию выдвижения всех трех типов – конвергенции, сцепления и обманутого ожидания; последнее реализуется в моменте совершения убийств членов семейства где-то «на заднем фоне» по ходу неспешного развития диалога, наполненного просторечиями, и озарения, которое снисходит на пожилую леди, за которым немедленно следует её убийство, внезапно разрушающее надежду на какой-либо положительный для неё исход.

В ходе исследования трех художественных произведений малой формы американских авторов-классиков начала – середины XX века были выявлены просторечные элементы на лексико-семантическом, грамматическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. В подавляющем большинстве выявленные литературные просторечия на лексико-семантическом уровне выполняют сниженную деноминацию нейтрального действия или поведения; ряд просторечий носят обценный ненормативный характер и характеризуются высокой степенью экспрессивности

(выражают пренебрежение, отрицательную оценку, насмешку, иронию, носят комический или оскорбительный характер). Благодаря своей социально детерминированной природе просторечия (особенно на грамматическом, синтаксическом и фонетическом уровнях) играют ведущую роль в формировании колоритных образов персонажей (наемных убийц-гангстеров из Иллинойса, нищей старухи-негрityнки из Миссисипи, разбалованных детей из пригорода благополучной Атланты и жестокого, сбежавшего из тюрьмы, убийцы-южанина), которые в основном реализуются через речь. В рассказах «The Killers» и «A Worn Path» прослеживается высокая повторяемость (конвергентность) и сцепление (выполнение организующей повествования функции) просторечных элементов, а в рассказе «A Good Man Is Hard To Find» за счет наложения просторечных элементов также создается эффект «обманутого ожидания».

Дальнейшие перспективы проведения исследования заключаются в расширении практического материала и поиске литературных произведений более крупной формы и более сложной структуры, которые бы включали просторечные элементы более узкой социальной направленности.

Список литературы

1. **Беляева, Т. М.** Нестандартная лексика английского языка : учебное пособие / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : ЛГУ, 1985. – 136 с.
2. **Горбацевич, О. Е.** Социально ограниченная лексика в разговорной речи городского населения / О. Е. Горбацевич // Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 03–04 нояб. 2005 г. / редкол.: В. Д. Стариченок [и др.]. – Минск, 2005. – ISBN 985-501-072-8. – С. 23–28.
3. **Семенова, Е. В.** Стилистика английского языка : учебное пособие / Е. В. Семенова, Н. В. Немчинова. – Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2017. – 104 с. – ISBN 978-5-7638-3707-0.
4. **Синельникова, Л. Н.** Дискурс фразеологических новообразований / Л. Н. Синельникова // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах : материалы междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 18–23 марта 2016 г. / науч. ред. И. Ю. Третьякова. – Кострома, 2016. – ISBN 978-5-7591-1553-3. – С. 171–174.
5. **Стилистика английского языка** / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко ; ред. Л. А. Нагорная. – Киев : Вища школа, 1984. – 247 с.
6. **Титова, Е. В.** О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор) / Е. В. Титова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – № 3. – С. 306–311.
7. **Hemingway, E.** The Killers / Ernest Hemingway. – Text : electronic // Sfponline.org : [website]. – URL: <https://www.sfponline.org/Uploads/372/The%20Killers.pdf> (date of access: 15.06.2025).
8. **Kananowicz, T.** Beauty of substandard language (on the basis of the mass culture texts) / T. Kananowicz. – Text : electronic // Przegląd Rusycystyczny. – 2023. –

- № 3(183). – P. 140-151. – URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/20311882> (date of access: 07.06.2025).
9. **O'Connor, F.** A Good Man is Hard to Find / Flannery O'Connor. – Text : electronic // Learn English Through Story : [website]. – URL: <https://learnenglish-new.com/wp-content/uploads/2024/07/A-Good-Man-is-Hard-to-Find-PDF.pdf> (date of access: 15.06.2025).
10. **Welty, E.** A Worn Path / Eudora Welty. – Text : electronic // Google Документы : [website]. – URL: <https://docs.google.com/file/d/0Byq6h70zkproWGFLc3BwOUFvMUk/edit?resourcekey=0-mB5hJqfGeNjNL9eErNGZqQ> (date of access: 15.06.2025).

**Perederiy S. N.,
Gorbova N. V.**

**Colloquialisms in American Literature of The Mid-20th Century:
Analysis of Socio-Stylistic Features**

The study addresses a range of theoretical issues related to the normative or non-normative status of colloquialisms, their social nature, and the broad spectrum of functions and features they acquire in literary works of American writers of the mid-twentieth century. The article presents theoretical developments by researchers in this field and explores the ability of colloquialisms, used at all linguistic levels, to serve as a kind of «mirror» of the characters' social status and perform the aesthetic and narrative-organizing functions.

Key words: literary colloquialism, socio-stylistic analysis, literary text, descriptive potential

Шляхова Галина Игоревна,
аспирант ФГБОУ ВО «Литературный
институт имени А. М. Горького»
galine_24@mail.ru

Лексика ментальной сферы в поэтических текстах Игоря-Северянина: фигуры противоречия

Оксюморон и другие вариации фигуры противоречия признаются исследователями поэтического языка Игоря-Северянина одним из самых часто употребляемых эгофутуристом тропов. Используя для создания этого средства художественной выразительности лексику ментальной сферы, поэт раскрывает многогранность человеческой натуры через описание несовместимых, на первых взгляд, черт в характерах героев стихотворений. В ряде случаев автор прибегает к оксюморону с целью противопоставить собственное отношение к предмету или явлению общепринятому. Фигуры противоречия могут сочетаться в художественных контекстах Северянина с другими тропами – например, метафорами, градацией, эпитетами.

Ключевые слова: лексика ментальной сферы, фигура противоречия, тропы, оксюморон, поэтический язык, Игорь-Северянин

Художественная речь в целом и поэзия в особенности – те речевые сферы, где наиболее интенсивно употребляется лексика ментальной сферы, и стихотворения Игоря-Северянина в этой связи можно считать показательными. Слова с семантикой ментальности используются эгофутуристом в применяемых им приёмах художественной выразительности и языковой игры [6]. Анализ их употребления интересен с точки зрения изучения авторского идиостиля: начиная с конца XIX века многочисленные исследования в области стилистики и языка художественной литературы уделяют особое внимание автору и разработке «авторского комплекса» на основании рассмотрения ряда лингвистических проблем [5, с. 158]. Таким образом, актуальность проблематики данной статьи определяется, во-первых, актуальностью исследования русской лексики ментальной сферы, во-вторых, актуальностью изучения средств художественной выразительности в поэтическом тексте.

Цель настоящей работы – рассмотреть употребление поэтом Игорем-Северяниным лексем с ментальной семантикой в качестве средств языковой игры и художественной выразительности.

В ходе настоящего исследования лексики ментальной сферы в северянинских поэтических контекстах, где расширяется и трансформируется её семантика, сопоставлялась с узусом, в том числе в диахроническом аспекте: сравнение значений проводилось с использованием толковых словарей С. И. Ожегова [8] и Д. Н. Ушакова [10], этимологического словаря М. Р. Фасмера [15], идеографического словаря Н. Ю. Шведовой [9]. Лексикографические подходы к исследованию литературных текстов широко применяются в отношении как памятников

древнерусской письменности [3; 4], так и авторов XX века, в том числе современников Северянина [2].

Новизна статьи заключается в постановке научной проблемы – в изучении лексики ментальной сферы как одной из отличительных черт идиостиля Игоря-Северянина, а также во введении в научный оборот нового языкового материала – анализе семантических расширений узусных значений слов в поэтических контекстах.

Среди тропов, занимающих доминирующее положение в языке Игоря-Северянина, исследователями отмечен оксюморон [1, с. 122], а также вариации этого тропа, за которыми в лингвопоэтике закрепился термин *фигура противоречия* [7, с. 326–324]. С помощью ментальной лексики поэт объединяет в словосочетания противоположные по смыслу понятия: *мысль без сознания* («Безотрадная жизнь», сборник «Поэзоантракт»); *бездумен был сам ум* («В Самуме», сборник «Поэзоантракт»); *бездушные души* («Великому современнику», сборник «Поэзоантракт»); *фантазная явь* («Поэза октябрьского полдня», сборник «Миррэлия»); *безумствующий умник* («Белый», сборник сонетов «Медальоны»); *корить безукорно* («Арцыбашев», сборник сонетов «Медальоны»); *вероятная невероятность* («Бальзак», сборник сонетов «Медальоны»); *немыслима мысль* («Слова солнца», сборник «Классические розы»); *ложь истины, правда лжи* (поэма «Солнечный дикарь»); *мыслю о немыслимом* (поэма «Солнечный дикарь»); *неучи ученые, учёный неуч* (поэма «Солнечный дикарь»); *безнадежье надежды* («Встреча предначертанная», сборник «Тост безответный»); *заботящийся беззаботник* (роман в стихах «Рояль Леандра») [11; 12].

Описывая характеры и ментальные состояния героев поэтических произведений, автор регулярно прибегает к оксюмору, чтобы подчеркнуть непоследовательность человеческой натуры. Тропофигура, предполагающая раскрытие словесного образа посредством перечисления его полярных свойств, иногда называется филологами *противоречием сущности* [1, с. 124].

«В тебе всё просто и замысловато», – пишет Игорь-Северянин в сонете «Фелисса Круут», посвящённом своей жене, из сборника «Медальоны» [11]. *Простота и замысловатость* – противоположные семы из лексико-семантического поля (далее – ЛСП) *постижимость*, но автор наделяет героиню стихотворения обеими этими чертами.

Схожий приём есть в стихотворении «Муринька» из сборника «Тост безответный», где героиня названа *ангелом-змеёй*. В этой метафоре поэт отмечает, что в девушке одновременно присутствуют как чистота, так и лукавство. Лингвист Н. А. Антонова рассматривает это выражение эгофутуриста как пример *противоречия подобия* [1, с. 125].

Вот как рассказывает о себе лирический герой в стихотворении «Нечто соловьиное» (сборник «Очаровательные разочарования» [12]):

*Я – единственный и одинокий,
Не похожий совсем на других:
Легкомысленный, но и глубокий
И такой неудобный для них...*

Легкомысленный и глубокий – черты, традиционно составляющие антитезу, но в данном тексте они соединены синтаксически в ряд

однородных членов, относятся к одному и тому же человеку, что создаёт словесный оксюморон.

В стихотворении «Предчувствие поэмы» (сборник «Victoria Regia» [11]):

Душа все больше, всё безгневней,

Всё малодушнее она...

Душа названа *малодушной*, что представляется парадоксальным ввиду общего корня существительного и прилагательного: получается, в *душе* лирического героя *мало души*. В лингвопоэтике такой приём сочетания однокоренных слов принято называть *фигурой противоречия качества* [1, с. 123].

Поэт даёт подобные характеристики не только отдельным личностям: в стихотворении «Слова солнца» (сборник «Классические розы») встречаем выражение *тёмный, но вещей народ* [11]. Прилагательные *тёмный* (употреблённое здесь в значении *невежественный*) и *вещий* связаны с лексико-семантическим полем *ум*, однако их семантика лежит на периферии, и оттого имеет место пересечение с разными смежными полями – *культура* в отношении лексемы *тёмный* и *подсознание* для лексемы *вещий*. Таким образом, говоря о слабой и сильной сторонах народа, автор указывает на низкую образованность, но вместе с тем мощный дух и мудрость, построенную на интуиции.

Противопоставление рационального и интуитивного – одна из сквозных тем поэзии Игоря Северянина. «Примирая» эти полярные ипостаси ментальной сферы в некоторых контекстах, автор создаёт необычные оксюмороны: «*мы с явью бред переплели*» («Прага», сборник «Классические розы»); «*мой мозг прояснили дурманы*» («Эго-футуризм (Эпилог)», сборник «Громокипящий кубок») [11].

Лексема *ум*, обозначающая рассудочное мышление, иногда образует у Северянина синтагматические связи со словами, связанными с чувствами или подсознанием. Так, в стихотворении «Памяти Вольфганга Гёте» из сборника «Ручьи в лилиях» [12] встречаем словосочетание *мечты ума*. В стихотворении «К портрету» из того же сборника находим строчку: *Люблю Тебя, всей, всей душой ума*.

Таким образом, *ум* сочетается с непривычным в смысловом отношении существительным *душа* и глаголом *любить*.

В стихотворении «На Земле в красоте» из сборника «Классические розы» интересна строчка: «*ум бездушный, безумье души*». Поочерёдно сочетая отрицательную приставку *с душой и умом*, которые сами по себе представлены им как полярные понятия, автор выстраивает композицию противоречия.

Ещё один пример оксюморона, построенного на соединении рассудочного и подсознательного, видим в стихотворении «Прогулка по Дубровнику» (сборник «Адриатика» [11]):

Мы, казалось, в причудливом жили капризе,

В сновиденьи надуманном и непростом.

Если *сновидение* относится к ЛСП *подсознание* и подразумевает непроизвольную работу воображения в состоянии сна, то отглагольное прилагательное *надуманный* предполагает, напротив, направление мысли, интенцию.

Другое средство художественной выразительности, применяемое Северяниным для смыслового выделения лексем ментальной сферы в оппозиции к реальности, – антитеза. В стихотворении «Это сон или бред?..» из сборника «Ручьи в лилиях» [12] читаем:

Это сон или бред? Это грёза иль жизни отрывок?

Сомнения лирического героя охватывают понятия из нескольких семантических полей. Если *сон* здесь относится к ЛСП *подсознание*, то слово *бред* указывает на болезненную игру воображения (ЛСП *психика*), тогда как *грёза*, входящая в ЛСП *мечта*, противопоставляется словосочетанию, образующему антитезу с ментальной сферой, – сема *реальность*. Отметим, что по наблюдению известного исследователя лингвопоэтики Л. Н. Синельниковой, «в лирической поэзии сон представляет собой альтернативный мир, универсальная семантика которого предполагает противопоставление объективному миру» [14, с. 254].

В ряде контекстов оксюморон приобретает самостоятельные семантические оттенки, которых не содержат образующие его лексические элементы порознь. Так, в строке «В думе бездумной я застывал» из стихотворения «Томление бури» (сборник «Тост безответный» [11]) слова *дума* и *бездумный* оба принадлежат ЛСП *мысль*, но в данном сочетании они указывают на оцепенение лирического субъекта, что сближает характеристику с ЛСП *разум*.

Многие образные сочетания противоречащих друг другу понятий раскрывают поэтическое мировоззрение Игоря-Северянина, показывая, что автор не соглашается с принятой в узусе оценкой тех или иных явлений.

Например, в поэме «Солнечный дикарь» [12] эгофутурист многократно подчёркивает, какого невысокого мнения лирический герой о научном знании. Чтобы передать это, автор создаёт следующие выражения: «научная сухая дребедень», «познаний мишура», «наука – вздор». Таким образом, *наука* и *познания* оказываются обесценены и высмеяны, объединяясь в контексте с такими словами с негативной коннотацией из ЛСП *значимость*, как *мишура*, *вздор* и *дредбедень*.

Другой пример оксюморона, демонстрирующего авторское несогласие с общепринятыми суждениями, встречается в стихотворении «Трагедия на лёгком фоне» из сборника «Фея Eiole» [11]: *Грешна лишь фальшь. Безгрешен грех*.

Здесь автор оправдывает грехи, объясняемые человеческими слабостями, совершаемые под влиянием чувств, считая гораздо более непростительной ложь. В данном контексте прилагательные *грешный/безгрешный* являются оценочными, тогда как существительное *грех* не имеет негативной коннотации и выполняет лишь номинативную функцию, отсылая к определённому набору осуждаемых обществом помыслов и идущих вразрез с нравственностью поступков. Отметим в этой связи, что этимологически к корню *грех* восходит и лексема *грёза*, которая у Северянина, напротив, как мы видим в большинстве его стихотворений, становится возвышенным, иногда даже обожествляемым автором понятием [16, с. 1110].

В стихотворении «Праздники» (сборник «Классические розы» [11]) представлена игра слов, основанная на омонимии многозначных корней. Словосочетание *бессодержательные содержанки* внешне напоминает

оксюморон, однако авторская ирония заключается в том, что, характеризуя своих героинь как женщин, находящихся на материальном содержании у мужчин, он дополняет их образ, употребляя слово *содержание* уже в другом значении (ЛСП *информация*) – указывая, что их внутренний мир слишком беден.

Неожиданными синтагматическими связями автор трансформирует узуальные лексические значения слов ментальной сферы. Так происходит в словосочетании *вдумываясь впроскользь* из стихотворения «Ничто в чём-то» (сборник «Очаровательные разочарования»): глагол *вдумываться* обычно говорит о тщательности и неспешности мыслительной работы, поэтому наречие *впроскользь* рядом с ним нетипично и добавляет ощущение легкомыслия, мимолётности сложного и длительного ментального процесса.

Весьма богата на художественные сопоставления контрастов «Поэза оттенков» из сборника «Тост безответный» [11]. Сочетание непохожих явлений – лейтмотив данного стихотворения. Вместе с тем часть образов, упоминаемых автором, не представляет собой явных противоположностей: Северянин описывает нечто несвойственное тому или иному объекту, не огрубляя и не упрощая описание очевидными антонимами. Так, пары контекстуальных оксюморонов образуют *белый* и *лиловый*, *медь* и *золото*, *старость* и *весна*: «*есть в белых ночах лиловость*»; «*медь в золотом волоске*»; «*есть что-то в весне старушье*». В финале же, обращаясь к ключевому для него понятию души, архисемы авторского лексико-семантического поля ментальной сферы, поэт формулирует более явное противопоставление:

В душе у тебя – бездушье,

Душа – в бездушьи твоём!

Этот заключительный оксюморон оказывается эмоционально выделен лирическим героем, предыдущие перечисления в рамках такой композиции воспринимаются на уровне синтаксиса как восходящая градация – сам поэт заявлял в эссе «Теория версификации», что к этому тропу прибегают, «когда хотят усилить впечатление» [13, с. 580].

Таким образом, примеры фигуры противоречия среди языковых средств художественной выразительности, применяемых Игорем-Северяниным, многочисленны. Для описания парадоксов в характерах героев и для создания оппозиции авторского мнения общепринятой оценке того или иного феномена поэтом используется лексика ментальной сферы.

Список литературы

1. Антонова, Н. А. Фигура противоречия как конструктивно семантический прием (на материале поэзии Игоря Северянина) / Н. А. Антонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 121–128.
2. Зыкова, И. В. Идиоматика русского авангарда сквозь призму лексикографии: актуальные задачи, итоги и перспективы исследования / И. В. Зыкова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2020. – № 4(101). – С. 80–91.
3. Иванова, М. В. Древнерусская агиография конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка / М. В. Иванова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 79–88.

4. **Иванова, М. В.** Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для студентов высш. проф. образования / М. В. Иванова. – Москва : Академия, 2011. – 127 с. – ISBN 978-5-7695-5945-7.
5. **Иванова, М. В.** От Ломоносовского ритора к «образу автора» / М. В. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 7. – С. 156–161.
6. **Крусанов, А. В.** Дороги и тропы русского литературного авангарда: эгофутуризм (1911–1922) / А. В. Крусанов // Русский разъезд. – 1993. – № 1. – С. 109–149.
7. **Новиков, Л. А.** Противоречие как приём / Л. А. Новиков // Филологический сборник : к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова / [редкол.: М. В. Ляпон (отв. ред.) и др.]. – Москва, 1995. – С. 326–334.
8. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; ред. Л. И. Скворцов. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2017. – 1376 с. – ISBN 978-5-94666-759-3.
9. **Русский идеографический словарь.** Мир человека и человек в окружающем его мире : (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1032 с. – ISBN 978-5-91172-054-4.
10. **Толковый словарь русского языка** : [в 4 т.] / сост. В. В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова ; гл. ред. Б. М. Воли и Д. Н. Ушакова. – Москва : Терра-Кн. клуб, 2007. – 4 т. – (Народная библиотека «Огонька»). – ISBN 978-5-275-01504-1.
11. **Северянин, И.** Полное собрание сочинений в одном томе / Игорь Северянин. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2014. – 1241 с. : ил. – (Полное собрание в одном томе). – ISBN 978-5-9922-1531-1.
12. **Северянин, И.** Сборники стихотворений / Игорь Северянин. – Текст : электронный // Серебряный век : [сайт]. – URL: <https://rusilverage.blogspot.com/2016> (дата обращения: 15.08.2025).
13. **Северянин, И.** Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / Игорь Северянин ; подгот. В. Н. Терёхина, Н. И. Шубникова-Гусева ; [отв. ред. Н. И. Балашов, Н. В. Корниенко]. – 2-е изд., испр., доп. – Москва : Наука, 2017. – 882 с. – ISBN 978-5-02-040026-9.
14. **Синельникова, Л. Н.** Поэтическая онейросфера: между сном и явью / Л. Н. Синельникова // Антропология сновидений : сб. науч. статей по материалам конф., 29–31 авг. 2020 г. / [сост. и отв. ред. А. А. Лазарева]. – Москва, 2021. – ISBN 978-5-7281-2980-6. – С. 249–255.
15. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. (А–Д) / Макс Фасмер. – Изд. 2-е, стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 576 с.
16. **Шляхова, Г. И.** Узуальное и индивидуально-авторское функционирование лексем *грёза* и *мечта* в поэзии Игоря-Северянина / Г. И. Шляхова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 1106–1115.

Shliakhova G. I.

**Contradiction in Terms based on Mental Sphere Lexemes
in the Poetic Texts by Igor-Severyanin**

Oxymoron and other figures of contradiction are recognized by researchers among the most frequent tropes in the poetic language of Igor-Severyanin. To reveal the versatility of human nature through the description of seemingly incompatible traits in the characters of his poems, the ego-futurist uses mental sphere words. In some cases, oxymorons are supposed to contrast the author's own attitude to an object or phenomenon with the generally accepted one. Figures of contradiction can be combined in contexts with other tropes, such as metaphors, gradation, epithets.

Key words: *mental sphere words, language of poetry, oxymoron, contradiction in terms, tropes, Igor-Severyanin*

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 81'322.4

Абросимова Наталья Андреевна,
канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «РГПУ им. А. И. Герцена»
naabrosimova@gmail.com

Липченко Анастасия Денисовна,
студент 1 курса магистратуры
Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств,
магистерская программа
«Языковые технологии в бизнесе и образовании»
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ
lipchenko.anastas@yandex.ru

Оценка качества машинного перевода и перевода, выполненного с помощью больших языковых моделей (на материале медицинского академического текста)

Статья посвящена оценке качества машинного перевода и перевода, выполненного при помощи больших языковых моделей, на материале медицинского академического текста. Авторами рассмотрены особенности технологий NMT и LLM. Использована оценка качества при помощи метрики ChrF, а также экспертная оценка. В результате установлено, что большие языковые модели и приложения машинного перевода имеют одинаковые нарушения, но перевод, выполненный большой языковой моделью (LLM), содержит более естественные формулировки.

Ключевые слова: *оценка качества машинного перевода, нейронный машинный перевод, большие языковые модели, медицинский текст, модели перевода*

В настоящее время в переводе текста активно используются современные технологии. Актуальность данного исследования обусловлена стремительным развитием технологий машинного перевода, особенно нейросетевых подходов и больших языковых моделей (LLM). Особую значимость эта проблема приобретает в контексте перевода академических текстов, где требования к точности и адекватности передачи смысла особенно высоки. Необходимость систематизации типичных ошибок и разработки критериев оценки качества перевода научных текстов делает данное исследование востребованным как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Из-за постоянного развития медицины, появления новых терминов и эволюции языка перевод медицинского текста также требует тщательного изучения. Целью статьи является оценка качества машинного перевода и перевода, выполненного большими языковыми моделями, на примере медицинских академических текстов.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить особенности существующих способов оценки качества перевода;
- определить значение машинного перевода;
- определить значение LLM;
- дать оценку качества продуктов машинного перевода в сравнении с LLM и эталонным переводом.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сравнение качества машинного перевода и перевода, выполненного большими языковыми моделями, на материале медицинского академического текста путем выявления типичных ошибок.

Материалом исследования послужили медицинские научные статьи из «The Journal of Headache and Pain» и переводы из журнала «Лечащий врач», а также перевод, выполненный с помощью сервиса *Яндекс Переводчик* и *Deepseek*.

Теоретическая основа исследования состоит из авторитетных актуальных исследований в области больших языковых моделей и оценки качества машинного перевода. В работе были использованы исследования Л. В. Елизаровой и К. К. Дмитриевой; X. Liu and W. B. Croft; C. E. Shannon, а также материалы от *Global Machine Translation Market*.

Методом исследования является сравнительно-сопоставительный с использованием метрики *ChrF* («correlations with human rankings for 6-gram F1-score»), которая считает совпадения символов (*n-grams*) у эталонного перевода и сравниваемого перевода. Используется библиотека *sacrebleu* на программе *Python*.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в развитие изучения оценки качества машинного перевода и перевода, выполненного большими языковыми моделями на материале специализированного текста. Исследование дополняет знания об оценке качества машинного перевода и перевода медицинского академического текста.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования представленных материалов в изучении машинного перевода и изучении его ошибок на материале медицинского академического текста. Кроме того, представленный в статье опыт может использоваться для совершенствования машинного перевода больших языковых моделей и продуктов их перевода.

Оценка качества применяется в разных областях лингвистики. Машинный перевод неуклонно развивается, поэтому оценка продуктов перевода постоянно требует детального анализа. Выделяются следующие типы оценки машинного перевода: автоматическая и экспертная. Среди экспертной оценки перевода выделяются типологии *DQF-MQM* и подход Д. М. Бузаджи. Типологии *DQF-MQM* разделяют ошибки на категории: критические (*critical*), грубые (*major*), незначительные (*minor*), нейтральные (*neutral*). Выделяются следующие критерии оценивания: точность (*accuracy*), естественность (*fluency*), терминология (*terminology*), нарушение традиции написания текстов (*style*), дизайн (*design*), интернационализация (*locale*)

commodity), достоверность (*verity*). Что касается подхода Д. М. Бузаджи, выделяются три основные группы ошибок: нарушение денотативного содержания текста, нарушения передачи стилистических характеристик, нарушения передачи коннотации, нарушения нормы узусы переводящего языка [3]. В последнем подходе рассматриваются менее субъективные факторы, поэтому в анализе используется подход Д. М. Бузаджи.

В работе используется метрика *ChrF* («correlations with human rankings for 6-gram F1-score») – метрика качества машинного перевода, предложенная Майей Попович в 2015 г. и затем усовершенствованная до *ChrF++* в 2017 г. Данная метрика основана по подсчету совпадений последовательно идущих символов, а ее усовершенствованная версия (*ChrF++*) также подсчитывает совпадения последовательно идущих слов. Метрика хорошо подходит для языков со сложной морфологией и со свободным порядком слов [11], опирается на значение полноты и точности и считывает сходство эталонного и машинного перевода по процентам. Чем выше оценка у предложения, тем больше сходства она имеет с эталонным переводом.

Листинг программы:

```
from sacrebleu import corpus_chrf
# Предсказанные тексты (модельные переводы/генерации)
predictions = [«Это пример предсказанного текста.»]
references = [«Это пример эталонного текста.»]
# Вычисление chrF-score
chrf_score = corpus_chrf(predictions, references)
# Вывод результата (score – значение метрики в процентах)
Print («chrF-score:», chrf_score.score)
```

Обратимся к определению: «Под машинным переводом принято понимать перевод текста, выполненного с помощью компьютерной программы» [5]. Исследователи выделяют разные виды машинного перевода: статистический, основанный на правилах, нейронный и гибридный. Статистический подход основан на статистической модели, использует анализ корпуса языка для перевода на иностранный язык. Основанный на правилах машинный перевод (*RBMT*) использует лингвистические правила для генерации перевода [4]. Нейронный подход использует в основе машинного перевода нейронную сеть для предсказания слов. Гибридный машинный перевод сочетает в себе подходы двух из вышеперечисленных видов, например, статистический и основанный на правилах, где обеспечивается быстрая настройка памяти перевода и единство стиля при помощи терминологического словаря, или статистического и нейронного машинного перевода. Сервис *Яндекс Переводчик* (<https://translate.yandex.ru/translator>), который является самым популярным в странах СНГ, относится к гибриднему переводу (статистический и нейронный) [2]. В качестве материала исследования будет использоваться продукт перевода *Яндекс Переводчик*.

В данной работе машинный перевод сравнивается с переводом, выполненным большими языковыми моделями (*LLM*), которые относятся к искусственному интеллекту (ИИ). Так, одним из основных подходов к развитию искусственного интеллекта является языковое моделирование

(*language modelling*), в основе которого лежит возможность предсказания последующего слова или последовательности слов на основе предыдущего контекста. Как и машинный перевод, языковое моделирование имеет свои этапы развития, среди которых выделяют следующие:

1. Статистические языковые модели (*Statistical language models*), которые разработаны на основе статистических методов обучения [9]. Первые попытки языкового моделирования были предприняты А. Марковым (предсказание последующего слова на основании предыдущего контекста) и К. Шенноном (метод игры с предсказаниями, в которой использовались *n*-граммы для анализа информационного содержания текста) [13]. В дальнейшем с 1980 г. статистические языковые модели применялись для автоматического распознавания речи, а в 1998 г. стали интегрироваться в системы информационного поиска.

2. Нейронные языковые модели (*Neural language models* или *Neural network based language model*), которые предсказывают вероятную последовательность слов с помощью нейронных сетей. Значительный вклад в изучение данных моделей внесли работы Й. Бенжо [6], который использовал сети прямого распространения с контекстом фиксированной длины, и работы Т. Миколова, который рассматривал рекуррентные нейронные сети, поскольку они не используют контекст ограниченной длины, а также имеют возможность формировать кратковременную память [12].

3. Предварительно обученные языковые модели (*Pre-trained language models*). В основе данной модели лежит парадигма обучения «предварительная подготовка и тонкая настройка».

4. Большие языковые модели, *LLM* (*Large language models*). Данные модели имеют существенные отличия по сравнению с предыдущими моделями, во-первых, они демонстрируют эмерджентные способности для выполнения сложных задач. Во-вторых, в *LLM* используется система подсказок, т. е. запросы должны формулироваться таким образом, чтобы *LLM* могли их выполнять. В-третьих, настройка модели требует огромного практического опыта в области крупномасштабной обработки данных и распределенного параллельного обучения.

Эффективная реализация *LLM* в производственных условиях не лишена проблем. Модель вызывает галлюцинации, когда генерирует ложную или бессмысленную информацию. Например, в медицинском контексте *LLM* может дать неуместные рекомендации по лечению, что может привести к принятию неправильных и опасных решений.

Галлюцинации в *LLM* определяются как создание текста, который является ложным или бессмысленным [10]. В своей работе Дж. Майнез и его соавторы выделяют внутренние галлюцинации (*intrinsic hallucinations*) – результат синтеза контекста с использованием информации, содержащейся во входном документе, т. е. это данные, которые противоречат оригинальному тексту или знаниям, и внешние галлюцинации (*extrinsic hallucinations*) – генерация информации, которая полностью игнорирует исходный материал, т. е. вводится новая, непроверяемая информация.

Примерами больших языковых моделей считается *ChatGPT*, *Gemini*, *Deepseek*. Для исследования был выбран продукт перевода *Deepseek*. В

качестве материала для исследования была использована научная статья «Medication-overuse headache: a narrative review» и ее перевод «Абузусная головная боль: описательный обзор». В качестве метода оценки используется нейронная метрика *ChrF* и типология ошибок Д. М. Бузаджи.

Обратимся к первому примеру передачи аннотации научной статьи (Табл. 1).

Таблица 1

Оценка качества передачи терминологических единиц

Оригинал	Эталонный перевод	Yandex Translate	Deepseek
<i>Medication-overuse headache (МОН). Which potentially involves 1–2% of the population, is defined as a headache, on $\geq$ 15 days a month affected, along with overuse of one or other acute attack medications</i>	Абузусная головная боль (АГБ), которая потенциально затрагивает 1–2% населения, определяется как головная боль, возникающая более 15 дней в месяц, наряду с чрезмерным использованием какого-либо лекарственного средства для ее купирования.	Головная боль, вызванная чрезмерным употреблением лекарств (МЗ), которая потенциально затрагивает 1–2% населения, определяется как головная боль, возникающая более 15 дней в месяц, наряду со злоупотреблением тем или иным лекарством от острого приступа.	Головная боль, вызванная избыточным применением лекарств (англ. аббревиатура МОН – medication-overuse headache), которая встречается примерно у 1–2% населения, определяется как головная боль, возникающая $\geq$ 15 дней в месяц, на фоне злоупотребления одним или несколькими препаратами для купирования приступов.

Метрика *ChrF* в результате сравнения эталонного и машинного перевода выдала оценку ноль, поскольку символы у двух переводов не совпадают (аббревиатуры и знаки препинания). В эталонном переводе употребляется терминологическая единица «Абузусная головная боль», которая часто используется в медицинских источниках, а также закреплена в МКБ-10 по коду G44.41. Машинные версии не находят эквивалента для передачи английского термина, поэтому используют дословный перевод. В данном случае, согласно подходу Д. М. Бузаджи, машинный перевод не сохранил узус переводимого языка, так как потеряна терминологическая единица *medication-overuse headache*, а также была использована неизвестная аббревиатурная единица, которая не подходит для данного контекста. Данный феномен можно отнести к внутренней галлюцинации, поскольку ее данные противоречат начальному тексту, который не содержит использованную единицу. Также наблюдаются стилистические ошибки: машинный перевод использует единицу «злоупотребление», которая имеет негативный окрас и не сочетается с научным стилем. В двух машинных переводах используется

единица «лекарства», что также можно считать нарушением стиля, поскольку регистр научного текста из-за этого снижается. Единица «острый приступ» требует дополнения, поскольку данный термин употребляется в дополнении с другими диагнозами. Неестественное употребление данной конструкции можно отнести к нарушениям, связанным с коннотацией.

Обратимся к переводу, сделанному большой языковой моделью. При сравнении эталонного и машинного перевода метрика *ChrF* выдает оценку ноль. Во втором переводе можно заметить нарушение, связанное со стилем, как и в первом примере используется слово «злоупотребление». Замечены смысловые нарушения, так как в оригинальном тексте не было речи «об одном или нескольких препаратах». Что касается положительных сторон перевода, *LLM* расшифровывает терминологическую единицу и добавляет оригинальный термин в скобках. Таким образом, реципиент распознает термин быстро в рамках научного контекста.

Обратимся к другому фрагменту перевода текста, в котором используются имена собственные и статистические данные (Табл. 2).

Таблица 2

Оценка качества передачи имен собственных и статистических данных

Оригинал	Эталонный перевод	Yandex Translate	Deepseek
The study included 694 patients and was conducted in European and Latin American countries. The combination of detoxification and preventive treatment was offered to 83% of patients. Forty-seven percent went back to an episodic headache, meaning less than 15 headache days a month and up to 62% stopped overusing.	В данном исследовании принимали участие 694 пациента, оно проводилось в странах Европы и Латинской Америки. Комбинация дезинтоксикации и профилактического лечения была предложена 83% пациентов. У 47% пациентов состояние улучшилось до эпизодической головной боли, что означает менее 15 дней с головной болью в месяц, и до 62% пациентов прекратили чрезмерное применение анальгетиков.	В это исследование были включены 694 пациента, и оно проводилось в странах Европы и Латинской Америки. Сочетание детоксикации и профилактического лечения было предложено 83% пациентов. У 47% из них эпизодические головные боли прекратились, то есть менее чем на 15 дней в месяц, и до 62% перестали ими злоупотреблять.	В исследовании приняли участие 694 пациента, а проводилось оно в странах Европы и Латинской Америки. Комбинацию детоксикации и профилактического лечения предложили 83% пациентов. У 47% головные боли вернулись к эпизодическому характеру, то есть стало менее 15 дней с головной болью в месяц, а до 62% прекратили злоупотребление лекарствами.

Метрика *ChrF* при сравнении машинного и эталонного переводов дает оценку 1.835, а при сравнении *LLM* и эталонного переводов дает оценку 1.689. Следовательно, символы в двух переводах имеют некоторое сходство. С точки зрения автоматической метрики, машинный перевод имеет чуть больше сходства с эталонным. Однако машинный перевод имеет смысловое

нарушение: «головные боли прекратились...менее чем на 15 дней в месяц», тогда как в оригинальном предложении утверждалось, что состояние пациентов постепенно улучшилось, головные боли длились менее 15 дней в месяц. Используется местоимение «ими», которое лучше заменить на прямое значение «лекарственные средства». В машинном переводе можно заметить стилистические нарушения и нарушение согласования, так как используется единица «это» вместо «данный». Используется единица «сочетание» вместо «комбинация», что недопустимо для научного медицинского текста.

Что касается перевода, выполненного *LLM*, то во всем тексте используется неполная пассивная синтаксическая форма. Используется калька «вернулись к эпизодическому характеру», тогда как в тексте скорее имеется в виду улучшение состояния пациентов. Подводя итоги отметим, что машинный перевод и перевод, выполненный большой языковой моделью, несильно отличаются друг от друга, но в переводе *LLM* используются более точные формулировки, которые являются важной частью научного стиля.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Существуют следующие особенности оценки качества машинного перевода: оценка бывает экспертной и автоматической. В качестве экспертной оценки были рассмотрены классификации *DQF-MQM* и типология Д. М. Бузаджи, а в качестве автоматической оценки рассматривалась метрика *ChrF*.

Машинный перевод является видом перевода, который выполняется при помощи компьютерных программ. Машинный перевод делится на следующие типы: статистический, нейронный, основанный на правилах, гибридный. Большими языковыми моделями обозначаются языковые модели, которые используют эмерджентные способности для выполнения сложных задач. В *LLM* используется система подсказок. Требуют практического опыта в области обработки данных.

Проведенный анализ выявил схожие типы ошибок в переводе, выполненном при помощи *LLM*, и в машинном переводе. Оценка по метрике *ChrF* демонстрирует схожие результаты с незначительным преимуществом машинного перевода. Однако качественный анализ позволяет утверждать, что перевод, выполненный *LLM*, превосходит машинный по следующим параметрам: *LLM* соблюдает грамматическую согласованность в тексте, в переводе, выполненном при помощи *LLM*, отсутствовали галлюцинации и содержались более естественные формулировки.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление типичных ошибок машинного перевода и перевода, выполненного *LLM*, на материале медицинского текста, использование различных промптов для выполнения перевода с использованием *LLM*.

Список литературы

1. **Абузусная головная боль:** описательный обзор. – Текст : электронный // Лечащий врач : [сайт]. – URL: https://www.lvrach.ru/foreign_articles/15439514 (дата обращения: 25.07.2025).
2. **Воронина, А. С.** Использование онлайн-платформ для перевода художественного текста / А. С. Воронина. – Текст : электронный // Вестник науки. – 2025. – № 1(82), т. 4. – С. 635–651. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

- article/n/ispolzovanie-onlayn-platform-dlya-perevoda-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 24.07.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
3. **Елизарова, Л. В.** Современные способы оценки качества машинного перевода / Л. В. Елизарова, К. К. Дмитриева // Язык. Культура. Коммуникации. – 2023. – № 24, ч. 1. – С. 115–126.
  4. **Исламов, Р. С.** Анализ современных систем машинного перевода типа SMT и RBMT / Р. С. Исламов, А. Г. Фомин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3(21), ч. 1. – С. 69–73.
  5. **Кононова, О. А.** Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов (на материале инструкций по эксплуатации) / О. А. Кононова, А. С. Персидская. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2025. – № 3(239). – С. 62–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-mashinnogo-i-professionalnogo-perevoda-tehnicheskikh-tekstov-na-materiale-instruktsiy-po-ekspluatatsii> (дата обращения: 23.07.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
  6. **A neural probabilistic language model** / Y. Bengio, R. Ducharme, P. Vincent, C. Janvin // Journal of Machine Learning Research. – 2003. – Vol. 3. – P. 1137–1155.
  7. **Global Machine Translation Market Report, History and Forecast 2018–2029.** – [S. l.] : QYResearch Group, 2023. – 107 p.
  8. **Gosalia, H.** Medication-overuse headache: a narrative review / H. Gosalia, D. Moreno-Ajona, P. J. Goadsby. – Text : electronic // J Headache Pain. – 2024. – Vol. 25. – P. 89. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38816828/> (date of access: 29.10.2025). – DOI 10.1186/s10194-024-01755-w.
  9. **Liu, X.** Statistical language modeling for information retrieval / X. Liu, W. B. Croft // Annual Review of Information Science and Technology. – 2005. – Vol. 39, № 1. – P. 1–31.
  10. **On Faithfulness and Factuality in Abstractive Summarization** / J. Maynez, S. Narayan, B. Bohnet, R. McDonald. – Text : electronic // arXiv preprint : [website]. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.00661v1> (date of access: 29.10.2025). – DOI 10.48550/arXiv.2005.00661.
  11. **Popovic, M.** 2015. chrF: character n-gram F-score for automatic MT evaluation / Maja Popovic // Tenth Workshop on Statistical Machine Translation : Proceedings of the Workshop, Lisboa, Portugal, 17–18 September 2015 / Association for Computational Linguistics. – Lisbon, Portugal, 2015. – ISBN 978-1-941643-32-7. – P. 392–395.
  12. **Recurrent neural network based language model** / T. Mikolov, M. Karafiat, L. Burget [et al.] // INTERSPEECH 2010 : 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association, Makuhari, Chiba, Japan, September 26–30, 2010 : in 4 vol. / Eds. T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura. – ISCA, 2010. – Vol. 1. – ISBN 978-1-61782-123-3. – P. 1045–1048.
  13. **Shannon, C. E.** Prediction and entropy of printed English / Shannon C. E. // Bell System Technical Journal. – 1951. – Vol. 30. – P. 50–64.

Abrosimova N. A.,
Lipchenko A. D.

**Quality Assessment of Machine Translation and Translation Generated
by Large Language Models in Medical Academic Texts**

The study aims to evaluate the quality of machine translation and translation generated by large language models (LLMs) in the context of medical academic texts. The article explores the features of neural machine translation (NMT) and LLM technologies. Quality assessment was conducted using the metric ChrF as well as expert evaluation. The results show that both large language models and machine translation applications exhibit similar flaws, which can be mitigated through well-crafted prompts as well as pre-and post-editing.

Key words: machine translation quality assessment, neural machine translation, large language models, medical text, translation models

Белютина Юлия Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «СмолГУ»
ryubelyutins@mail.ru

Ритуализация политического нарратива (на примере инаугурационных речей Д. Трампа)

Исследование выполнено на материале двух инаугурационных обращений Д. Трампа – 2017 и 2025 гг. Автор исходит из положения, что речи американских политиков при вступлении в должность президента следуют определенной временем традиции и модели. Частично этот тезис находит свое подтверждение: тексты этого жанра характеризуются интертекстуальностью, содержат обращение к национальным ценностям, полагаются на авторитеты. В то же время исследование обнаруживает и некоторые специфические особенности: Д. Трамп, вопреки традиции, прибегает к критике своих предшественников, его речь эмоционально заряжена, но не изобилует экспрессивными средствами языка.

Ключевые слова: политический нарратив, ритуализация, инаугурационная речь, Д. Трамп, интертекстуальность, экспрессивные средства языка

Дискурс как языковое явление исследуется по различным направлениям, среди них: собственно лингвистическое, социолингвистическое, этнолингвистическое, лингвокультурологическое, прагматическое. Суть последнего, помимо прочего, состоит в выявлении таких продуктивных составляющих, как степень точности и фундаментальности, ориентация на fascinatивность или информативность в общении, значимость фатической составляющей, уровень ритуальности.

Ритуальность как неотъемлемый компонент присутствует в разных типах дискурса – бытовом, институциональном, статусно-ориентированном, сложнее найти его признаки в бытийном (художественном или философском). Через ритуал как стереотипизованную последовательность символически обусловленных актов самим фактом его использования фиксируется принадлежность участников к определенной группе и демонстрируется их сознательная принадлежность к ней. В. И. Карасик пишет о цикличном характере ритуальных коммуникативных действий, которые тяготеют к определенным датам или ассоциируются с конкретными событиями, об их всеобщей значимости для ограниченного коллектива, их способности консолидировать участников и мобилизовывать на решение общей задачи или выработку общего отношения к чему-либо [1, с. 157–160].

Политический дискурс, во многом опирающийся на жестко закрепленные документально или опытно стереотипизованные практики, часто становится образцом ритуализированной коммуникации. Одним из иллюстративных примеров церемониальности политического

нарратива является вступление в должность президента с инаугурационной речью, которая подвергнется в статье всестороннему анализу.

Прообразом процедуры инаугурации послужила коронация монархов, сохранившаяся только в Великобритании, и которая за многовековую историю не претерпела никаких значимых изменений. А собственно традиция произносить инаугурационную речь при вступлении в должность президента сложилась в США, вслед за этим руководители многих государств приступают к обязанностям в торжественной обстановке и следуя сложившемуся в своей стране ритуалу.

Так, например, во Франции новоизбранный президент не приносит присягу. Результаты выборов оглашаются непосредственно на инаугурации Председателем Конституционного совета, который представляет нового главу государства, вслед за чем дается оружейный салют и звучит короткая речь президента. В Индии церемония передачи полномочий от старого президента новому называется «обмен креслами», она завершается приведением нового президента к присяге и произнесением инаугурационной речи. В России процедура инаугурации схожая, она ознаменована традицией совершения молебна в Благовещенском соборе Московского Кремля с участием президента. У родоначальников данного ритуала, американцев, дата вступления президента в должность зафиксирована в Конституции – 20 января, если этот день не приходится на воскресенье. Торжество начинается с молитвы и сопровождается определенными этапами, среди которых значатся традиционное принесение присяги, чей текст прописан в основном законе страны, и выступление с обращением.

В современном языкознании исследование инаугурационных речей является актуальным направлением и связано с именами Е. И. Шейгал, Е. А. Моргун, О. В. Спиридовского, М. В. Гавриловой, T. Van Dijk, K. Campbell, K. Jamieson, R. Joslyn и других авторов. Анализировались композиционно-речевые особенности, ценностные, когнитивно-познавательные, поведенческие аспекты, функциональная значимость, концептосфера, специфика разных языковых уровней, стилистическая ценность, стратегии и тактики, этнокультурные факторы, а также восприятие и роль слушающего.

Шейгал Е. И. называет инаугурационную речь «политическим перформативом» в том смысле, что ее произнесение и является, по сути, актом вступления нового президента в должность. Основу перформативности составляет собственно клятва – «ядро» выступления, саму же речь профессор считает его «расширением» [3, с. 205]. С таким подходом к пониманию инаугурационной речи перекликается и определение Е. А. Моргун, обозначившей ее как «политическое действие», отражающее «идеалистические реалии, традиционные идейные ценности и национальные ментальные особенности общества в условиях перехода и легитимизации государственной власти» через призму особого «знакового пространства», которое детерминирует лингвистическую и экстралингвистическую специфику данного вида публичных выступлений: лексику, синтаксис, средства и способы выражения, приемы воздействия, круг тем и т. д. [2, с. 192]

Поскольку инаугурационная речь интегрирована в большую тождественную церемонию, она объединяет в себе осмысление прошлого (работы предыдущей администрации) и будущего нации (связанного с

новоизбранным президентом), ее основной задачей видится сплочение электората вокруг новой власти, артикуляция ценностей, пропагандируемых руководством. Возможно по этой причине американская исследовательница Р. Джослин обозначила обращение к нации при вступлении в должность как «безопасную риторику» («riskless rethoric»), подразумевая, что в нем не содержится полемических утверждений, стимулирующих несогласие, возражение, бросающих вызов, отсутствует новизна, акцентирующая внимание на содержании высказывания, преобладает фатическая функция над информационной [5, с. 316].

В настоящем исследовании будет представлен сравнительный анализ инаугурационных выступлений Д. Трампа при вступлении в должность в 2017 и 2025 годах. Прежде, чем перейти к описанию собственных результатов, приведем некоторые имеющиеся данные изысканий относительно речей президентов США на процедуре инаугурации.

Так, например, американские специалисты в области ораторского искусства К. Campbell и К. Jamieson охарактеризовали риторический настрой президентского послания в Соединенных Штатах как торжественный, возвышенный элегантный литературный стиль, которому присущи пафос объединения усилий и образная речь [4, с. 29–34]. В другом исследовании, анализирующем политический и исторический контекст и его влияние на содержание выступлений американских президентов, указываются базовые темы, встречающиеся в 100% случаев – единство нации, демократия, сила Америки, Конституция, Бог, а также некоторые другие, очень популярные – свобода, патриотизм, справедливость, равенство, счастье, низкие налоги [8, с. 17].

Что касается выступлений Д. Трампа, то для сравнения имеется два текста инаугурационных речей, произнесенных им на церемонии вступления в должность 20 января 2017 года и 20 января 2025 года. Первая длилась около 20 минут и насчитывала почти полторы тысячи слов, вторая заняла 30 минут и состояла из 2885 слов (согласно статистике, они находятся в среднем диапазоне по этому показателю). Обе вполне соответствуют описанным выше общим признакам, однако в них были выделены некоторые другие объединяющие их свойства, которые будут рассмотрены подробно.

Как и другие образцы политического нарратива, инаугурационные речи обладают достаточно высокой степенью *интертекстуальности*, проявляющейся как в прямых отсылках к предтексту, так и косвенных. Например, несмотря на то, что США – светское государство и в стране нет официальной религии, американские политики часто используют религиозные мотивы в своих обращениях и интервью. Анализируемые фрагменты политического нарратива не явились исключением: в обоих из них содержатся темы или фразы, которые переплетаются с Библией, обращаются к религиозной аудитории.

«The bible tells us *how good and pleasant it is when god's people live together in unity*. We must speak our minds openly, debate our disagreements honestly, but always pursue solidarity. When America is united, America is totally unstoppable» [6]. В данном отрывке Д. Трамп не дословно цитирует 133 псалом, донося таким образом свой призыв к национальному единству и обращаясь к давней традиции президентов США через Священное Писание придавать

вес высказыванию. Подобное находим и во втором тексте: «But I felt then, and believe even more so now, that my life was saved for a reason. *I was saved by God to make America great again*» [7]. Приведенный тезис перекликается с повествованием из Ветхого Завета о том, как Моисей был избран Господом, чтобы привести народ в Землю Обетованную, чтобы сделать его свободным и счастливым.

В выступлениях содержатся отсылки и к другим прецедентным текстам – Декларации независимости, Конституции, Закону о враждебных иностранцах, иным национальным символам и идеям: «... today, we are not merely transferring power from one administration to another or from one party to another, but *we are transferring power from Washington, D. C., and giving it back to you, the people*» [6]. Утверждение о передаче власти в руки народа Америки солидаризируется с Американской революцией, результатом которой стали разрыв отношений с колонизаторской Великобританией, Декларация независимости, провозглашение идеи самоуправления. Вера в большое и светлое будущее нации вербализуется и в расширении ее влияния за пределы планеты Земля: «And we will pursue our *manifest destiny* into the stars, launching American astronauts to *plant the Stars and Stripes* on the planet Mars» [7]. *Stars and stripes* – сочетание символов на звездно-полосатом флаге США, его появление вне территории государства обозначает установление влияния на этом пространстве. Сама фраза *manifest destiny* ссылается на так называемую «доктрину предначертанности», культурное представление времен XIX века о священном праве американцев на экспансионизм, захват и освоение Дикого Запада.

Аллюзия на высказывания своих предшественников также не чужда выступлениям Д. Трампа, в частности, утверждение «*The forgotten men and women of our country will be forgotten no longer*» [6] было впервые использовано в 2017 году, а потом продублировано на второй инаугурации. Оно резонирует, во-первых, с популистским высказыванием республиканца Эндрю Джексона, который позиционировал себя как защитника простого человека от коррумпированной элиты. С другой стороны, напоминает о *forgotten man* – концепции Ф. Д. Рузвельта, использовавшейся активно в его риторике во время Великой депрессии и снискавшей ему поддержку забытых американцев, так называемых «отбросов общества». В этой же связи можно привести аллюзию на известный лозунг «*Drill, baby, drill*», который сначала использовали в кампании по продвижению увеличения объема бурения газовых и нефтяных скважин в США, а потом задействовали республиканцы в своей предвыборной агитации. Эту фразу в политическом контексте произнесла Сара Пейлин, в то время кандидат на пост вице-президента, во время дебатов. Слова Д. Трампа «And that is why today I will also declare a national energy emergency. We will *drill, baby, drill*» [7] обозначают устремление его администрации к политике энергетической независимости и ресурсообеспеченности.

Отметим также неоднократное обращение американского президента к собственным лозунгам в обоих посланиях. *Make America great again* (MAGA) [6; 7] – призыв, ставший чрезвычайно популярным во время первой предвыборной кампании Д. Трампа, который он позаимствовал у своего предшественника и однопартийца Рональда Рейгана. Впервые

это обращение прозвучало в программе в 1980 году, когда американская экономика испытывала значительные трудности, а кандидат в президенты стремился убедить электорат, что сумеет преодолеть трудности и вернуть стране былое величие. В обоих случаях можно заметить скрытую критику администрации предшественника и попытку найти отклик у тех, кто считает, что государство утрачивает позиции на мировой арене. *America first* – лозунг, использованный еще в ходе выборов 1916 года президентом Вудро Вильсоном, который обещал сохранять нейтралитет США в Первой мировой войне. Однако есть версия, что первенство в использовании этого обращения принадлежит американской нативистской политической партии, в 1850-х годах выступавшей за ограничение миграции и запрет иностранцам избираться на общественные должности. В настоящее время заявление *America first* связывается с американской исключительностью, невмешательством США во внешние события и приоритет внутренней повестки. Д. Трамп популяризировал данное высказывание, подчеркивая выход Соединенных Штатов из международных договоров и организаций. Он пояснил, что для восстановления экономической и военной мощи Америке нужно на какое-то время «уйти в себя», избавиться от излишней нагрузки в виде обязательств перед другими государствами. Надо отметить, что у этой идеи есть масса сторонников, к которым он и апеллирует.

Затронем также еще один концепт, к которому американские президенты нередко обращаются в своей риторике – это идея американской мечты (*American Dream*), в самом общем понимании которой формулируются материальные и духовные жизненные идеалы населения США. Так, например, Гарри Трумэн упоминал американскую исключительность, самую великую нацию, над которой когда-либо светило солнце в своем обращении к Конгрессу в 1945 году: «America was not built on fear. America was built on courage, on imagination, and an unbeatable determination to do the job at hand» [8]. В 1957 году на инаугурации Дуайт Эйзенхауэр произнес следующее: «We are not afraid of change in this world. Everywhere we see the seeds of the same growth that was in America. The American experiment for generations has aroused the passion and courage of millions of people seeking freedom, equality, and opportunity» [8]. Таково было его видение американской мечты. Барак Обама в выступлении, записанном для Зала президентов во Флориде в 2009 году, акцентировал: «The American dream is as old as our founding, but as timeless as our hopes» [8]. Он неоднократно упоминал такие базовые для простых американцев ценности, как хорошая работа, право на получение медицинской помощи, на достойную старость, на образование.

Собственное понимание концепта американской мечты находим и в инаугурационных выступлениях Д. Трампа. В 2025 году данная тема выражена эксплицитно: «The American Dream will soon be back and thriving like never before» [7]. Ее основными мотивами в речи выступают процветание, вера в демократию, соблюдение упомянутых в Конституции свобод, в особенности свободы выражения. В 2017 году многократное упоминание лексемы «dream» не обязательно указывает на национальную идею, но, на наш взгляд, отсылка к универсальным американским ценностям содержится в следующем фрагменте: «Finally, we must think big and dream even bigger. In America, we understand that a nation is only living as

long as it is striving. <...> We will not fail. Our country will thrive and prosper again» [6]. Среди них упоминаются готовность к развитию и процветанию, единство нации, стремление к действию.

Вопреки упомянутой выше тенденции, которая была отмечена в некоторых зарубежных исследованиях, не затрагивать потенциально конфликтные темы на инаугурации, Д. Трамп не стремился сделать свои выступления сугубо объединяющими и примиряющими. «For too long, a small group in our nation's capital has reaped the rewards of government while the people have born the cost. Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed. The establishment protected itself, but not the citizens of our country. Their victories have not been your victories. Their triumphs have not been your triumphs and, while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land» [6]. «As we gather today, our government confronts a crisis of trust. For many years, the radical and corrupt establishment has extracted power and wealth from our citizens. While the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair, we now have a government that cannot manage even a simple crisis at home while at the same time stumbling into a continuing catalog of catastrophic events abroad. It fails to protect our magnificent, law-abiding American citizens but provides sanctuary and protection for dangerous criminals, many from prisons and mental institutions that have illegally entered our country from all over the world. We have a government that has given unlimited funding to the defense of foreign borders but refuses to defend American borders, or more importantly, its own people» [7]. В обоих речах содержится критика сложившегося политического истеблишмента, что позиционирует Д. Трампа как не причастного к неудачам его предшественников, борца с коррумпированной элитой, сторонника пострадавших от ее действий.

Собственно лингвистический анализ выступлений Д. Трампа как 45-го и 47-го президента указывает на наличие некоторых специфических характеристик.

В частности, речам не свойственна образность и стилистическая экспрессивность, обнаружены лишь отдельные примеры использования метафор («trapped in poverty», «flush with cash», «factories scattered like tombstones», «American carnage»), гипербол («I will fight for you with every breath in my body»), красочных эпитетов («America will soon be greater, stronger, and far more exceptional than ever before»), метонимии («we are transferring power from Washington, D. C., and giving it back to you, the people»), лексических повторов («We are *protected* and we will always be *protected*. We will be *protected* by the great men and women of our military and law enforcement and most importantly, we will be *protected* by God»), синтаксического параллелизма («Their victories have not been your victories. Their triumphs have not been your triumphs»), синтаксических повторов («We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth») и некоторых других стилистических приемов.

От других политиков Д. Трампа отличает фрагментарное использование разговорной лексики, односложных предложений типа «We will be prosperous», «The future is ours», что направлено на простого

слушателя с целью сделать речь более доступной для него. Интересное наблюдение можно сделать относительно временной линии «прошлое – настоящее – будущее». Часто, упоминая прошлое, Д. Трамп описывает его в негативном свете, а будущее обычно представлено оптимистично. Настоящее окрашено по-разному, в зависимости от того, связано ли оно с ним или с его оппонентами.

Наконец, использование личных и притяжательных местоимений, по нашему наблюдению, сохраняет привычный тренд, намеченный в политическом нарративе: местоимения *we, us, our* используются с целью объединения, очерчивания «круга своих», обозначения кооперативной стратегии; местоимения *they, them, their* являются признаками размежевания, стремления обозначить отсутствие принадлежности к группе, сопричастности к ее ошибкам и неудачам; местоимения *I, me, my* могут быть связаны с намерением подчеркнуть личностное начало, показать собственную значимость, приобщенность к важным событиям, существенным достижениям.

Таким образом, анализ инаугурационных выступлений Д. Трампа подтверждает их ритуализированный характер как типичного образца политического нарратива. Они в целом соответствуют структуре и формату текстов подобного жанра, обладают высокой степенью интертекстуальности и задействуют цитаты, аллюзии, прецедентные тексты, имена и феномены. Проповедуемые идеи не лишены популизма, в частности, востребованная в американском обществе национальная ценность, известная как американская мечта, в речах Трампа получила очертание демократического процветающего будущего нации, в котором соблюдаются все права и свободы, власть принадлежит людям Америки. Вместе с тем, выступления Трампа отличает наличие прямолинейной критики предшественников, эмоциональная заряженность речи, выражающаяся в умеренном снижении стиля, использовании разговорной лексики и односоставных предложений, ограниченном применении экспрессивных средств языка.

В качестве перспективы исследования обозначим возможность сравнения инаугурационных речей других американских политиков, в том числе принадлежащих к разным политическим партиям, исследование степени ритуализации иных традиционных политических выступлений, уровню их соответствия описанной выше модели.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Ритуальный дискурс / В. И. Карасик // Жанры речи : сб. науч. статей / [редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) и др.]. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – ISBN 5-94409-014-6. – С. 155–170.
2. Моргун, Е. А. Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивнопрагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов) / Е. А. Моргун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2(4). – С. 192–194.
3. Шейгал, Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е. И. Шейгал // Жанры речи : сб. науч. статей / [редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) и др.]. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – ISBN 5-94409-014-6. – С. 205–213.

4. **Campbell, K. K.** Presidents creating the presidency : deeds done in words / K. K. Campbell, K. H. Jamieson. – Chicago ; London : Univ. of Chicago press, 2008. – 384 p. – ISBN 9780226092218.
5. **Joslyn, R.** Keeping politics in the study of political discourse / R. Joslyn. – Columbia : The University of South Carolina Press, 1986. – 336 p.
6. **President Donald Trump Inauguration Speech 2017** : [video]. – Image (moving ; two-dimensional) : electronic // RUTUBE : [website]. – URL: <https://rutube.ru/video/af72297b4e97e07020d2a43130cfa6e8/> (date of access: 20.06.2025).
7. **President Donald Trump Inauguration Speech 2025** : [video]. – Image (moving ; two-dimensional) : electronic // Яндекс : [website]. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/1826968200339958832> (date of access: 20.06.2025).
8. **Vile, J. R.** The drama of presidential inaugurations and inaugural addresses from Washington through to Biden / John R. Vile. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2023. – 395 p.

Belyutina Yu. A.

Ritualization of Political Narrative (by the Example of D. Trump's Inaugural Addresses)

The article considers the degree of ritualization of political narrative and it is based on D. Trump's inaugural speeches pronounced in 2017 and 2025. The author relies on the assumption that during inauguration American politicians follow a certain pattern and traditions determined by the time. Partially this hypothesis is confirmed: texts of this genre exhibit intertextuality, address national values, trust authorities. At the same time the study displays some peculiarities: contrary to tradition, D. Trump resorts to criticizing his predecessors, his speech is emotional, but it does not abound in expressive language means.

Key words: *political narrative, ritualization, inauguration address, D. Trump, intertextuality, expressive language means*

Быкова Анна Викторовна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
ФГБОУ ВО «КГТА им. В. А. Дегтярёва»
anna_bykova@mail.ru

Актуальные вопросы реализации однокоренных синонимов в технической литературе

В статье рассматриваются вопросы реализации однокоренных синонимов английского языка в технической англоязычной литературе, уточняется понятие однокоренных синонимов ввиду большого разнообразия трактовок однокоренных параллелизмов, определяются особенности функционирования моделей образования однокоренных синонимов в технической литературе, как классической, так и современной. Автор утверждает, что анализ специфики подязыковой реализации однокоренных синонимов способствует пониманию причин возникновения данных синонимов и актуализирует модели их образования.

Ключевые слова: однокоренные синонимы, способ словообразования, модель образования, коррелят, подязык

Вопросы синонимии изучаются уже долгое время, но, тем не менее, к проблеме понятия «синоним» лингвисты возвращаются вновь и вновь. Синонимичные слова — это слова, которые соответствуют или почти соответствуют в каком-либо значении и поэтому могут взаимозаменяться в определенных границах, но за пределами этих границ они могут значительно различаться в значении и использовании. Согласно классификации точных синонимов Ю. Д. Апресяна [1], среди них различаются:

- 1) исконные разнокоренные слова;
- 2) заимствованные и исконные слова;
- 3) однокоренные слова;
- 4) слова и фразеологические единицы;
- 5) слова в экспрессивном значении;
- 6) слова в переносном значении;
- 7) слова в так называемом фразеологически связанном значении.

Особо стоит отметить однокоренные слова, имеющие полную семантическую, лексическую и синтаксическую сочетаемость, которые следует обозначать как однокоренные синонимы. Чёткая постановка и активная разработка проблемы однокоренных синонимов является заслугой отечественных языковедов, в чьих работах есть ответ на вопрос: чем являются однокоренные слова с разными словообразовательными элементами? [2; 6] Весьма убедительно, что разные деривационные формативы (словообразовательные элементы) существуют не для того, чтобы создавать варианты одного и того же слова, а для того, чтобы создавать новые, самостоятельные слова [3; 4; 5], поэтому в дальнейшем однокоренные параллелизмы с неодинаковыми деривационными формативами

рассматриваются как разные слова-синонимы, а именно как однокоренные синонимы. В свете изложенного можно дать следующее определение однокоренных синонимов: однокоренными синонимами называются слова, совпадающие как минимум в одном из своих лексических значений и обладающие как минимум одной общей корневой морфемой, при этом словообразовательные элементы могут различаться.

Разумеется, в зарубежной лингвистике также можно встретить интересные работы, так или иначе касающиеся явления однокоренных синонимов, но попыток изучить, как реализуются однокоренные синонимы в различных подъязыках, в них практически нет. Если говорить о художественной литературе, то здесь встречаются работы, которые описывают функционирование однокоренных синонимов, активность моделей образования последних в художественных текстах. В технической литературе очень мало работ, связанных с изучением специфики реализации однокоренных синонимов и их моделей образования, поэтому, выявив особенности подъязыковой реализации однокоренных синонимов, можно, в определенной степени, установить наиболее вероятные тенденции развития искомых синонимов как части лексической системы английского языка.

Недостаточная изученность функционирования однокоренных синонимов в техническом подъязыке, с учетом, что последние являются одним из наиболее распространенных способов отражения реальной действительности в лексической системе английского языка, определила актуальность данного исследования. Следует отметить, что анализ подъязыковой специфики реализации однокоренных синонимов в различные временные периоды представляет собой достаточно новую тенденцию, имеющую и теоретическую, и практическую значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что, проследив конкуренцию словообразовательных моделей однокоренных синонимов в различные периоды, можно установить причины образования и использования той или иной модели образования однокоренных синонимов. Практическая значимость исследования состоит в получении фактического материала, который может и должен быть использован в практике преподавания английского языка.

Таким образом, изучение тех или иных аспектов проблемы однокоренных синонимов представляет не только теоретический интерес, но имеет и прикладное значение. Перед каждым, кто изучает, преподаёт английский язык, а также переводит на него, сразу же возникает много трудностей, когда он сталкивается с парами типа *etimologer – etimologist*, *activeness – activity*, *untruthful – ruthless*, *pharmaceutical – pharmacal*, *advance – advancement*, *dynamic – dynamical*, *to canal – to canalize*, и т. д. Как отдельные компоненты грамматической системы языка не изучены в полном объёме, так и в лексической системе языка существует достаточное количество вопросов, требующих дальнейшего исследования.

Подъязыковая специфика реализации однокоренных синонимов представляет практический интерес для исследования, поскольку технический подъязык достаточно консервативен. Следует отметить, что распределение однокоренных синонимов в технической литературе не

похоже ни на какое другое. Значительное варьирование моделей образования однокоренных синонимов не наблюдается, поскольку невозможно рассмотреть все случаи речевой реализации однокоренных синонимов, поэтому представляется целесообразным проследить функционирование в текстах не самих однокоренных синонимов, а лишь актуализацию моделей их образования на примере типичных случаев. Для этого в число объектов исследования включены следующие модели.

Первый тип – *unhopeful/hopeless* – данная модель описывает имена прилагательные, образованные по способу префиксации – суффиксация/суффиксация.

Второй тип – *horrid/horrible* – модель описывает имена прилагательные, образованные по способу суффиксация/суффиксация.

Третий тип – *rapidity/rapidness* – данная модель описывает имена существительные, образованные по способу суффиксация/суффиксация.

Четвёртый тип – *chap/chapman* – модель представляет разные части речи, где один из синонимов образован по способу усечения.

Пятый тип – *to back/to backen* – данная модель описывает класс глаголов, где словообразование происходит путём конверсия/суффиксация.

Способ отбора однокоренных синонимов является приближенным к методу сплошного набора: из журналов технической направленности в любом случайном месте отбирались подряд все интересующие нас единицы, и процедура повторялась многократно до тех пор, пока не было сформировано необходимое число выборок по сто объектов в каждой. Общее их количество составило 1500. Указанные единицы исследовались:

- в литературе по приборостроению, а именно – журналы «Instruments and Control Systems» второй половины XX века;

- в литературе по цифровым технологиям, искусственному интеллекту, нанотехнологии, а именно – журналы «Nature Nanotechnology», «Satellite Navigation», «Artificial Intelligence», «Drones» за 2024–2025 годы.

Исследование изучаемых однокоренных синонимов в техническом подязыке прошлого века и современности является ключевым моментом.

Тип 1 не является доминирующим. Однокоренные синонимы, образованные по этой модели, в описаниях различных приборов встречаются крайне редко. Так, в просмотренном материале дважды обнаружен вариант *regardless (regardless/unregarded)*: «The profiles are symmetrical regardless of the transverse plane intersecting the flow centerline» [7]; «Regardless of the fact that the sensors themselves may be quite accurate...» [8].

В современной технической литературе складывается аналогичная ситуация. В данном процессе сплошного отбора модель данного типа не была отмечена.

Тип 2: примеры этой модели подразделяются на две группы, где в первую группу относят примеры типа *statistical/statistic*, *peripheral/peripheric*, *symmetrical/symmetric*, *magnetical/magnetic* [8; 9; 11]. Наиболее употребительными в технической литературе прошлого века являются варианты с *-al*, за исключением варианта *magnetic*. Ко второй группе относятся пары типа *repetitive/repetitious*, *capacitive/capacitative*, где первый коррелят активно употребляется в данном подязыке.

В современной технической литературе примеры этой модели представлены первой группой: *atmospheric/atmospherical, kinematic/kinematical, critical/critic, dynamic/dynamical, robotic/robotical* [7; 8; 9]. Наиболее употребительными являются варианты без *-al*, за исключением варианта *critical*.

Тип 3: эта модель достигает максимальной частотности употребления. Она составляет 70% от общего количества выборов. В журналах по приборостроению на каждой странице, иногда и не один раз, наблюдаем следующие образования: *connectivity, flexibility, dependability, activity, reliability, proximity* [10; 11; 12], причем все эти синонимы имеют в качестве своего коррелята образования с суффиксом *-ness*. Исключение составляет пара *effectiveness/effectivity*, так как на фоне стабильного употребления первого члена пары употребление варианта «effectivity» не было отмечено.

Что касается современных журналов, то данная модель также употребляется максимально часто, а также отмечается частотное использование модели с суффиксацией: *advance/advancement, deploy/deployment, spec/specification*, за исключением пары *therapy/therapeusis* [7; 11; 12], где второй коррелят не используется в речи.

Тип 4, а значит и модель усеечения слов, в техническом подязыке не наблюдается, что подтверждает общеизвестное мнение о том, что данный процесс характерен для разговорной речи, а не для технического описания различных приборов, схем и т. д.

Тип 5: в техническом подязыке были отмечены употребления глаголов на *-ize*, но они не принадлежали к числу суффиксальных глаголов, образованных от конверсионных вариантов.

Таким образом, синхронный срез второй половины XX века и синхронный срез XXI века подязыка техники выявил активность модели типа 3 и 2. Внутри каждого типа доминирует один из его коррелятов. Минимальная вариативность однокоренных синонимов, стабильное употребление одних коррелятов на фоне полного отсутствия других являются основными чертами технического подязыка. Понимание особенностей использования того или иного коррелята пары однокоренных синонимов, особенно в современной научно-технической литературе, значительно пополняет лексические и стилистические ресурсы возможности пользователей английского языка.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что характер использования моделей образования однокоренных синонимов в подязыке техники говорит о консервативности технического языка, что, впрочем, соответствует задачам его использования. В статье был рассмотрен лишь небольшой срез функционирования однокоренных синонимов в техническом подязыке. Выявление тенденций, механизма преемственности языковых состояний, их подязыковой и синтагматической реализации представляет интерес для дальнейшего комплексного исследования процесса функционирования однокоренных синонимов.

Список литературы

1. **Апресян, Ю. Д.** Синонимия и синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 75–91.
2. **Архипов, И. К.** Становление словообразовательной парадигмы основ английских прилагательных / И. К. Архипов // Дiachронические исследования германских языков : межвуз. темат. сб. / [редкол.: В. В. Климов (отв. ред.) и др.]. – Калинин, 1982. – С. 18–24.
3. **Быкова, А. В.** Дiachронический анализ однокоренных синонимов (подъязыковое распределение) : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Быкова Анна Викторовна ; Нижегородский гос. лингвист. ун-т. – Нижний Новгород, 2002. – 241 с.
4. **Гречко, В. А.** Однокоренные синонимы и варианты слова / В. А. Гречко // Очерки по синонимике современного русского литературного языка : [сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. А. П. Евгеньева]. – Москва ; Ленинград, 1966. – С. 118–122.
5. **Иванникова, Е. А.** К вопросу о взаимоотношения понятия варианта с понятием синонима / Е. А. Иванникова // Синонимы русского языка и их особенности : [сб. статей] / [отв. ред. А. П. Евгеньева]. – Ленинград, 1972. – С. 139–150.
6. **Семко, С. А.** К структурной характеристике английских однокоренных синонимов / С. А. Семко // Теоретические вопросы английской филологии (лексикология) : Респ. сборник / редкол.: Э. Н. Плеухина (отв. ред.) [и др.]. – Горький, 1974. – [Т. 1] : Грамматика, фонетика. – С. 49–54.
7. **Multi-frequency smartphone positioning performance evaluation: insights into A-GNSS PPP-B2b services and beyond.** – Текст : электронный // Satellite Navigation : [website]. – URL: <https://satellite-navigation.springeropen.com/articles/10.1186/s43020-024-00146-5>.article25/2024 (дата обращения: 11.05.2025).
8. **Bridging ACO-Based Drone Logistics and Computing Continuum for Enhanced Smart City Applications.** – Text : electronic // Drones : [website]. – URL: <https://www.mdpi.com/2504-446X/9/5/368>.article/2025 (date of access: 10.05.2025).
9. **Artificial intelligence, machine learning and deep learning in advanced robotics.** – Text : electronic // Artificial Intelligence : [website]. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.cogr.2023.04.001>.review/2024 (date of access: 10.05.2025).
10. **Chemistry, manufacturing and controls strategies for using novel excipients in lipid nanoparticles.** – Text : electronic // Nature Nanotechnology : [website]. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41565-024-01833-9>.article20/2025 (date of access: 11.05.2025).
11. **Designing nanotheranostics with machine learning.** – Text : electronic // Nature Nanotechnology : [website]. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41565-024-01753-8>.article19/2024 (date of access: 11.04.2025).

Bykova A. V.

**Current Issues of Implementation of Single-root Synonyms
in Technical Literature**

This article examines the issues of the implementation of single-root synonyms of the English language in technical English literature. The concept of single-root synonyms is clarified due to the wide variety of interpretations of single-root parallelisms. The functioning of the models of formation of single-root synonyms in technical literature, both classical and modern, is investigated. The analysis of the specifics of the sublingual implementation of single-root synonyms contributes to understanding the causes of these synonyms appearance and actualizes the models of their formation.

Key words: *single-root synonyms, word formation method, formation model, correlate, sublanguage*

Жулева Мария Игоревна,
преподаватель кафедры русского языка и
методики преподавания русского языка
ФГБОУ ВО «ОГПУ»
zhuleva.mariya@mail.ru

Особенности номинаций организаций сферы цветочного бизнеса (на примере эргонимов г. Оренбурга)

Статья посвящена исследованию одного из пластов языка города – особенностей коммерческой номинации. Автором представлены результаты лексико-семантического и компонентного анализа названий организаций сферы цветочного бизнеса. Материалом для изучения выступили полученные методом сплошной выборки 104 наименования компаний, оказывающих услуги по продаже и доставке цветов на территории города Оренбурга. В ходе исследования определены тенденции в номинации указанной группы организаций, рассмотрены примеры использования приемов языковой игры, раскрыт прагматический потенциал наименований. Выявлены распространенные лексические компоненты, употребляемые в составе названий цветочных магазинов Оренбурга.

Ключевые слова: ономастическое пространство, номинация, эргонимы, коммерческое название, языковая игра, приемы языковой игры, фитонимы

Распространение социальных сетей и возможность создания личных сайтов привело к значительным изменениям в сфере частного бизнеса. Многие компании стали активно использовать возможные способы продвижения и реализации предлагаемой продукции с помощью рекламы в социальных сетях. Развитие Интернета открыло новые возможности для продвижения личного бренда, освещения пути развития компании, демонстрации ассортимента потенциальным покупателям, заинтересованным пользователями. Не менее важной стала возможность установления оперативной обратной связи между продавцом и покупателем, которая позволяет сократить срок получения потребителем товара или услуги.

В социальных сетях компания может быть идентифицирована по оригинальному названию, которое, будучи однажды воспринятым, может остаться в сознании адресата, а в некоторых случаях даже привести к возникновению устойчивых ассоциаций с конкретным видом товара или услугой [2, с. 30]. При необходимости, когда возникает потребность в приобретении товара или услуги, это название может быть актуализировано будущим потребителем и воспринято как уже знакомое, а сама организация – вызвать больше доверия в сравнении с другими компаниями, с которыми потенциальный покупатель сталкивается впервые. Несмотря

на стремительные изменения на рынке товаров и услуг, наименование организации продолжает оставаться неотъемлемой составляющей бренда, формирует образ компании и позволяет сделать его узнаваемым на рынке [5, с. 79].

Проблемы создания и поддержания положительного образа компании привлекают внимание представителей различных отраслей науки: экономики, менеджмента, социологии, психологии и др. Этот вопрос не остается без внимания лингвистов, изучающих на материале коммерческих названий динамику развития и современные тенденции языка города.

В лингвистических исследованиях данная проблема рассматривается в рамках науки об именах собственных – ономастики. Основы теории имени собственного разработаны в трудах отечественных лингвистов: В. Д. Бондалетова, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской и др. Для обозначения собственного имени, используемого для названия делового объединения людей, Н. В. Подольской был предложен термин «эргоним», который впоследствии получил широкое употребление в ономастических исследованиях [4, с. 151]. Эргонимы, рассчитанные на восприятие массового потребителя, представляют собой многочисленный и активно пополняемый класс современных онимов, обуславливающий исследовательский интерес ученых.

На создание коммерческих названий оказывает влияние ряд внеязыковых факторов – условий номинации, не связанных с языком. Как правило, в качестве экстралингвистических факторов выступают традиция, мода, личные предпочтения номинатора, особенности потенциального потребителя [1, с. 324; 8, с. 57].

Одним из актуальных аспектов исследования ономастического пространства нам представляется выявление особенностей эргонимов – названий компаний, которые относятся к определенной сфере деятельности. Например, сфера цветочного бизнеса в российских городах представлена многочисленными компаниями, каждая из которых стремится привлечь внимание потенциального покупателя различными способами, в частности путем использования оригинального названия. В связи с этим в качестве материала для изучения могут выступать коммерческие названия организаций, осуществляющих деятельность, связанную с продажей и доставкой цветов на определенной территории.

В ходе рассмотрения источников по теме исследования выяснилось, что трудов, посвященных изучению номинаций цветочных организаций, немного. Тем не менее, нами обнаружено исследование В. Э. Сажинной и В. Ю. Савицкой по выявлению этнических маркеров в ономастическом пространстве Сыктывкара, в том числе был представлен анализ названий «цветочных салонов» [7]. В работе А. А. Талицкой и Ю. Е. Зуевой отражена структурная, семантическая и функциональная классификация рассматриваемой группы онимов, выявлены сходства и различия номинаций цветочных магазинов на примере российского города Ярославля и чешского города Брно [9]. В статье С. А. Питиной и Е. В. Харченко установлены универсальные характеристики названий цветочных магазинов, отражены результаты мотивационного анализа, а также определены основные способы образования «цветочных» эргонимов [3, с. 97].

С целью изучения основных тенденций городского ономастикона нами были рассмотрены наименования оренбургских организаций цветочного бизнеса. В ходе работы использовались метод сплошной выборки, описательный метод, лексико-семантический анализ, компонентный анализ языковых единиц.

В рамках исследования методом сплошной выборки нами были отобраны 104 номинации организаций, оказывающих услуги по продаже и доставке цветов на территории города Оренбурга. Как подчеркивают А. А. Талицкая и Ю. Е. Зуева, в языкознании специальный термин, служащий для обозначения наименований цветочных магазинов и предприятий флористики, не используется [9, с. 326]. В связи с этим при описании результатов исследования в отношении указанных номинаций мы будем употреблять термин эргоним.

Продолжая исследования номинаций магазинов цветов, представим результаты лексико-семантического и компонентного анализа названий оренбургских организаций. По структуре рассматриваемые номинации могут быть разделены на три группы. Первая группа – простые названия, состоящие из одного слова («Подсолнух», «Незабудка», «Весна» и др.). Сложные – немногочисленные номинации, образованные сложением слов («ЦВЕТТОРГ», «ЦветыOrenOnm»). Составные эргонимы – названия, образованные из нескольких компонентов («Цветочная лавка», «Цветы от Валерии», «Садовый рай у Татьяны» и др.).

Некоторые наименования (3,8%) содержат числовой компонент **56** – индекс, указывающий на регион, на территории которого компания осуществляет торговую деятельность (Оренбургская область). Это такие номинации, как «Цветы **56**», «Buketbar**56**», «Viktoria flowers **56**», «Floraexpress**56**».

В ходе анализа наименований выяснилось, что в состав названий цветочных магазинов включаются фитонимы, например: «101 роза», «1001 роза», «РОЗА 25». Наблюдается трансонимизация фитонима в эргоним: «Диантус», «Пион», «Лаванда», «Василёк», «Незабудка», «Подсолнух». Указание на характер деятельности организации содержат и такие названия, как «Цветок», «Клумба», «Fleur», «La Fleur» (франц. «цветок») и др. Подобные номинации являются метонимией и содержат указание на основное направление деятельности компании – продажа цветов. Метонимическая онимизация, к которой нередко прибегают номинаторы, дает возможность наиболее полно отразить связь между объектом и его названием [10, с. 169].

Приведем наиболее интересные, на наш взгляд, примеры метафорического переноса в номинациях цветочных магазинов. Так, компания «Чиполлино» получила название по имени героя литературного произведения – мальчика-луковицы Чиполлино (подобного рода номинации частично отражают сферу деятельности организации). Необычна конструкция «Дон Пион», где используется антропонимическая приставка, этикетная формула *Дон*, выражающая уважение и почтение к адресату. Примечательно, что имена исторических персонажей, литературных героев в испанской лингвокультуре не мыслятся без этого компонента [11, с. 43]. Однако в данном случае имеет место языковая игра

на основе рифмовки последних букв – «*Дон Пион*», а компонент *Пион* используется в названии для адресации к цветам, с продажей которых связана деятельность организации.

Рассматривая частотные компоненты, которые тоже позволяют установить связь объекта и его номинации, следует отметить распространенную лексему – *цветок*, которая включается в состав эргонимов сферы цветочного бизнеса на разных языках. В составе 36 номинаций (34,6%) данная лексема представлена на русском языке (например, «*Цветы 56*», «*Цветочный город*»), в 6 наименованиях – на английском («*Street of flowers*», «*Happy Flowers*» и др. – 5,8%), в 2 названиях – на французском («*Fleur*», «*La Fleur*» – 1,9%). В составе 11 эргонимов (10,6%) можем наблюдать лексему *букет*: «*Съешь букет*», «*Букеты Ракеты*», «*Вау! Букет!*», «*БУКЕТ HOUSE*» и др.

Вызывают интерес примеры номинаций, образованных путем трансонимизации идеонимов. Так, в Оренбурге работает цветочный магазин «*Три сестры*» (в основе лежит название пьесы А. П. Чехова). В качестве еще одного примера идеонима может быть рассмотрена номинация «*PinkFloyd*», основой для создания которой послужило название популярного во второй половине XX века музыкального коллектива.

В названиях цветочных магазинов можем наблюдать примеры трансформации идеонимов с заменой лексических компонентов. Например, «*1001 роза*» вызывает ассоциации со всемирно известным сборником «*Тысяча и одна ночь*» (наблюдаем замену компонента *ночь* на целесообразный для названия цветочного магазина, а именно *роза*, позволяющего метонимически отразить характер деятельности организации). Кроме того, в ономастическом пространстве Оренбурга представлен эргоним «*ЦВЕТЫ И ТОЧКА*», образованный на базе названия иного коммерческого предприятия – «*ВКУСНО – И ТОЧКА*». Подчеркнем, что в рассмотренных примерах трансформация мотивирована стремлением номинатора, с одной стороны, отразить направление деятельности компании, с другой стороны, заменой компонента привлечь внимание покупателя оригинальным названием, побуждающим к переосмыслению уже знакомых названий.

В ходе исследования нами выявлена группа номинаций, представляющих собой побудительную конструкцию, призванную оказать воздействие на покупателя. Приведем примеры подобных эргонимов: «*Дари цветы*», «*Съешь букет*», «*Дари Красиво*», «*LOVI BUKET*». Можем заметить, что посредством использования глаголов повелительного наклонения в форме 2 лица единственного числа создается эффект личного обращения к потенциальному покупателю. Следует отметить и распространенность местоименных форм, которые активно используются номинаторами, включаются в состав наименований цветочных магазинов (4,7%): «*ЦВЕТЫ Я И ТЫ*», «*Цветы для тебя*», «*Мои цветы*», «*Душа моя*», «*Ваши цветы*», «*Mon Jardin*» (франц. «Мой Сад»).

Распространенным способом привлечения внимания в нейминге является языковая игра. Например, с использованием рифмы образованы названия «*Дон Пион*» (повтор *он*), «*Букеты Ракеты*» (повтор *ты*). Языковая игра на уровне графики наблюдается в наименовании «*Цветкофф*»,

привлекающем к себе внимание нарушением нормы. В 3 номинациях можем наблюдать графогибридизацию – оформление новообразований средствами графики разных языков, выполняющее декоративную функцию [6, с. 84]. Так, сочетания кириллицы и латиницы представлены в следующих номинациях: «*БУKET HOUSE*», «*GRANAT ЦВЕТЫ*», «*ЦветыOrenOnm*». Кроме того, в одном названии («*Bay! Букет!*») номинатором используется междометие, восклицательные предложения, благодаря чему название становится запоминающимся, выделяющимся на фоне остальных нестандартным подходом к неймингу.

Подводя итог, отметим, что в названиях оренбургских цветочных магазинов используются лексемы *цветок*, *букет*, указывающие на сферу деятельности организации. Достаточно распространенными в названиях компаний сферы цветочного бизнеса являются номинации на основе метафорического переноса. Названия представлены в основном на русском и английском языках. Однако в ходе исследования было обнаружено несколько примеров номинаций на французском языке («*Fleur*», «*La Fleur*», «*Mon Jardin*»), что связано с особенностями языка, позволяющего создать определенную атмосферу, романтическое настроение. Нами выявлены случаи трансонимизации идеонимов («*Три сестры*», «*PinkFloyd*»), а также примеры трансформации онимов с заменой лексического компонента. Однако эти замены мотивированы и дают возможность номинаторам проявить лингвокреативность и отразить суть деятельности организации.

Таким образом, коммерческая номинация, которая является частью современного языка города, представляет собой сложный лингвосоциальный феномен, особое динамично развивающееся явление городской культуры. Влияние различных факторов на сферу коммерческой номинации, стремление компаний к созданию положительного образа бренда и его узнаваемости с помощью названия, позволяет рассматривать наименования организаций как материал для региональных лингвистических исследований, направленных на изучение особенностей формирования городского ономастического пространства.

Список литературы

1. **Иванова, А. В.** Эргонимикон г. Читы / А. В. Иванова // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект : кол. моногр. / [Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова, Л. В. Камедина и др. ; под общ. ред. Т. Ю. Игнатович]. – Казань, 2019. – ISBN 978-5-00118-444-7. – С. 316–344.
2. **Новичихина, М. Е.** О месте коммерческой номинации в ономастическом пространстве / М. Е. Новичихина, М. А. Дрогайцева. – Текст : электронный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 4(43). – С. 27–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=vjnppez> (дата обращения: 18.04.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary. Ru». – DOI 10.36622/AQMPJ.2021.77.59.004.
3. **Питина, С. А.** Универсальные характеристики и уникальные особенности челябинских «цветочных» эргонимов / С. А. Питина, Е. В. Харченко. – Текст : электронный // Филологический класс. –

2024. – Т. 29, № 1. – С. 97–103. – URL: <https://filclass.ru/archive/2024/tom-29-1/universalnye-kharakteristiki-i-unikalnye-osobennosti-chelyabinskikh-tsvetochnykh-ergonimov-3> (дата обращения: 18.04.2025). – DOI 10.26170/2071-2405-2024-29-1-97-103.
4. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с. – ISBN 5-02-010892-8.
  5. **Позднякова, Е. Ю.** Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства / Е. Ю. Позднякова. – Текст : электронный // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 77–98. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ddzeey> (дата обращения: 18.04.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary.Ru». – DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(1).77-98.
  6. **Ремчукова, Е. Н.** Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта / Е. Н. Ремчукова. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 83–89. – URL: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/7360> (дата обращения: 08.09.2025).
  7. **Сажина, В. Э.** Этнические маркеры в нейминге (на примере г. Сыктывкар, Республика Коми) / В. Э. Сажина, В. Ю. Савицкая // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2020. – № 2. – С. 306–310.
  8. **Сотникова, Е. А.** Наименования коммерческих объектов Ельца как компонент языкового пространства города / Е. А. Сотникова, М. С. Гладышева, М. Ю. Иванова. – Текст : электронный // Filologos. – 2024. – № 2(61). – С. 56–61. – URL: <https://elsu.ru/filologos/issues/373/articles/4773> (дата обращения: 05.09.2025). – DOI 10.24888/2079-2638-2024-61-2-56-61.
  9. **Талицкая, А. А.** Особенности номинации цветочных магазинов России и Чехии / А. А. Талицкая, Ю. Е. Зуева. – Текст : электронный // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 324–336. – URL: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/1438> (дата обращения: 15.04.2025). – DOI 10.18255/2412-6519-2023-3-324-336.
  10. **Шаталова, Ю. Н.** Нейминг в региональном аспекте (на материале названий продовольственных магазинов г. Белгорода) / Ю. Н. Шаталова, А. Н. Медведева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5–1 (59). – С. 167–171.
  11. **Шеховцова, Е. А.** Коннотативные онимы с антропонимической приставкой don/doña / Е. А. Шеховцова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2017. – № 3(59). – С. 41–45.

Zhuleva M. I.

**Features of Nominations of Organizations in the Flower Business
(Using the Example of Ergonyms of the City of Orenburg)**

The article is devoted to the study of one of the layers of the city language. These are the features of commercial nomination. The author presents the results of the lexical-semantic and component analysis of nominations of organizations in the flower business sphere. The material for the study was 104 names of companies providing services for the sale and delivery of flowers in the city of Orenburg. During the study, trends in the nomination of the specified group of organizations were identified, examples of the use of language play techniques were considered, and the pragmatic potential of names was revealed.

Key words: *onomastic space, nomination, ergonyms, commercial name, language game, language game techniques, phytonyms*

Колядин Антон Валерьевич,
ст. преподаватель
подготовительного отделения
для иностранных учащихся
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
kav3105@yandex.ru

Проксемы как источники лингвокультурной информации в контексте иноязычного образования (на материале статей журналов «Вокруг света» и «Russian Traveler»)

В статье представлены результаты проведенного исследования использования проксем как источников лингвокультурной информации в процессе обучения иностранным языкам. Актуальность проводимого исследования обусловлена достаточно малой изученностью возможных вербализаторов пространственных отношений, несущих в себе лингвокультурные коды, а также их применением в качестве дидактической информации в иноязычном образовании. По результатам проведенного исследования были сделаны выводы о частом использовании авторами статей в качестве вербализаторов проксем-лингвокультурем монументонимов, урбанонимов и гидронимов, известных многим представителям международного сообщества, что позволяет говорить о дидактической значимости данных языковых единиц. В то время, как идиоматические выражения и паремии представлены в достаточно малом количестве в качестве локативных маркеров, несущих в себе культурологическую информацию, значимую для определенной нации, что говорит о необходимости проведения дополнительных исследований.

Ключевые слова: проксем-лингвокультуремы, пространственные отношения, локативные маркеры, онимы, идиоматические выражения, паремии

«Язык – это зеркало культуры» [5, с. 8]. В этом кратком, но в то же время ёмком изречении соединены воедино все факторы, лежащие в основе потребности в изучении языков в современном обществе. Стремительно меняющийся окружающий мир с каждым днем ставит все больше новых задач, для понимания и выполнения которых требуется владение иностранными языками, которые, помимо прагматического потенциала, являются неистощимым источником лингвокультурной информации. Изучение иностранных языков на образовательном уровне в настоящее время реализуется на основе лингвострановедческого подхода, предполагающего комплексное изучение иноязычной культуры посредством языка. Так, полученные обучающимися лингвокультурные знания будут способствовать выстраиванию межкультурных коммуникаций с носителями разных языков и культур.

В статье представлены результаты проведенного исследования проксем как источников лингвокультурной информации, изучение которых в процессе обучения иностранным языкам позволит не только обогатить имеющийся у обучающихся набор фоновых знаний о локативных объектах разных стран, но и использовать данный пласт лексики в иноязычном общении. Актуальность проводимого исследования обусловлена малоизученностью возможных типов проксем, характеризующихся наличием внеязыкового культурного кода, использование которых в публицистических текстах позволяет не только вербализировать локативные отношения, но и выполнять образовательную функцию.

Целью проведения исследования было изучение лексических единиц – маркеров пространственной лингвокультурной информации в статьях публицистического дискурса в контексте использования данных материалов в иноязычном образовании.

Источниками эмпирического материала при проведении исследования выступили тексты статей научно-популярных журналов «Вокруг света» и «Russian Traveler», посвященные путешествиям и различным туристическим локациям. Данные материалы имеют практическую значимость в рамках лингводидактики, поскольку обладают лингвострановедческой ценностью и могут использоваться в качестве методических материалов как на уроках РКИ, так и в процессе преподавания других иностранных языков.

В основе проводимого исследования лежал научный подход, реализуемый отечественными учеными Г. Д. Томахиным, Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым, Н. Д. Гальсковой, Н. И. Гез, Е. И. Пассовым, Н. Е. Кузовлевой и другими исследователями и педагогами, отмечавшими значимость получения лингвокультурных знаний для налаживания диалога культур.

Так, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и Г. Д. Томахин писали об изучении культуры и образа жизни представителей иноязычной культуры через их язык [2, с. 222; 12, с. 3]. Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, Е. И. Пассов и Н. Е. Кузовлева, в свою очередь, рассматривали способность выстраивания межкультурного общения между носителями разных языков в контексте образовательной деятельности, в основе которой лежит дидактическая задача сформировать у обучающихся понимание разницы между родным языком и культурой, а также между языком и культурой изучаемого языка с последующим использованием данной информации в двустороннем взаимодействии с собеседниками – носителями другого менталитета [4, с. 56; 9, с. 51].

В данном контексте отдельно следует отметить необходимость использования принципа актуальности, которым следует руководствоваться при подборе дидактических материалов, содержащих в себе информацию культурологического характера. Так, лексический материал, с которым предстоит работать в рамках обучения русскому языку как иностранному и иностранному языку, должен быть знаком обучающимся, либо в текстах должны содержаться пояснения, позволяющие понять содержащуюся в языковых единицах лингвокультурную информацию.

Использование материалов статей, опубликованных в научно-популярных журналах «Вокруг света» и «Russian Traveler», в качестве дидактических источников страноведческой информации не только способствуют цели иноязычного образования, заключающейся в расширении лингвокультурологических знаний обучающихся посредством изучения языка, но и выступают в качестве инструмента для совершенствования их речевой, языковой и компенсаторной компетенций.

В рамках проводимого исследования основной акцент был сделан на представленных в публицистических материалах проксемах, под которыми, согласно определению Е. А. Огневой, следует понимать «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке» [7, с. 114]. По мнению ученого, в контексте публицистического дискурса пространственные отношения могут быть вербализованы посредством четырех типов проксем: а) слов и конструкций, семантика которых позволяет номинировать создаваемые авторами пространственные образы; б) глаголов движения; в) топонимов; 4) пейзажных единиц [8, с. 56]. В то же время передача лингвокультурной информации в публицистических текстах происходит посредством использования лингвокультурем, являющихся комплексными межуровневыми языковыми единицами, в которых помимо основного языкового значения содержится внеязыковой культурный код [3, с. 44–45].

Таким образом, для номинации пространственных отношений, характеризующихся помимо локативной семантики наличием культурологической информации об особенностях описываемой в публикации местности, считаем возможным использовать термин проксема-лингвокультурема. Как показали проведенные исследования, данная языковая единица может быть выражена единицами разных языковых уровней, что оставляет список возможных вербализаторов проксем-лингвокультурем открытым для проведения дополнительных исследований.

Образцы эмпирического материала для исследования были отобраны методом сплошной выборки из статей разделов «Новости», «Путешествия», «Туризм», «Традиции и обычаи», «Их нравы» научно-популярных журналов «Вокруг света» и «Russian Traveler» [1; 6; 10; 11; 13; 14]. Следует отметить, что пространственные отношения в рамках материалов изученных публикаций вербализируются посредством разных категорий проксем: 1) проксем-спейснем, выраженных именами существительными с локативной семантикой; 2) проксем-глаголов; 3) прилагательных, образность которых позволяет создавать многомерные пространственные формы; 4) проксемного дейксиса. Проксемы-лингвокультуремы, в свою очередь, вербализируются онимами со значением места, имеющими культурное значение для определенных народов, а также идиомами и поговорками, переосмысленное значение которых позволяет ассоциировать описываемую локацию с определенной культурой.

Среди онимов-вербализаторов проксем-лингвокультурем можно выделить следующие типы:

– **топонимы:** *Памуккале, Поднебесная и др.:*

(1) Отсюда они правили **Поднебесной** почти пять веков [10].

Проксема-лингвокультурема «Поднебесная», как известно, является метафорическим наименованием Китая, впервые использованным в период правления династии Шань. Для объяснения подобной образной номинации государства следует обратиться к истории страны, в которой, по традиции, императора считали Сыном Неба (божества). Поэтому вся территория, которой правил император, называлась Поднебесной.

– **гидронимы**: *Голубая Лагуна, река Цзиньшуй, комплекс водопадов Игуасу, «Глотка Дьявола» (водопад), «Большая вода» (комплекс водопадов)* и др.:

(2) Самый крупный водопад называется **Глоткой Дьявола** [13].

Для индейцев гуарани комплекс водопадов Игуасу, крупнейшим из которых является «Глотка Дьявола», представляет значимое с точки зрения культуры и религии место, в котором они проводят ритуалы и которого боятся, потому что верят, что там живут духи. Для туристов, в свою очередь, это достопримечательность с очень красивыми видами. Однако, учитывая нравы местного населения, вести себя в подобных местах следует осторожно и с почтением.

– **оронимы**: *холм Сан-Педро в Кочабамбе, горы Уданышань* и др.:

(3) В каждом городе есть свои школы, но, наверное, самое аутентичное место, чтобы приобщиться к ушу, – **в горах Уданышань**, что в провинции Хубэй [10].

Ушу в Китае представляет собой неотъемлемую часть национальной культуры (это не только разновидность боевого искусства, но и способ физического и духовного воспитания и оздоровления), поэтому для жителей страны очень значимы подобные локации. Владение данной информацией позволяет объяснить лингвокультурную значимость данной проксема для жителей Поднебесной.

– **хоронимы**: *провинция Краби* и др.:

(4) Группа островов в **провинции Краби**, расположенных недалеко от Пхукета, известна экзотическими пейзажами и дикой нетронутой природой [6].

Проксема «провинция Краби», как становится понятно из текста статьи, известна среди туристов и местных жителей своей природой. Однако там также располагаются известные храмовые комплексы, играющие немаловажную роль в культуре жителей Тайланда. Следует отметить, что подобные вербализаторы проксем-лингвокультурем не всегда известны иноязычным реципиентам информации, поэтому зачастую требуют объяснения в рамках статьи.

– **урбанонимы**: *пляж Кута, Запретный город, Цзыцзиньчэн (Пурпурный запретный город), Внешний двор, Внутренний двор, императорский сад Юйхуаюань* и др.:

(5) В очереди в **Запретный город** я стою среди людей, переодетых в императоров, наложниц и министров [10].

Проксема-лингвокультурема «Запретный город» представляет собой метафорическую вербализацию крупнейшего сохранившегося дворцового комплекса в мире, возведенного в XV в. в период правления династии Мин. Этот исторический объект является культурно значимым

местом как для жителей Китая, так и для иностранцев, интересующихся мировой историей.

– **монументонимы:** *Статуя Христа* (в Боливии), *монумент в Рио-де-Жанейро*, *Христос де ла Конкордия*, *Христос-Царь в Свободзине*, *Музей Ван Гога*, *Рейксмузеум*, *Городской музей Амстердама*, *Дом Анны Франк*, *готическая церковь Аудекерк*, *туристический бассейн Клеопатры*, *Храм Пура Лухур Улувату*, *Музей бывшего Дворца*, *Полуденные ворота Умэнь*, *ворота Высшей Гармонии Тайхэмэнь*, *зал Высшей гармонии (Тайхэдянь)*, *зал Полной гармонии (Чжунхэдянь)*, *зал Сохранения гармонии (Баохэдянь)*, *зал Высшего спокойствия Циньаньдянь*, *зал Легендарной отваги* и др.

(6) *Кошка-завоевательница покорила **статую Христа** в Боливии* [14].

(7) *Интересный факт: статуя, расположенная на холме Сан-Педро в Кочабамбе, была построена в 1994 году по образцу знаменитого **монумента в Рио-де-Жанейро*** [14].

(8) *До 2010 года «**Христос де ла Конкордия**» считалась самой высокой статуей Иисуса в мире* [14].

Данная категория проксем-лингвокультурем представлена наибольшим числом образцов, что, полагаем, обусловлено культурной и исторической значимостью точечных объектов (статуй, храмов, монументов, музеев и т. д.), расположенных в различных географических локациях. Зачастую данные пространственные объекты широко известны, поэтому в текстах публикаций их не называют напрямую, но используют для этого локативные маркеры. Как можно увидеть в представленном образце под номером 7, известная статуя Христа-Искупителя в Рио-де-Жанейро не номинируется напрямую, однако читатели, имеющие определенный набор фоновых знаний о мировых культурных достопримечательностях, понимают данную отсылку автора публикации к определенной локации.

– **инсулонимы:** *Санторини*, *Пхукет*, *острова Пхипхи*, *Бали* и др.

(9) *Когда говорят о **Санторини**, первым делом вспоминаются фотографии белоснежных храмов с небесно-голубыми куполами, многие туристы едут сюда именно за этой эстетикой* [6].

Использованная в приведенном образце проксема-лингвокультурема, выраженная инсулонимом «Санторини», несет в себе дополнительную имплицитную информацию, которая воспринимается реципиентами на подсознательном уровне. В то же время для усиления культурной и эстетической привлекательности описываемой локации автор публикации дает дополнительное описание пространственных образов, характерных для данного острова, что усиливает многомерность воспринимаемого читателями пространства, привнося в него помимо эстетики культурные смыслы.

Кроме онимов вербализаторами проксем-лингвокультурем могут выступать идиоматические выражения и поговорки. Следует отметить, что в публицистическом дискурсе данные языковые образования служат скорее для придания тексту образности и художественной привлекательности, чем для описания пространственных отношений, что происходит за счет переосмысления семантического значения данных выражений и выполнения ими метафорической функции в публицистических текстах.

В то же время культурная информация, обусловленная этимологией данных языковых образований, а также семантическое локативное значение позволяют использовать их для вербализации пространственных отношений в публицистических текстах.

(10) *За своим самоваром: чем заняться в Туле и области* [1].

В данном образце паремия «*ехать в Тулу со своим самоваром*» была структурно трансформирована автором для привлечения читательского внимания. Знакомая всем носителям русскоязычной картины мира семантика оригинального выражения также была изменена на противоположное значение. Таким образом, помимо прямого значения пространственной номинации (статья посвящена путешествию в Тулу), в статье обсуждается, чем полезным и интересным можно заняться в городе, славящемся своими самоварами.

(11) *Москва – сердце России, Петербург – ум, а Нижний Новгород – карман* [11].

Эта пословица не имеет широкого распространения в повседневном обиходе, однако достаточно образно описывает статусность и культурное значение проксем «Москва», «Петербург» и «Нижний Новгород» для носителей русскоязычной картины мира в рамках пространственной паремиологии. Следует отметить, что вербализация праксем-лингвокультурем посредством идиоматических выражений и паремий представляет собой малоизученную область, в связи чем следует провести дополнительные исследования, по итогам которых, решать вопрос о возможности использования данного языкового материала в качестве дидактической информации в контексте иноязычного образования.

Таким образом, как показало проведенное исследование, возможными вербализаторами проксем-лингвокультурем могут выступать онимы, а также идиоматические выражения и паремии. При этом наиболее часто культурологическую информацию в проксемные матрицы привносят монументонимы, урбанонимы и гидронимы, что, вероятно, обусловливается ограниченной локализацией и высокой степенью значимости подобных пространственных маркеров в лингвокультурном сознании нации. Данный пласт лексики следует использовать в образовательном процессе с целью пополнения имеющихся у обучающихся фоновых знаний, а также последующего использования данного материала в процессе выстраивания процесса межкультурной коммуникации.

Использование идиоматических выражений и паремий в качестве возможных вербализаторов проксем-лингвокультурем может стать перспективой для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. **Васин, И.** За своим самоваром: чем заняться в Туле и области / Иван Васин. – Текст : электронный // Russian Traveler : [электронный журнал]. – URL: <https://rtraveler.ru/travel/russia/za-svoim-samovarom-chem-zanyatsya-v-tule-i-oblasti/> (дата обращения: 25.03.2025).
2. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство /

- Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 1990. – 246, [1] с. : ил. – ISBN 5-200-01076-4.
3. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 2006. – 330 с.
  4. **Гальскова, Н. Д.** Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 6-е изд., стер. – Москва : Академия, 2009. – 336 с. – ISBN 978-5-7695-64 73-4.
  5. **Колесова, Н.** Страсти переводческие / Наталия Колесова // Барикко, А. 1900-й. Легенда о пианисте. – Санкт-Петербург, 2014. – ISBN 978-5-389-07361-6. – С. 5–15.
  6. **Ненко, И.** «Пьяные на пляже. Черный песок»: туристы поделились главными разочарованиями от 7 популярных мест отдыха / Илья Ненко. – Текст : электронный // Вокруг света : [электронный журнал]. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/pyanye-na-plyazhe-chny-pesok-turisty-podelilis-glavnyimi-razocharovaniyami-ot-7-populyarnykh-mest-otdykha-id6272483/> (дата обращения: 25.03.2025).
  7. **Огнева, Е. А.** Особенности пространственной модели «Новая Атлантида» в архитектонике утопии Ф. Бэкона / Е. А. Огнева // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3(63). – С. 113–119.
  8. **Огнева, Е. А.** Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода / Е. А. Огнева // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2(78). – С. 54–58.
  9. **Пассов, Е. И.** Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования : метод. пособие для преподавателей рус. яз. как иностранного / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – Москва : Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с. – ISBN 978-5-88337-186-7.
  10. **Романова, Т.** Почитатели стихий: как в Китае стремятся достичь гармонии между пятью основополагающими элементами / Татьяна Романова. – Текст : электронный // Вокруг света : [электронный журнал]. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/pochitateli-stikhii-kak-v-kitae-stremyatsya-dostich-garmonii-mezhdu-pyatyu-osnovopolagayushimi-elementami-id6229351/> (дата обращения: 25.03.2025).
  11. **Сурнина, П.** Маршрут: Нижегородская область / Полина Сурнина. – Текст : электронный // Russian Traveler : [электронный журнал]. – URL: <https://rtraveler.ru/travel/russia/marshrut-nizhegorodskaya-oblast/> (дата обращения: 25.03.2025).
  12. **Томахин, Г. Д.** Америка через американизмы / Г. Д. Томахин. – Москва : Высшая школа, 1982. – 256 с.
  13. **Устич, Д.** Дух большой воды: как живут индейцы гуарани и почему они боятся водопадов Игуасу / Дарина Устич. – Текст : электронный // Вокруг света : [электронный журнал]. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/dukh-bolshoi-vody-kak-zhivut-indeicy-guarani-i-pochemu-oni-boyatsya-vodopadov-iguasu-id6240929/> (дата обращения: 25.03.2025).
  14. **Фесенко, В.** Кошка-завоевательница покорила статую Христа в Боливии / Вера Фесенко. – Текст : электронный // Вокруг света : [электронный журнал]. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/koshka-zavoevatelnica-pokorila-statuyu-khrista-v-bolivii-id6274406/> (дата обращения: 25.03.2025).

Koliadin A. V.

**Proxemes as Sources of Lingua-cultural Information in the Context
of Foreign Language Education (based on the Articles from the Magazines
“Vokrug Sveta” and “Russian Traveler”)**

The article presents the results of the research on the use of proxemes as sources of lingua-cultural information in the process of teaching foreign languages. The relevance of the research is due to the relatively small study of possible verbalizers of spatial relations, which carry lingua-cultural codes, as well as their use as didactic information in foreign language education. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the frequent use of monumentonyms, urbanonyms and hydronyms by the authors of articles as verbalizers of proxemes- linguaculturemes, which allows us to speak about the didactic significance of these linguistic units. While idiomatic expressions and proverbs are represented as locative markers in a rather small number which indicates the need for additional research.

Key words: *proxeme-linguaculturemes, spatial relations, locative markers, onyms, idiomatic expressions, proverbs*

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии,
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
chumak_tv04@mail.ru

Фильмонимы как особая группа имён собственных: аспекты перевода

Статья посвящена тематической группе фильмонимов, которые представляют собой зашифрованную идею кинофильма и помогают предугадать содержание сюжета. Автор рассматривает их классификацию, а также функции, которые являются важным элементом для привлечения внимания кинозрителей. В статье описываются основные стратегии и трансформационные приёмы, которыми пользуются переводчики при передаче данного класса онимов с английского языка на русский. Автором приведены и проанализированы примеры перевода на русский язык англоязычных фильмов, вышедших в XXI веке.

Ключевые слова: имя собственное, оним, перевод, приём, фильмоним, английский язык

Имена собственные (онимы) представляют собой особую категорию в лингвистике, которая демонстрирует индивидуальность и уникальность существительных во времени и пространстве. Как явление языка, онимы своеобразны по своей природе, они отражают различные реалии жизни и деятельности общества, поэтому нуждаются в постоянном изучении. Имена собственные, а также способы их передачи с английского языка на русский, вызывают интерес исследователей и сегодня, так как ономастическая лексика является ценным материалом для лингвистического анализа.

Изучением имён собственных занимались такие отечественные учёные, как Л. С. Бархударов, В. В. Виноградов, А. В. Суперанская и др., зарубежные философы и лингвисты: Джон Сёрл, Джон Стюарт Милль и т. д. Вопрос перевода имён собственных можно найти в работах И. С. Алексеевой, Т. В. Волкодав, Л. М. Щетинина и др.

Согласно классификации А. В. Суперанской, существуют: личные имена (антропонимы – *Иван, Джон*); клички животных (зоонимы – *Мухтар*); названия географических (топонимы – *Москва*) и водных объектов (гидронимы – *Темза*); названия космических объектов (космонимы – *созвездие «Орион»*); наименования божеств, мифических существ (теонимы – *Зевс*, мифонимы – *Баба-Яга*); названия отдельных предметов, которые содержат имена материальной культуры (хремотонимы: названия музыкальных инструментов – *скрипка «Аляр»*; названия оружия – *штурмовая винтовка SR-47* и т. д.) [8]. На наш взгляд, среди многообразия классов имён собственных особого внимания заслуживают названия произведений духовной культуры, группу которых изучает идеонимика [9, с. 30].

В статье мы рассмотрим фильмонимы, которые входят в ономастическое пространство идеонимов, а также проанализируем примеры трансформационных приёмов и стратегий их перевода с английского языка на русский.

Фильмонимы становились предметом изучения в исследованиях О. И. Александровой, Л. Г. Бабенко, Е. Ж. Бальжинимасовой, В. Е. Горшковой, Ю. Н. Подымовой и других. Названия фильмов должны отображать как содержание, так и художественную концепцию. Они должны быть ясными, лаконичными, интригующими и привлекательными для потенциальной аудитории [1, с. 113]. По мнению В. Е. Горшковой, фильмоним представляет собой высказывание, которое отражает ситуацию, моделируемую в киноленте, и является её зашифрованной идеей [5].

Подымова Ю. Н. указывает, что фильмонимы – это имена собственные, которые принадлежат уникальным предметам, то есть названиям кинофильмов, и составляют область духовной деятельности общества, а также могут обозначать время, место действия, называть героев [7, с. 11].

Фильмонимы по признаку «время» указывают на какие-либо временные рамки в киноленте, эпоху, год или дату: «127 часов» (2010), «Викинг» (2016); фильмонимы, которые указывают на место действия или пространство, указывают, где будет разворачиваться сюжет: «Однажды в Риме» / «When in Rome» (2009); фильмонимы, называющие героев, указывают на главных действующих лиц: «Железный человек» / «Iron Man» (2008).

«Лаконичные заглавия, – как утверждает А. А. Новикова, – оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя, устанавливая с ним контакт, поэтому писатели часто используют в заглавиях разные выразительные языковые средства...» [6, с. 50]. На наш взгляд, подобная инициатива присуща и режиссерам. Согласно классификации художественных заголовков, которую предложили лингвисты Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин, к вышеперечисленным фильмонимам можно добавить несколько групп: фильмонимы, указывающие на событие, которое содержит намёк на основное действие фильма, приведем в качестве примера сериал «Побег» / «Prison Break», (2005–2017); следующая группа – «предметы» – это фильмонимы, которые в названии демонстрируют ключевой предмет, например, «Властелин колец: Братство кольца» / «The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring» (2001). Также необходимо отметить смешанную группу фильмонимов, которые могут содержать в своем названии сразу несколько признаков, например, время плюс событие – «11.22.63» (2016) [3].

Рассмотрев примеры основных групп фильмонимов, можем утверждать, что имена кинолент действительно отражают тему и основную идею сюжета, привлекая тем самым внимание любителей кино. В современном мире кинофильмы играют важную роль, выполняя множество функций: познавательную или развлекательную, социальную или эстетическую.

Подымова Ю. Н. в своей диссертации выделяет четыре функции фильмонимов: номинативную (фильмоним несет в себе название фильма, которое является уникальным, и является первым, на что обращает внимание зритель до просмотра самой кинокартины); коммуникативную (фильмоним выступает как соединительный элемент между самим кинофильмом и зрителем); информативную (название передает какую-либо

информацию о сюжете фильма); рекламную (название киноленты призвано привлекать внимание потенциальной аудитории и побуждать к просмотру фильма) [6, с. 9].

Итак, фильмонимы являются важным инструментом для привлечения внимания зрительской аудитории, помогая предугадать содержание сюжета и сформировать некие ожидания от просмотра той или иной картины.

Современная киноиндустрия предлагает зрителям огромное количество фильмов и сериалов разных стран и производств, разных жанров и сюжетов, что даёт возможность выбрать фильм, исходя из своих предпочтений, целей или настроения. В интернет-пространстве количество просмотров иностранных кинолент во многом зависит от качественного перевода названий. Часто переводчики сталкиваются с трудностями выбора подходящего трансформационного приёма при передаче онимов с английского языка на русский. Существуют разные способы перевода имён собственных: транслитерация (*Boston* – Бостон), транскрипция (*George* – Джордж), калькирование (*White House* – Белый дом), прямой перевод (*Bill Gates* – Билл Гейтс), экспликация (*Darkest Africa* – отдаленная, недоступная часть Африки) и т. д. Выбор переводческой трансформации зависит от многих факторов, например, структуры и семантики онима или анализа культурно-исторического контекста [10]. Е. Ж. Бальжинимаева выделяет три основные стратегии, которыми пользуются переводчики при переводе фильмонимов: прямой перевод, трансформационный приём и полная замена названий [4].

Прямой перевод фильмонимов – это дословный перевод названия фильма или сериала, при котором остается тот же порядок слов или структура предложения. Данная стратегия включает в себя три распространённых способа перевода: калькирование, транскрипцию и транслитерацию [4].

Рассмотрим несколько примеров перевода фильмонимов на русский язык:

– калькирование: «*Desperate Housewives*» – «Отчаянные домохозяйки», (2004–2012); «*The Vampire Diaries*» – «Дневники вампира» (2009–2017); «*You*» – «Ты» (2018–2025);

– транскрипция: «*Hancock*» – «Хэнкок» (2008); «*Sherlock Holmes*» – «Шерлок Холмс» (2009); «*Clickbait*» – «Кликбейт» (2021);

– транслитерация: «*Interstellar*» – «Интерстеллар» (2014); «*Split*» – «Сплит» (2017).

На наш взгляд, данная стратегия передачи фильмонимов на русский язык является весьма удачной, сохраняет функции иностранных названий и не противоречит внутреннему содержанию кинокартины, а также является простой в применении. Однако человеку, не знающему английский язык, до просмотра фильмов, например, «Кликбейт» или «Сплит», будет сложно понять, о чем будет идти речь в сюжете, поэтому в данном случае прямой перевод усложняет восприятие, тем самым фильм, вероятно, не вызовет интерес со стороны кинозрителей.

Вторая стратегия, которую предлагает Е. Ж. Бальжинимаева, – это трансформация. Данный приём – это преобразование названий кинокартин, с помощью которого происходит переход от единиц оригинала к единицам перевода [4]. Другими словами, происходит своего рода адаптация

иностранного названия под аудиторию другой страны и культуры. Рассмотрев несколько фильмонимов, переведенных на русский язык при помощи трансформации, можно выделить следующие приёмы:

1. Приём добавления или расширения (иногда применяется и описательный перевод), который выполняет роль уточнения и делает перевод более интересным и понятным при помощи добавления одного или нескольких слов, например, американский сериал «9-1-1» (2018–...) на русский язык был переведен как «911: Служба спасения», такое название даёт больше информации о том, что означают данные цифры. Название художественного фильма «Click» (2006) было переведено как «Клик: с пультом по жизни», что раскрывает больше деталей для зрителя о сюжете фильма. При переводе фильма «Paddington» (2014) – «Приключения Паддингтона», переводчик добавил всего одно слово, тем самым показав, что *Паддингтон* – это не Лондонский вокзал, а имя медвежонка – главного героя фильма. Среди не так давно вышедших картин выделим фильм «The Friend» (2024), который на русский язык перевели как «Верный друг». Переводчик намеренно добавил слово «верный», так как в фильме рассказывается история невероятной связи между человеком и его питомцем: главная героиня и немецкий дог Аполлон стали верными и преданными друзьями. На наш взгляд, такой вариант перевода кинокартины несет дополнительную смысловую составляющую.

2. Приём опущения используется переводчиками, если иностранное название фильма является слишком громоздким, затрудняет восприятие русскоязычной аудитории, или если некоторые слова избыточны при переводе, например, при переводе третьей части комедии «Приключения Паддингтона 3» (2024) (оригинальное название «Paddington in Peru») переводчик опустил часть названия, оставив перевод по первой части трилогии, так как это продолжение популярного фильма и такое название будет привычнее для зрителей. Такую же трансформацию названия мы выявили при изучении перевода американской комедии «Legally Blonde 2: Red, White & Blonde» (2003), которая была переведена так же, как и первая часть – «Блондинка в законе 2», так как излишнее добавление сделает название громоздким и сложным для запоминания.

Рассмотрев вторую группу стратегий при передаче фильмонимов на русский язык, можем утверждать, что трансформация восполняет смысловую или стилистическую недостаточность прямого перевода и помогает облегчить восприятие заголовков для российских зрителей, а также является довольно популярным способом среди переводчиков, которые иногда сталкиваются с рядом трудностей при передаче фильмонимов на русский язык, что связано с цензурой, наличием непереводаемых единиц с языка оригинала или необходимостью сделать название более примечательным (в таком случае используется стратегия полной замены названия). Кроме этого данная стратегия применяется в тех случаях, когда использование прямого перевода или трансформационных приёмов не позволяет сделать название понятным для зрителей или не передаёт идею фильма [2, с. 12].

Например, для лучшего восприятия российским зрителем и привлекательности названия мультфильм «Hotel Transylvania» (2012)

получил перевод – «Монстры на каникулах». На наш взгляд, такое название действительно звучит как мультфильм и более понятно для маленьких зрителей. А вот для того, чтобы название фильма «Just Go with It» (дословно «Просто смиришься с этим») стало более интересным и чтобы привлечь внимание зрителей, его перевели как «Притворись моей женой», поэтому русский вариант гораздо удачнее, так как отражает основные события, происходящие в картине, в которой главные герои притворяются семейной парой.

Итак, фильмонимы должны быть лаконичными и привлекающими внимание, выполнять определенные функции (номинативную, коммуникативную, информативную и рекламную), отображать основную идею фильма и помогать предугадать сюжет. Рассмотрев перевод нескольких англоязычных названий фильмов на русский язык, выпущенных в начале XXI века, мы выявили, что переводчики применяют стратегии прямого перевода, трансформации (приём опущения и добавления) или полной замены названия. Перевод фильмонимов – это интересная, но довольно кропотливая работа для переводчика: при передаче на русский язык необходимо помнить об их основных функциях и стараться через перевод передать основную тему сюжета, но при этом сделать название запоминающимся для российской аудитории.

Дальнейшие перспективы нашего исследования мы видим в рассмотрении других групп имён собственных и анализе способов их перевода на русский язык.

Список литературы

1. **Александрова, О. И.** Стратегии перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки / О. И. Александрова, У. А. Николаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 113–122.
2. **Асанова, Ф. Р.** Стратегии перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и турецкий языки / Ф. Р. Асанова, А. Шахин. – Текст : электронный // Научный вестник Крыма. – 2020. – № 6(29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-sovremennyh-angloyazychnyh-filmonimov-na-russkiy-i-turetskiy-yazyki> (дата обращения: 11.07.2025). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
3. **Бабенко, Л. Г.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник : практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 496 с. – ISBN 5-89349-402-4. – ISBN 5-02-022602-5.
4. **Бальжинимаева, Е. Ж.** Стратегии перевода названий фильмов / Е. Ж. Бальжинимаева // Сравнительное правоведение в странах России, Монголии, Японии и КНР : материалы междунар. студенческой науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 17 апр. 2009 г. / [отв. ред. Ю. П. Гармаев]. – Улан-Удэ, 2009. – ISBN 978-5-9793-0182-2. – С. 32–45.
5. **Горшкова, В. Е.** Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла / В. Е. Горшкова // Вестник Пермского

- национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 26–37.
6. **Новикова, А. А.** Библейские интертекстуальные включения в романе Ч. Диккенса «Домби и сын» в контексте декодирования / А. А. Новикова. – Текст : электронный // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакommunikации. – 2023. – № 3(103). – С. 49–54. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=tneylc> (дата обращения: 11.07.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей Научной электронной библиотеки «eLibrary. Ru». – EDN TNEYLC.
  7. **Подымова, Ю. Н.** Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Подымова Юлия Николаевна ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 25 с.
  8. **Суперанская, А. В.** Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1969. – 206 с.
  9. **Чайкина, Ю. И.** История русских имён, отчеств и фамилий : материалы в помощь учителю / Ю. И. Чайкина, С. Н. Смольников. – Вологда : [Изд-во Вологод. ин-та развития образования], 2001. – 114 с.
  10. **Чумак-Жунь, Т. В.** Трансформационные приёмы при передаче имён собственных с английского языка на русский / Т. В. Чумак-Жунь // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакommunikации. – 2021. – № 2(56). – С. 53–58.

Chumak-Zhun T. V.

Filmonyms as a Special Group of Proper Names: Translation Aspects

The article deals with a special group of proper names, which are called filmonyms. They represent an encrypted idea of a film and help to predict the plot. The author examines the classification of filmonyms and their functions which are an important element for attracting viewers' attention. The work describes the main strategies and transformation techniques used by translators when transferring this class of onyms from English into Russian. The author provides and analyzes examples of translation into Russian of English-language films released in different years in the XXIst century.

Key words: proper name, onym, translation, technique, filmonym, English language

---

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдийчук Екатерина Николаевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Абросимова Наталья Андреевна, доцент ФГБОУ ВО «РГПУ им. А. И. Герцена», кандидат филологических наук, г. Санкт-Петербург

Белютина Юлия Александровна, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «СмолГУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Смоленск

Бутова Анна Владимировна, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», кандидат филологических наук, г. Магнитогорск

Быкова Анна Викторовна, заведующий кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «КГТА им. В. А. Дегтярёва», кандидат филологических наук, доцент, г. Ковров

Гладков Андрей Игоревич, аспирант 2 курса, научная специальность 5.9.3. «Теория литературы» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Горбова Наталья Викторовна, доцент кафедры теории и практики перевода и зарубежной филологии ФГАОУ ВО «СевГУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Севастополь

Дубинина Виктория Александровна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

Жулева Мария Игоревна, преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВО «ОГПУ», г. Оренбург

Зайцева Анна Владимировна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Кашкан Татьяна Александровна, старший преподаватель БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Кезина Светлана Владимировна, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «ПГУ», доктор филологических наук, доцент, г. Пенза

Колядин Антон Валерьевич, старший преподаватель подготовительного отделения для иностранных учащихся ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

Конькова Марина Юрьевна, аспирант 2 курса, научная специальность 5.9.3. «Теория литературы» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Липченко Анастасия Денисовна, студент 1 курса магистратуры Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, магистерская программа «Языковые технологии в бизнесе и образовании» ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург

Луннова Марина Геннадьевна, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «ПГУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Пенза

Марфина Жанна Викторовна, ректор ФГБОУ ВО «ЛГПУ», доктор филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Олизько Наталья Сергеевна, заведующий кафедрой английского языка ФГБОУ ВО «ЧелГУ», доктор филологических наук, профессор, г. Челябинск

Пастухов Александр Гаврилович, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «ОГИК», кандидат филологических наук, доцент, г. Орел

Пастухова Оксана Дмитриевна, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат филологических наук, г. Челябинск

Передерий Сергей Николаевич, доцент кафедры филологии и методики преподавания ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, г. Симферополь

Сергушкина Софья Сергеевна, магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «ПГУ», г. Пенза

Соболева Ирина Александровна, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Шинкаренко Яна Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Луганского филиала ФГКОУ ВО «ВИ МВД России», г. Луганск, ЛНР

Шляхова Галина Игоревна, аспирант ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького», г. Москва

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Научные статьи в сборник научных трудов Вестник Луганского государственного педагогического университета принимаются в течение года и, в случае положительного решения редколлегии, включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

В настоящее время издаются:

Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки. Образование»

Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки»

К публикации принимаются только **оригинальные высококачественные научные** работы (не менее 75% по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»).

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

- 1. Авторская заявка / согласие на публикацию авторских материалов.**
- 2. Текст научной статьи.**
- 3. Сведения о проверке статьи на наличие заимствований в системе «Антиплагиат».**

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются редактору серии в электронном виде. Электронный вариант статьи предоставляется вложением в электронную заявку. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

В случае несоответствия материалов требованиям и (или) в случае отрицательной внутренней рецензии (редколлегия проводит двойное слепое рецензирование каждой статьи) редакция оставляет за собой право не публиковать статью!

Правила оформления научных статей и других авторских материалов, принятых в издание Вестник ЛГПУ

К рассмотрению принимаются ранее неопубликованные рукописи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются. Рукописи, предлагаемые к публикации, проходят обязательное рецензирование.

Технические требования к оформлению текста:

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word. **Объем статьи – 10–16 страниц** (до 40 тыс. печатных знаков с пробелами), включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы – А4. Книжная ориентация.

Поля: левое – 3 см, верхнее – 2 см, правое – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Гарнитура: Times New Roman; цвет текста – чёрный; **шрифт** – кегль 14 пт; интервал – 1,5; выравнивание текста – по ширине.

Абзац выделяется красной строкой, отступ – 1,25.

Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (—), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки «елочки» (« »), внутренними – «лапки» („ ”). Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи **ссылки на литературные источники** нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;).

Например, [3, с. 65]; [4]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку с неразрывным пробелом, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации, сначала указываются инициалы ученого, а затем его фамилия.

Иллюстративный материал должен быть подготовлен для черно-белой печати и размещаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения.

Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Не рекомендуются к использованию рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Таблицы следует создавать в текстовом редакторе Microsoft Word, располагая их в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Требования к оформлению статей

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного учреждения или научной

организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами, жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием строки по центру, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать краткую характеристику статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 60–100 слов. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (6–9 слов / словосочетаний) определяют предметную область научной статьи на русском (располагаются после аннотации на русском языке) и английском языках (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Финансирование. Возможная ссылка на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи. Данные указываются на русском и английском языках.

7. Благодарность. Возможная благодарность отдельным лицам или организациям, принимающим участие в подготовке и (или) реализации исследования. Данные указываются на русском и английском языках.

8. Вводная часть статьи: постановка проблемы, актуальность, степень разработанности, цель статьи, представление новизны, теоретической и практической значимости излагаемых материалов.

9. Данные о методах и методологии проводимого исследования.

10. Основная часть статьи: анализ, обобщение и описание данных обозначенной научной проблемы. По объему занимает центральное место в статье.

11. Выводы отражают научную и практическую значимость результатов исследования, представленных в статье.

12. Библиографическая информация приводится после заключительной части статьи в алфавитном порядке. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием строки по центру, без абзацного отступа, без точки в конце, ниже с выравниванием по ширине приводится нумерованный список литературы.

Библиографическая информация должна быть современной (по общепринятым нормам – **не старше 5 лет**, если материал не содержит исторические сведения), авторитетной и исчерпывающей.

Источники на иностранных языках не переводятся, а оформляются в оригинальном виде (согласно ГОСТу).

Фамилии и инициалы авторов набираются жирным шрифтом, библиографическое описание источника – обычным. Максимальный объем – до 20 источников.

Не включаются в список литературы: архивные материалы, материалы конференций, учебники, учебные пособия; нормативные и законодательные

акты (постановления, законы, инструкции и т. д.); словари, энциклопедии, другие справочники; доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; ссылки на интернет-сайты. В тексте не должно быть гиперссылок! Гиперссылки допустимы только для DOI или URL.

В список литературы включаются научно-исследовательские работы (опубликованные научные статьи, монографии, авторефераты и диссертации) с указанием DOI статьи (при наличии), EDN статьи или URL (статьи) национального архива eLIBRARY.RU для всех источников.

Пример:

DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.2.38>;

EDN: BABHDP;

URL: <https://www.elibrary.ru/VDWITG>.

13. В конце статьи после «Списка литературы» указывают **на английском языке:** ФИО автора; ученая степень; ученое звание; название учебного учреждения/организации; электронный адрес; название статьи; аннотация и ключевые слова, соответствующие русскоязычному оригиналу.

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

СХЕМА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

Фамилия Имя Отчество,

д-р. пед. наук, профессор, заведующий кафедрой психологии

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

электронный адрес

Название статьи

Аннотация на русском языке, отражающая основное содержание статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 60–100 слов.

Ключевые слова: 6–9 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи.

Финансирование (при наличии). Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № ...«Название проекта».

Благодарность (при наличии).

Текст статьи.

1. Вводная часть: постановка проблемы, актуальность, степень разработанности, цель, представление новизны, теоретической и практической значимости излагаемых в статье материалов.

2. Данные о методах и методологии проводимого исследования.

3. Основная часть: анализ, обобщение и описание данных исследования обозначенной научной проблемы.

4. Выводы, отражающие научную и практическую значимость результатов исследования, представленных в статье.

Список литературы

1. Морозова, А. В. Квалиметрико-компетентностное управление отбором социальных объектов в системе «наукоемкое производство – вуз»: монография / А. В. Морозова, А. В. Киричек. – Москва: Спектр, 2022. – 320 с. – DOI 10.14489/4442-0089-6.

2. Ульченко, Ю. В. Профессиональная подготовка специалистов для документационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции в Луганской Народной Республике / Ю. В. Ульченко, А. С. Тагиев // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. – 2025. – № 3(128). – С. 111-118. – URL: <https://elibrary.ru/gecfxe>

3. Харченко, С. Я. Зарождение идей развивающего обучения в эпоху Древнего Востока и Античности / С. Я. Харченко, С. Н. Гришак, Л. И. Харченко // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. – 2025. – № 3(128). – С. 228-233. – EDN YWTZEE.

Фамилия Имя Отчество на английском языке,

ученая степень, ученое звание на английском языке

Название учебного учреждения, организации на английском языке

электронный адрес

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке, соответствующая русскоязычному оригиналу.

Ключевые слова: на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

Финансирование (при наличии) на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

Благодарность (при наличии) на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Филологические науки»

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**

Редактор серии – **А. А. Новикова**

Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**

Корректор – **О. И. Письменская**

Компьютерная верстка – **Н. В. Купrienko**

Подписано в печать 30.10.2025. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 14,63.

Тираж 46 экз. Заказ № 73. Дата выхода 19.12.2025. Свободная цена

Адрес редакции, издателя, типографии:

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011 Тел. : +7 857-258-03-20

Макет издания отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства ФГБОУ ВО «ЛГПУ», ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ